

VBI HAROLD: SACRAMENTVM: FECIT:
VVILLELMO DVCI:-

ИМЕНОСЛОВ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

NDIVM:

ET HIC EPISCOPVS: CIBV:
POTV: BE NE DIC IT

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Российская Академия Наук
Отделение историко-филологических наук

ИМЕНОСЛОВ / ИМЯ
Филология имени собственного

Редакционная коллегия серии:
Вяч. Вс. Иванов, А.Ф. Литвина, С. М. Михеев,
Т. М. Николаева, Ф. Б. Успенский

ТРУДЫ ЦЕНТРА
СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

~ I ~

Институт славяноведения РАН
Центр славяно-германских исследований

ИМЕНОСЛОВ
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Отв. ред. Ф. Б. Успенский

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 94(4) +394.912
ББК 6.3.3(4)
И51

И51 Именослов: История языка, история культуры: Труды Центра славяно-германских исследований / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. — СПб. : Алетейя, 2010. — 240 с.
ISBN 978-5-91419-343-7

В первый том Трудов вошли работы сотрудников Центра славяно-германских исследований, материалы докладов, прозвучавших на постоянно действующем семинаре Центра, тематических круглых столах и конференциях в 2006–2008 гг., работы известных исследователей, отечественных и зарубежных, которые были приглашены специально для этого издания.

Представленные статьи предлагают комплексный междисциплинарный подход в исследовании мира архаической древности и Средневековья в филологической, исторической и искусствоведческой перспективе.

Своеобразным ядром этого тома стала группа ономастических работ, продолжающих традиции двух выпусков сборника «Именослов: Историческая семантика имени», изданных Институтом славяноведения в 2004 и 2007 гг.

УДК 94(4) +394.912
ББК 6.3.3(4)

ISBN 978-5-91419-343-7

© Коллектив авторов, 2010
© Институт славяноведения РАН, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

СЛАВЯНО-БАЛТО-ГЕРМАНСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ОБЩНОСТЬ КАК СЕВЕРО-ЗАПАДНО-ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЗОНА В СООТНЕСЕНИИ С ДРУГИМИ ДИАЛЕКТАМИ

В последние годы появляется все больше работ, в которых предпринимаются попытки пересмотреть традиционное понимание отношений между индоевропейскими диалектами, сложившееся после книги Мейе под влиянием первых успехов лингвистической географии (Meillet 1922); оно было подытожено в книге Порцига (Порциг 1960), где отмечены и специальные славяно-балто-германские связи, являющиеся предметом рассмотрения в настоящей статье. Наряду с проблематичным опытом применения новых идей, выдвинутых Р. Диксоном отчасти под влиянием моделей эволюционной биологии в их приложении к лингвистике (Watkins 2008, Garrett 2006), оказывается возможным учесть и обогатившийся новыми данными опыт исследования древнейших языков, что позволяет уточнить картину распада праиндоевропейской языковой области на отдельные диалекты. Поскольку это имеет большое значение и для рассмотрения проблемы отношений между германским и балто-славянским, представляется целесообразным предварить исследование последнего кратким обзором сведений о ранних диалектах с точки зрения их соотношения с более поздним членением всей индоевропейской области.

1. 1. Ностратический и индоевропейские диалекты

Современное представление о диалектах индоевропейского праязыка основано на гипотезе о первоначальном континууме вариантов одного из языков, которые развились вероятно (судя по соотносению глоттохронологических выводов с археологическими) позднее XI-го тыс. до н. э. после распада ностратического праязыкового единства (о глоттохронологической дате выделения из него индоевропейского в X тыс. до н. э. см. Старостин 2007; ср. Dolgopolsky 2008; Bomhard 2008) или тех диалектных групп, скажем, индо-уральской (Rosteck 1937, Ыор 1974, 1975; 1979; 1981; 1989) или индоевропейско-картвельской (предполагавшаяся рядом ученых начиная с Боппа, ср. Климов 1994 а и б; Klimov 1985; 1994; 1998; Климов, Халилов

2003 с литературой вопроса), которые теоретически могли быть промежуточными между праностратическим и его потомками. На протяжении почти 7 тысячелетий внутренняя история этого праиндоевропейского диалектно-го континуума остается от нас скрытой. О ней можно только догадываться, в частности, путем изучения последующих изоглосс.

1. 2. «Евфратский»: вероятный индоевропейский диалект, отраженный в дошумерской ранней предклинописной письменности

Первые гипотетические сведения об одном из ранних диалектов этого праиндоевропейского языка, уже обособившегося от других родственных ему ностратических, можно получить из тех зафиксированных в самых ранних предшумерских протоклинописных текстах второй половины IV-го тыс. до н. э. форм, которые предположительно относят к «евфратскому» индоевропейскому диалекту. Наличие индоевропейских форм в шумерских текстах было отмечено ранее (Иванов, Гамкрелидзе 1984, II). Сравнительно недавно было предположено, что архаический «евфратский» индоевропейский диалект может быть восстановлен на основе особых звуковых чтений «протосумерских» протоклинописных знаков, имеющих наряду с этими древнейшими «евфратскими» чтениями и другие, предположительно более поздние — шумерские (Wittaker 1998; 2004). Гипотетическое время существования евфратского диалекта — вторая половина IV тыс. до н. э., место — Южная Месопотамия. От праиндоевропейского праевфратский диалект мог отделиться существенно ранее, о чем могут свидетельствовать возможно сохранившиеся в нем древние черты: согласно гипотезе Уиттакера, примерно сотня знаков ранней (пред)клинописи, по чтению отличных от шумерских, восходит к соответствующим словам этого диалекта, уже отличного от других индоевропейских (сходство отмечается по лексическому составу с индоевропейскими языками Европы, что представляет особый интерес для германо-балто-славянской проблемы). Часть предлагаемых Уиттакером этимологий кажется вероятной, как евфратское *h urin* ‘орел’ (приводится уже в словарном списке A 11/620 в Эбле), тождественное хеттск. *ḫara-n-*, др.-греч. ὄρνις (значение ‘птица’ = ‘главная птица — орел’) при балто-славяно-германском: лит. *ere-lis* ‘орел’, диал. (вост.-лит.) *are-lis* (при отсутствии суффикса в поэтическом *eras, aras*; в дайнах, Būga 1958, I, 13, примеч. 3, 55, 118, 132, Fraenkel KZ 58, 285 ff.; 122; Иванов 2007), латыш. *erglis* (< **er(d)lis*, Endzelin 1923, 176; Endzelins 1951, 244 ff.); ср. диалект.

им. п. мн. ч. *ereli*, топоним. *Erlaa*, *Ergli*), др.-пруск. *arelis* (засвидетельствовано в форме *arelie*, *Elb. Voc.*, 709; Топоров 1975, I), ст.-сл. ОРЬЛЪ, русск. *орёл*, польск. *orzeź*, гот. *ara* (Lehmann 1981; с соответствием в кельтском: брет. *er* (**ero-*), валл. *eryr* (<**eriro-*). С представлением об архаичности «евфратского» как раннего индоевропейского диалекта согласуется свидетельствуемое приведенным названием орла сохранение ларингального в начальной позиции, где, как и в анатолийских языках, он выступает в форме *h-* (что сходно и с отражением его в армянском). Очень древние грамматические черты, которые могут быть реконструированы для евфратских именных основ, в том числе использование конечного суффикса *-t*, сравнимого с показателем существительных среднего рода в архаическом северно-антолийском лидийском языке, говорят в пользу гипотезы Уиттакера (на основании этих сравнений можно было бы думать, что индоевропейские местоименные формы типа им. пад. ед. ч. ср. р. **to-d* имели соответствие в аналогичном именном окончании; это могло бы представить интерес для реконструкции всей местоименной парадигмы в разных индоевропейских диалектах). Интерес вызывает также роль суффикса *-i-* в прилагательных, сопоставимая с анатолийско-балтийской изоглоссой, выявленной ранее: Gusmani 1968; Puhvel 1982; Erhart 1995. В свете этих новых соответствий речь может идти об архаической черте сохраненной в балтийском (в этой связи можно отметить и суждения князя Н. С. Трубецкого о роли именных основ на *-i-* в старославянском). В других случаях предположения Уиттакера остаются вероятной гипотезой, как этимология шумерск. *eren* «кедр», сравниваемого с индоевропейским названием «можжевельника» как священного растения¹. Если в целом языковая сторона гипотезы Уиттакера (вызывающая одобрение скорее у некоторых шумерологов, чем у индоевропейцев) будет принята, то из нее бы следовало, что одно из этнических образований, входивших в группу носителей индоевропейских диалектов, к концу 4 тыс. до н. э. обитало к югу от предполагаемой территории индоевропейской прародины, откуда оно должно было сместиться, выделившись из исходного единства. Более сильное утверждение вытекало бы из проблематичного понимания Уиттакером некоторых древнейших таблиц как целиком напи-

¹ В работах Уиттакера есть и некоторые другие приемлемые сопоставления: в частности, в свете недавних разысканий Э. Барбер об индоевропейском использовании текстиля вызывает интерес предположение о наличии в «евфратском» индоевропейского корня «прясть».

санных на «евфратском» индоевропейском диалекте: в этом случае можно было бы думать, что хотя бы в части индоевропейской языковой области рано началось использование древнего письма (это, в свою очередь, помогло бы решению проблемы древнебалканского письма типа таблечек из Винча, где знаки близки к раннепротошумерским при более древней датировке).

1. 3. Две группы анатолийских языков и древнеанатолийские диалекты времени староассирийских табличек

Мы гораздо больше знаем теперь о первых письменных текстах и рано использовавшихся языках на территории Анатолии. Благодаря соединению выводов разных наук в настоящее время оказывается возможным расширить и достаточно далеко отодвинуть вглубь прошлого как рамки исторических свидетельств об индоевропейских языках в целом, так и историю дюжины древних анатолийских индоевропейских диалектов, объединяемых в две основные группы. К ним относятся языки северно- (или восточно)-анатолийские. Самый архаический и в то же время лучше изученный из них — древнехеттский XVII–XVI вв. до н. э., тексты на котором были написаны особым древним пошибом клинописи. Позднейшие его продолжения это — среднехеттский и новохеттский — официальный (и вероятно в большой степени уже искусственный) язык Хеттского Нового Царства XIV–XIII вв. до н. э. от древнехеттского они отличаются по письму, по грамматике, а отчасти и по менявшемуся под влиянием разговорных языков словарю. К древнехеттскому был близок палайский язык на севере. Много позднее уже в текстах античного времени был зафиксирован другой относительно более близкий к хеттскому и палайскому язык — лидийский (часть его возможных исключительных архаизмов отмечена выше), в отличие от остальных языков этой группы на нем говорили на юго-западе. К другой (южной или западной) группе индоевропейских диалектов Анатолии принадлежали клинописный и иероглифический лувийский языки. Они были близки к разговорной речи большинства жителей Центральной и Южной ее частей, а также соседних областей Сирии. В более позднее время следующий этап развития этих южно-анатолийских языков обнаруживается в диалектах Запада Малой Азии классического античного периода, записанных алфавитным письмом типа древнегреческого. Это — ликийские языки А и Б. Второй из них, иначе называемый миллийским, представлен только темными по содержанию архаичными поэтическими текстами. Наконец к этой же южно-анатолийской

(лувийско-ликийской) группе, как теперь выяснено, относились совсем недавно расшифрованный карийский и известные по скудным и пока не вполне понятным памятникам сидетский и писидийский.

На рубеже III и II тыс. до н. э. в именах туземцев и заимствованиях в староассирийских текстах в Канише и других малоазиатских городах представлены обе группы анатолийских диалектов — северная и южная (Иванов 2008). В самые последние годы восстановлены следы древнего пантеона Каниша. Они представляют неожиданный большой интерес и для сравнения с такими позднейшими индоевропейскими традициями, как древнеславянская и балтийская, переключки которых с древнеанатолийской позволяют выявить самые ранние черты в них всех.

Один из двух главных богов этого времени назывался именем, которое в староассирийской письменности передавалось как *Ni-pá-as*. Выражение *i-na ša Ni-pá-as* 'во время празднества Бога Nipas' указывает на ритуал, занимавший в общей сложности несколько дней. Встречается также приношение *i-na É Ni-pá-as* 'в храме Бога Nipas', отмечается имя его жреца и упоминается присутствие туземного царя Каниша на празднике в этом храме (Kryszat 2006, 114; Ivanov 2008). Имя Бога *Ni-pá-as* обоснованно сравнивают с позднейшим древнехеттским *nepiš* 'небо'. Но наиболее точное соответствие характеру гласных в этой туземной древнеанатолийской форме находится в иероглифическом лувийском *ti-pa-sá* 'небо' [письменная передача слова, произносившегося как *tipas*], в котором наблюдается и изменение согласных **n* > *d-/t-*, сходное с происшедшим в родственном индоевропейском слове в балтийских языках — литовск. *debesis* 'облако', латышск. *debess* 'небо'. Сравнение этих и им подобных индоевропейских форм друг с другом позволяет восстановить существительное, к которому восходит и праславянское название обожествлявшегося неба, откуда русск. *небо*, *небес-а*, родственное санскритск. *nábhās* 'облако, туман', древнегреческ. *νέφος* 'облако', лат. *nebula* 'туман', др.-в.-нем. *nebul*, др.-англ. *nifol*. 'темный' (в этом случае древнегерманские формы отличны от балто-славянских и ближе к италийским, что может отражать более поздние географические связи западно-индоевропейских диалектов, следующие за предполагаемым периодом германо-балто-славянской общности). Интересно и далеко идущее совпадение иероглифического лувийского местного падежа *ti-pa-si* [произносилось как *tipas-i*], клинописного лувийского *tap-pa-ši-i* 'на небе' с литовским диалектным *debesij*, церковнославянским НЕБЕСИ и русск. *небеси* 'на небе' и от

него почти что не отличавшимся древнехеттским клинописным *ne-e-pí-ši*. В славянском и в древнеанатолийском совпадают и другие формы слова (в том числе родительный падеж множественного числа — среднехеттск. *ne-pí-ša-an*, старославянск. *НЕБЕСЪ*, русск. *небес*), и его мифологическое и физическое (связанное с экологией) значение.

Имя другого важнейшего туземного Бога в период слоя II — *Perwa* остаётся (в отличие от Бога Неба) существенным и во все позднейшие периоды истории хеттской религии. В написанных туземными жителями текстах слоев I и II имена, содержащие это прозвание бога *Perwa*, принадлежат самым почитаемым лицам, как *Pe-ru-wa na-si-ir Ka-ni-is* ‘*Perua*, защитник Каниша’. Похожее имя бога встречается в архаичных хеттских перечислениях богов, славу которым поют «певцы Каниша». Родственные слова, как хеттск. *peru(na)* — «скала, утес, глыба» (в том числе и скала-мать каменно-го чудовища Уликумми в хеттском переложении хурритского мифа), санскритск. *parvata* — «гора», позволяют удостоверять первоначальную связь анатолийского имени бога (Kloekhorst 2008, 669) с праиндоевропейским именем Бога Грома или Грозы, к которому восходит литовское имя аналогичного бога *Perk-un-as*, *perk-unija* «гроза», древнеисландское *Fjörgyn* «мать Бога Грома» и праславянское имя Бога Грома, продолжавшееся в древнерусском *Перунь*. В славянских языках слово относится и к каменным орудиям бога, которые он швыряет с небес (Иванов, Топоров 1974). Слово *перуны* в этом смысле долго сохранялось в языке классической русской поэзии. С приведенными литовским и древнеисландским существительными, в которых за корнем следовал суффикс *-*ūni-*, сходно и славянское наименование места под Новгородом *Пер-ынь* (из **Per-ūni-*), где экспедиция покойного Седова нашла остатки святилища бога *Пер-уна*. Совпадение форм др.-русс. *Пер-ынь* (из **Per-ūni-*), лит. *perk-unija* «гроза», древнеисландск. *Fjörgyn* «мать Бога Грома» принадлежит к числу тех поздних славяно-балто-германских схождения, большая часть которых рассматривается ниже. Славянское имя бога по форме из всех индоевропейских особенно близко к хеттскому. Хеттский бог *Pirwa-* (*Perwa*), как и праиндоевропейский и балто-славянский бог с родственным именем, связан с конями, которые везут его колесницу в соответствующих мифопоэтических текстах. Но в анатолийских традициях при сохранении древнего имени бога и некоторых его семантических связей (со скалами, с конями) утрачивается его первоначальная функция как бога грозы. В этой функции уже в древнеанатолийском диалекте времени староассирийских колоний, а затем и в хеттских и в лувийских текстах, вы-

ступает слово, которое некогда было одним из эпитетов этого бога как «Победителя». Сохранился в нем только суффикс, напоминающий о древнем имени бога. Встречающееся в староассирийских текстах древнеанатолийское имя Бога Грозы *Tarḫuni* образовано от этого древнего эпитета с помощью суффикса *-ni*. Древнехеттское логографическое написание.^(д) *IŠKUR* (в надписи Аниттаса IM) *-un-ni* “бог Грома” передает этот древний эпитет, читавшийся как *Tarḫ-unni* и соответствовавший лувийскому *Tarḫunt-*, анатолийскому глаголу *tarḫ-u-* “побеждать”, и индо-иранскому **tr-v-ant-* “могучий, победительный». Связь с основой **þo/ur* в скандинавском и древнегерманском имени бога **Thþo/ur* (др.-исл. *Þörr*, *Bunarr*; др.-англ. *Bunor*, *Þūr*; др.-сакс *Bunær*; др.-фриз. *Tonger*, ст.-голл.: *Donar*; др.-в.-нем. *Donar*; прагерм. **Thþo/unaraz*) фонетически проблематична, но не исключена полностью (возможно метатезообразное перемещение суффикса в собственно корневую часть слова).

В собственных именах древнего населения староассирийских колоний сохраняется архаический общеиндоевропейский тип образования собственных имен посредством сложения двух именных основ, связываемых соединительным тематическим гласным **-o-* > анат. *-a-*. Этот тип словосложений отличается от позднейшего состояния древнехеттского, лувийского и других северных и южных анатолийских индоевропейских языков. В них словосложение теряло свое значение (особенно в словообразовании) и при этом полностью исчез тип сложения с соединительной гласной. Его след можно видеть только в уже неразложимых древнехеттских *composita*, как *ten-a-ḫanda* ‘(на)против, перед, по направлению к’ (CHD, III, fasc. 3, 1986, 274–288) <*ten-(i/a)* ‘лицо, щека’ (там же, 289–290) + *-a* < **-o-* + *hand-a* ‘стороню’ (древняя форма направительного падежа-директива от *ḫant-* ‘передняя сторона, лоб’²⁾.

² Слово как название части тела (‘лба, носа, профиля лица’) **H(o)nt-* имеет соответствия не только в древних индоевропейских языках, но и в уральском (финно-угорск. **oiśca* ‘лоб’, Сор 1975, s. 12, 17–18, 20, 24, 46, 90) и афроазиатском (древнеегипетском и чадском) и возводится к древнейшим элементам хеттской и индоевропейской лексики ностратического происхождения. К тому же семантическому полю принадлежит и название ‘лица, щеки’ **men-*, с суффиксом **-to-* образующее название ‘рта, подбородка’. Избыточное соединение двух слов одного семантического поля внутри этого древнехеттского словосложения напоминает семитские принципы синонимической организации поэтической речи и может быть архаичным.

В том же диалекте архаический тип древнеанатолийских женских собственных имен представляет собой словосложение с последней (второй) основой *-ne/ik/ga-*; в соответствии с древними принципами индоевропейского словосложения перед этой основой выступало соединительное **-o- > -a-*. За первой именной основой следовал группа морфов *-a-nig/ka*. Основа существительного, в древнеанатолийском выступающая как *nika*, в древнехеттском *-nega-* «сестра, кровная родственница *ego* в его поколении», принадлежит к архаичным общим элементам анатолийского (древнехеттского и лувийского) словаря, с этнологической точки зрения допускающих интерпретации ранней системы родства по типу омаха-кроу.

Передававшийся в хеттской клинописи несдвоенным написанием интервокального смычного *-g/k-* индоевропейский звонкий придыхательный заднеязычный в лувийском исчезал: хеттск. *anna-nega-* 'двоюродная сестра' соответствует лувийск. *anna-niya-[mi]* (первая половина сложения представляет собой анатолийское имя «матери» — в несвязанной форме лувийск. *ant-i*, отвечающее онматопоэтическим формам «детских» имен родства в других языках), хеттск. *neg-na* 'брат' — лувийск. *nana-sr-i* «сестра»: к соответствующему лувийскому названию сиблинга — брата и сестры вместе взятых присоединен последний элемент, обозначающий в индоевропейском (как позднее в производных основах в диалектах типа балто-славяно-германского) женщину. Следовательно, исходная основа, близкая к хеттской, восстанавливается для праанатолийского (и, если считать два анатолийских языка, где она представлена, разными индоевропейскими диалектами, то и для праязыка, из которого они происходят). Эта общепанатолитская основа восходит к ностратическому: Чоп предложил возводить ее к индо-уральскому, сопоставляя с венгерск. *nő* и другими финно-угорскими и самодийскими названиями 'женщины' (Сор 1979, 21; Иванов 1990, 84); более точное соответствие обнаруживается в алтайском **nek'V >* тунгусо-маньчжурск. **neku* 'младший родственник (сестра, брат)' > негидальск. *nэхун* 'двоюродный младший брат, двоюродная младшая сестра, племянник, племянница, брат или сестра мужа или жены, младше говорящего; младший,

Др.-хет. *ten-i-* является основой на *-i-* в древнейшей надписи Анитты и поэтому *-a-* служит не приметой предшествующей основы, а соединительным гласным. О древности сложений с таким последним элементом свидетельствует название древнего города *Puruš-ḫanda*, но в нем нет соединительного гласного (первый элемент может быть прообразом этнонима пруссов и поэтому важен для проблемы балто-анатолийских изоглосс).

младшая', дравид. *nāg-* 'младшая женщина' < ностратич. **nVkv*³. Слова с ностратическими этимологиями, отсутствующие в других индоевропейских языках, могут считаться особыми архаизмами анатолийского прадиалекта или двух прадиалектов — северно-южно-анатолийских. В данном случае вероятен и семантический архаизм, позволяющий предположить отражение в названии младшей родственницы типа родства, позднее исчезающий или перестраивающийся (что влекло и изменение терминологии родства).

В исследованиях Лароша (L, 297–306) и ряда других ученых, подготовивших сделанное им открытие, было показано, что тип образования древнеанатолийских женских имен с последней частью *-ḥšu- -šar* сложился благодаря соединению архаического морфа *-ḥšu-* с еще более архаичной основой *-šar* 'женщина', которая унаследована от общеиндоевропейского. В хеттском языке слово сохраняется в древних словосложениях (по типу соответствующих общеиндоевропейскому названию 'сестры', которого нет в хеттском⁴), переосмысляемых как суффиксальные производные на *-ššar-a-*, получающее функцию показателя женского пола (как в итало-кельтских числительных), тогда как в лувийском (как и в древнеиндийском) к слову, сохраняющемуся как самостоятельная лексическая единица, присоединяется суффикс женского рода *-i*: *ašr-ai* 'женщина', *nana-šri* 'сестра' (< 'брат' + 'женщина'), др.-инд. *strī* < **sr-iH*. Архаизм сочетания морфов *ḥšu- -šar* подтверждается тем, что в хет. *ḥaššu-ššara* 'царица' (при параллельном значении 'царь' для буссуффиксальной основы на *-u-*) соотносится по происхождению с этим хеттским существительным древнеанатолийское существительное *ḥašu-šar-na* (Michel 2001, 505; L, 63, N 328) характеризуется дополнительным суффиксом, что, по всей вероятности, связано с необходимостью отличия имени от названия «царицы», которое в древнеанатолийском могло частично уже совпадать с хеттским (хотя вероятно еще без тематизации последнего морфа)⁵. В некоторых текстах большинство женских имен построено как четырехморфные со второй частью — *ḥšu-šar*.

³ Starostin 2003; Starostin, Dybo, Mudrak 2003, vol. 2, p. 968; Цинциус 1982, с. 248. Предполагаемая Старостиным праформа несводима с уральской.

⁴ Слово позволяет с лексической и антропологической точек зрения фиксировать отделение всех индоевропейских диалектов, сохранивших это словосложение, от анатолийских, где в том же значении выступает унаследованное от ностратического **negho->neka-*, рассмотренное выше.

⁵ В качестве интересной общетипологической параллели можно указать на сохранение праиндоевропейского, праностратического и общевразийского имени «женщина» в современном английском *queen* «королева, царица».

Изменение этого продуктивного типа, как и другого рассмотренного выше типа личных женских имен, по-видимому связано с перестройкой всех наименований женщин, происшедшем при переходе от древнеанатолийского к древнехеттскому и вероятно имевшего не только языковые, но и социальные причины.

Новейшие успехи в археологическом исследовании архивов Каниша/Кюль-тепе сделали возможным найти новые существенные термины, введенные в староассирийский диалект этих текстов из анатолийских языков, носители которых преимущественно пользовались этими словами в своих староассирийских клинописных текстах. Как недавно показал Дерксен⁶ на основе вновь исследованных текстов этого рода, в которых упоминаются главным образом люди с древнеанатолийскими именами рассматриваемых структур, ст.-ассир. *tuzinnum* обозначало «войско» и тип поля (сельскохозяйственного участка), принадлежавшего дому, на который накладывалась повинность скорее всего военного характера, ср. выражение «*tuzinnum* лука», вероятно относившееся к необходимости предоставить лучников из числа людей, подведомственных хозяевам дома и поля этого рода. Социальное и религиозное значение этого установление и соответствующего обряда видно из текста: *i-nu-mi ru-ba-um a-na tū-zi-nim e-ša-dim a-na e-ti-šu-nu i-ša-qū-lu* (Кт 88/к 90 10–12) «когда царь (Каниша) участвует в сборе урожая. Они заплатят, как только об этом будет объявлено». Выражение *bēlū tuzinnum* может относиться к «господам *tuzinnum*», т. е. к лицам, обеспечивающим исполнение повинностей теми, кому переданы во владение поля.

Можно предположить, что в родственных западно-индоевропейских терминах, в том числе германских и балтийских (осск. *touto*, умбрск. *tutas* 'civitas', валлийск. *tud* 'народ, страна', др.-ирл. *tuath* 'племя, народ', гот. *Þiuda* 'народ', др.-прусс. *tauto* 'страна', ст.-лит. *tautà*) представление о сельскохозяйственных угодьях, обложенных обязательной военной повинностью, могло быть обобщено на понятие «всей» (лат. *totus*) общности в ее противоположности соседям, недругам и врагам. Последние значения обнаруживаются в родственных славянских названиях «чужого — другого народа», **čjužŭj*, **čjudŭj* — «финских тевтонов — Чудь» по определению известной работы Бубриха (Бубрих 1926; 2005, 363); ср. амбивалентность синонимических терминов в индо-иранском, изученных Тиме. В данном случае удастся проследить отличие позднейшего использования древнего общезападноевропейского (в том числе и балто-германского) социального термина

⁶ D, pp. 142, 148–150; Dercksen 2005; 2007.

от славянского. Древние анатолийцы, жившие в Канише и в других центрах Малой Азии, сохранили более архаическое значение слова, который в хеттском языке был главным обозначением «войска» (отличным от лув. *kuwalar* Иванов 2004, ср. корень **k^wel-*); другие группы индоевропейских диалектов образовали название «войска» от отчасти фонетически сходной с последним основой **kor-* (ср. принципиальную возможность возведения др.-перс. *kar-a* к **k^wel-*).

Для обнаружения предшествовавшей системы служб и обязательств, характеризовавшей более ранний период развития древнеанатолийского общества, представляет интерес выяснение соотношения староассирийских терминов древнеанатолийского происхождения *tuzinnum* и *ubadinnum*. Оба слова заимствованы из ранних индоевропейских диалектов анатолийской зоны. Но судя по фонетическому изменению (палатализации **-t-'* > *-z-* перед *-i*) первое слово первоначально принадлежало хеттскому (северно-анатолийскому) языку. Второе можно охарактеризовать как лувийское (южно-анатолийское). Ст.-ассир. *ubadinnum* в документах из Каниша, составленных на староассирийском диалекте местными жителями, обозначает земельный надел, данный царем Каниша одному из высших сановников («советников» в широком этнологическом смысле, Носарт 1936). Слово заимствовано из лувийск. *ub-ati-t* «земельный надел»⁷. В лувийском существительное образовано от лув. *upa-* «дать надел, даровать» = лик. *ube-* «посвятить, пожертвовать», ср. лик. *uba* «надел, жертва», слово было в разных диалектах южно-анатолийского, ср. карийск. *ýbt* = лув. *upati-t* «земельный надел, имение» (из 'дарение', Adiego 2007, 347, 492). В хеттском соответствующее слово могло быть заимствовано из южно-анатолийского. Вопреки Ларошу (L 1966) др.-анат. *Upati-a-hšū* — (первоначально по смыслу «владеющий по рождению наделом, потомственный дворянин») должно было быть образовано на основе не хеттского, а исходного лувийского существительного. На лувийское происхождение близкого по значению мужского имени указывает вторая часть *^mÚ-ba-LÚ-iš = Úba-žiti-* («человек надела»). Слово восходит к общеиндоевропейскому, как показывает сравнение с тох. Б *wepē* 'загон, выгон' (= *go-cara* в буддийском гибридном санскрите); предположительное сравнение тохарского слова с и.-е. **webh-*, принимаемое в словаре Адамса, остается в силе, но с учетом метафорических значений **we-bh-/ dh* 'богатство, успех'; др.-англ. *ead*.

⁷ Melchert 1993, p. 243; Starke 1990, p. 195 ff.

1. 4. Хронология пратохарского диалекта

Согласно глоттохронологическим вычислениям С. А. Старостина, основанным на 5%-й (а не 14%-й, как у Суодеша и прямых его продолжателей) константе изменения базисного словаря (Старостин 2007), была получена в 2004 г. новая картина распада индоевропейского праязыка (Blažek 2007). Она согласуется в том, что касается соотношения хеттского и анатолийского, и с выводами многих других последних работ по индоевропейской диалектологии. По этим новым данным отделение тохарского от других индоевропейских языков произошло около 3810 г. до н. э. после отделения хеттского около 4670 г. до н. э. (для лувийского и соответственно праужно-анатолийского может быть предположено иное несколько более позднее время, но точное определение затрудняется ограниченным набором известной лексики, ср. детально Ivanov 2001). Вероятно, что тохарский отделился после выделения других анатолийских и до выделения остальных индоевропейских диалектов, хотя безусловно последние оставались вместе с пратохарским после отделения анатолийского, что видно из ряда общих новобразований — потеря ларингальных, образование трехродовой системы местоимений и имени. О раннем возрасте могут говорить некоторые возможные ностратические архаизмы, общие для хеттского и тохарского.

Тох. Б *mä-k-te* (тох. А *män-t*), местоименное вопросительное прилагательное ‘как’ и союз ‘в качестве’, ‘так как, потому что < в то время как’; вероятно родствен равнозначному северно-анатолийскому др.-хеттск. *tan*, хеттск. *taḥḥan*, южно-анатолийскому **to*> иероглиф. лув. *tapa-* ‘если’, ликйск. *te* при наличии соответствий в производных от вопросительно-относительных местоимений в тохарском и кельтском. В этом слове предполагается возможный хетто-северно-и южно-анатолийско-тохарско-кельтский общий архаизм ностратического возраста. Согласно гипотезе Педерсена (ср. Pedersen 1938, Greenberg 2000) оно восходит к ностратическим (более древним, чем синонимичные индоевропейские формы от других корней) основам с похожим начальным сочетанием: сходные формы.

Есть в уральском (**mi*- ‘что?’, Rosenkranz 1950, 439–440; Ъор 1975, 28) и в других ностратических языках, в частности, в алтайском, картвельском, афразийском, а также в евразийских диалектах — эскалеутском и чукотка-камчадалском (Rosteck 1937, 96; Pedersen 1938, 71–72, Collinder 1965, 127, 148, Greenberg 2000, 229–231). В статье, посвященной этому слову в своем словаре Иллич-Свитыч (1976, 9, 66–68, N 300) приходит к выводу, что первоначальная функция ностратического **mi* как вопросительного местоиме-

ния, соотносимого с неодушевленными именами существительными, была сохранена в уральском, картвельском, алтайском и афразийском. В индоевропейском это местоимение было сохранено в архаической функции только в периферийных (раньше других выделившихся по глоттохронологическим вычислениям) диалектах, к которым могли относиться северно- и южно-анатолийские, тохарские и кельтский. Во всех других индоевропейских диалектах оно было вытеснено двумя другими синонимичными вопросительным и относительным местоимениями $*k^{w}$ -о- и $-yo$ ⁸. Оно исчезло также в некоторых алтайских языках (тюркских за исключением чувашского, японском, но не рюкюском) и почти во всех дравидийских диалектах. Поскольку это местоимение отражало первоначальное различие между одушевленным и неодушевленным родом, оно представляет интерес для реконструкции всей системы бинарных грамматических оппозиций.

Глагольная основа $tā$ -/ $tättā$ - “положить, поставить”) представляет особый интерес для сранения с формами глагола в других диалектах. Редулицированная (в тохарском супплетивная) основа $tättā$ - “положить, поставить” согласно Адамсу (Adams 1999, 285) “reflects a reduplicated present with a generalized zero-grade... a 3rd. sg. middle $*d^h id^h H_1$ -to-r would regularly produce the attested Tch B $tättātār$. As always the initial consonant of the reduplicating syllable agrees in palatalization or its lack with the initial consonant of the root... This paradigm... is as archaic as anything in the Tocharian verbal system and fully as archaic as anything in the Tocharian verbal system and fully as archaic (if not in certain respects more so) as anything found much earlier in Greek and Indic” («отражает редулицированный презенс с обобщенной нулевой ступенью огласовки. Форма 3 л. сред. залога $*d^h id^h H_1$ -to-r закономерно дала бы засвидетельствованное тох. Б $tättātār$. Как всегда, начальный согласный слога удвоения согласуется в характере палатализации с начальным согласным корня. Эта парадигма принадлежит к самым архаичным частям тохарской глагольной системы... и едва ли превосходит в некоторых отношениях своим архаизмом то, что раньше засвидетельствовано в греческом и индийском»). Хотя в хеттском большая часть редулицированных основ утрачена, сохранилась именно та, которая прямо соответствует этой чрезвычайно архаической тохарской форме: др.-хетт. $titta$ -nu- “положить, учредить, установить”, $tittiya$ - “основать” (Иванов 1981, 152). Редулицированные формы этого глагола, имеющие соответствие в некоторых балтий-

⁸ Эти выводы не были учтены в статье Ringe 1998, pp. 171, 193, 197.

ских формах (при изменении дентального на морфемном шве), представлены в древнехеттском и тохарском и могут быть реконструированы для индоевропейского. Их сохранение в древнегерманских формах прошедшего времени др. в. нем. *tatun*, др.-англ. (поэтическом и архаичном) *daedon*, готск. *-dedun*, как и в ст. слав. *-дежд-*, может объясняться как архаизм. В (восточно-)балтийском весь этот топ парадигмы меняется позднее при переходе глагола в атематический класс, продуктивный в старолитовском (Иванов 1981, 139–157).

Некоторые другие общие черты тохарского и анатолийского, которые можно интерпретировать как архаизмы, суммированы в двух таблицах (табл. 1 и 2).

Таблица 1. Тохарский и анатолийский (изоглоссы или архаизмы)

Группа	Северно- (восточно-) анатолийские		Южно- (западно-)анатолийские			Тохарские
	Хеттский	Палайский	Клинописный лувийский	Иероглифический лувийский	Ликийский	
язык						
значение						
“пить”	<i>eki-</i>	<i>aḫi-</i>	<i>u-</i>			<i>A yok-</i>
“дать”	<i>rai-</i> , лидийск. <i>bid-</i>		<i>piya-</i> , итер. редупл. <i>pipi-šša-</i>	<i>pi-ya-</i>	<i>pije-</i> итер. редупл. <i>pibi(ye)</i>	<i>A e-<* ai-</i>
“делать”	<i>iya-</i>		<i>aya-</i>		<i>ai-</i>	<i>A B yā</i>

Хотя до сих пор остается неясным, в какой мере допустимо предполагать древнее происхождение тохарских падежных окончаний, в отдельных случаях кажется возможным сопоставление с анатолийской именной флексией, табл. 2.

Таблица 2. Возможные грамматические соответствия

Язык Функция	Лувийский (активированный средний род)	Тохарский Б (перлатив)
“кровью”	<i>ašhar-ša</i>	<i>yasār-sa</i>

К числу существенных тохаро-анатолийских сходств относится тох. Б *tärkanam* 1 л. мн. ч. действ. з. наст. вр. (VI тип по Краузе), образованное от корня *tärk-* “пустить, позволить, выпустить, высказать, отказаться от, прекратить” (А *tärknāṣ*). По своему специализированному ритуальному (вероятно архаическому) значению глагол точно соответствует хет. *tark-*, употребляемому в тех же контекстах («отпустить грех»). Это совпадение вместе с рядом других аналогичных может считаться следом социального и религиозного словаря, сохраненного только в этих языках (общий архаизм, описываемый как изоглосса).

К числу древних глаголов с техническим значением относится тох. Б *wāṣṣāte* 3 л. ед. ч. ср. зал. (тип III) образовано от корня *wäs-* “быть одетым / одеться, носить; надеть” (презент IX *yāss-*) < I-Е. **w-es-* > хет. *wes-*, санскр. *vas-te*, гот. *wasjan*.

Некоторые изоглоссы указывают на то, что отделение тохарского от других индоевропейских диалектов предшествовало их окончательному делению на восточные и западные. Часть изоглосс связывает тохарский с восточно-индоевропейским. Тох. Б *mā* ‘не’, тох. Б. А *mā* и запретительное *mar* ‘не’, отрицание, родственное восточно-индоевропейскому запретительному* *mē* > санскритск. и авест. *mā*, др.-греч. $\mu\eta$, арм. *mi*, албанск. *mo-s*.

Для установления отдельных связей тохарского с южно-анатолийским важны такие лексические изоглоссы, как тох. Б *po* “весь, каждый, всякий, целый”, прилагательное, родственное лув. *puna-*, *punata/i*, др.-греч. $\rho\alpha\nu\tau$ - (восточно-средиземноморская изоглосса при другом слове в хеттском *ḫumant-* «весь», лат. *omn-is*); по этой изоглоссе квантора общности балто-славянский объединяется с индо-иранскими, противопоставляясь прагерманскому.

Для вопросов, связанной с намеченными выше проблемами истории обозначений женщин и соответствующих терминов родства, важно тох. Б *e(-?) ṣer-nā-na-* мн. ч. ж. р. “женщины, ставшие (как бы) сестрами (- *ṣer-nā* = ‘члены сестринского сообщества’)”, производное от тох. Б *ṣer* ‘сестра’, тох. А *ṣar* ‘сестра’, родственного англ. *sister*, нем. *Schwester*, русск. *сестра* < I. Е. **swe-sor* ‘женщина’ < и.-е. **swe-* как обозначение своей социальной группы +*-sor-*, слово, сохраненное в лувийском и отчасти в древнегреческом. Поскольку в лувийском в этом слове был слог с начальным гласным, это можно было бы предположить и по отношению к тох. Б *eṣer-*. Но начальное *e-* в тохарском могло быть и морфом *e-* < **an-* < **n* [слоговой носовой в функции согласного] как

в *eše* (наречие “вместе” < “в одной [группе]”: интенсивный префикс). От индоевропейского имени «женщины» при его грамматикализации происходит суффикс *-sor-*, имеющий словообразовательную функцию в обозначении члена социальной группы в анатолийских существительных типа хет. *ḫ aššu-ššara* ‘царица’ (тогда как в лув. *nana-šri* ‘сестра’ < ‘брат’ + ‘женщина’ морф сохранял лексическое значение, не полностью грамматикализованное), ср. др.-инд. *strī* < **sr-iH*. Следующий уровень грамматикализации достигнут в индо-иранских и кельтских формах женского рода числительных “3” и “4”.

Особый интерес представляет тох. Б уменьшительная форма *šer-ška-na* – звательн. имен.- косв. п. от *šer-* “сестра”. Так как уменьшительный суффикс *-ška-* в тохарском типологически (и вероятно исторически, Иванов 2008) сходен с праслав. **-čika-* > русск. *-чка*, данное слово в тохарском Б. может быть практически тождественным (типологически и генетически) русск. *сестричка* (безотносительно к славянскому Адамс, Adams 1999, 661, восстанавливает **swesorkikeh*_a что могло бы закономерно привести к форме типа современной русской; подобных примеров балто-славяно-тохарских соответствий много, ср. Иванов 2008).

В тех случаях, где в соответствиях участвует прагерманский, его можно включать в число тохаро-западно-индоевропейских изоглосс. В других случаях, когда соответствие распространяются на восточно-иранский (как по отношению к употреблению префикса **-po-* с императивной формой), кажется вероятнее истолкование изоглоссы как более поздней восточной. В качестве лексической иллюстрации можно привести тох. Б *cke-ntse*, род. п. ед. ч. существительного *cake* “river”, мн. ч. *cke-nta* < и.-е **tek-* “течь, бежать, плыть”; новшество состояло в образовании тематического названия «реки» от этого корня, что объединяет тохарский, восточно-иранский (**taka-* > авест. *taka-* “поток”; **tāka* > пушту [афган.] *tōe* “горная речка”, хотанско-сакс. *nātāa* < **ni-taka-* “река”, осет. *taex* “поток”, Абаев 1979, 246, 284), слав. (праслав. *ТОКЪ* “поток, река”) и возможно (восточно) балтийский (лит. *āp-taka* “наводнение”).

1. 5. Картина позднего диалектного членения

Для того времени, которое по вычислениям С. А. Старостина следует за выделением тохарского и является последним из ранних периодов деления праязыка, вероятно отделение пракельтского после выделения праотохарского. Соображения более общего диалектологического характера делают вероятной гипотезу, по которой в это время формируется та диалектная

общность, следами которой являются термины, общие для кельто-италийского и индо-иранского. Кажется возможным предположить, что к этому периоду кроме выделившихся ранее зон (праевфратской, двух анатолийских — северной или восточной и южной или западной, и тохарской) уже существовали начавшие взаимодействовать друг с другом кельто-италийская и индо-иранская области. Между диалектами, в них входившими, находились существенно различавшаяся армяно-греческо-фригийская зона и германо-балто-славянская. Первая тяготела к индо-иранскому, с которым вместе она образовала восточно-индоевропейскую область, на периферии которой находился палеобалканский (отразившийся во фракийском и современном албанском). Германо-балто-славянская зона, некоторые черты которой описаны ниже, географически оказалась потом ближе к кельто-италийской при наличии связей с восточно-индоевропейскими диалектами. Окончательную четкость делению по признаку восточный-западный дает образование фонологической изоглоссы, отделившей языки с аффрикатизацией старых палатальных смычных и с исчезновением категории лабиовелярных (satəm-ная изоглосса).

2. ГЕРМАНО-БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ОБЩИЕ ЯВЛЕНИЯ. ФОНОЛОГИЯ И ГРАММАТИКА

2. 1. Фонология/Падение ларингальных и редукция гласных внутри слова

Вслед за Г. Шмидтом (Schmidt, G. 1973) в современных работах по структуре индоевропейского фонологического слова делается различие между вариантами названия дочери типа греческого θυγάτηρ, где обнаруживается гласный на месте ларингального, и типа лит. *duktė*, в которых этот срединный слог редуцирован.

Согласно вновь открытым данным южно-анатолийских языков (более раннего иероглифического лувийского и позднейшего ликийского) для общеиндоевропейского перед отделением (южно-) анатолийского и тохарского надежно реконструируется гласная фонема *ə в положении в середине слова перед суффиксом имен родства *-*ter* (следует ли *ə в этой позиции интерпретировать как вокалический вариант ларингального или как сочетание предшествующего или последующего ларингального *H с редуцированным гласным зависит от принимаемого варианта ларингальной

гипотезы). Такая реконструкция основана на совпадении ю.-анат. *-a- в середине: иероглифического лувийского *tu-wa/i-tara/i-* (ср. АНМАР I §24); ^{FILIA}*tú-wa/i-ta[ra/i-na]* (TELL АНМАР I §29), *FILIA-tara/i-na* (KELEKII §2)=[*tuwatara*]“дочь”, лик. *kbatr-a*, им. п. ед. ч. *kbatr-u*, вин. п., *kbatr-i*, дат. п. <<I-E **dhug'h*(_{v/o})*Hter*, др.-инд. *duhitar-*, др.-греч. θυγάτηρ, тох. Б. *tkācer*, косв. п. *tkātār*, А *kācar*. Гласный, существовавший в общеиндоевропейский период и еще отраженный в лувийско-ликийской (южно-анатолийской) и тохарских формах, в позднейших диалектах утрачивается, в частности, в славянском, балтийском и германском: русск. *дочь*, род. п. *дочери*, уменьш. *дочка*, др.-русск. *дочи* (из **дъчи*), позднее *дочь*, с XV–XVI вв. укр. *доч*, род. п. *дочери*, ст.-слав. *дъшти*, род. п. *дъштере*, болг. *дъщеря*, др.-чеш. *dci*, чеш. *dcera*, славц. *dcera*, польск. *cora*, *corka*; лит. *dukte* “дочь”, др.-прусск. *duckti* “дочь” (Топоров 1975, I), гот. *dauhtar*, нем. *Tochter* (Мейне 1951, 52; Трубачев 1959, 54 и сл.; Фасмер 1964, I, 533). Редукция внутри словного гласного имеет место не только в славянском, балтийском и германском, но и в некоторых других диалектах, хронологически более поздних, чем анатолийские и тохарские (а также ведийский, сохранивший древнюю структуру в отличие от авестийского) — в иранском, армянском и кельтском. Поэтому явление следует считать скорее хронологически важным, чем описываемым в графических терминах как изоглосса.

По отношению к балто-славянскому несомненно отражение исчезающих ларингальных фонем на другом уровне фонологической структуры — суперсегментном или просодическом: различие слогов с древним ларингальным от остальных сегментов преобразуется в противопоставление акута циркумфлексу. Наличие в части акутовых слогов фонетического соответствия древнему ларингальному ставит вопрос о возможности истолкования этого явления как архаизма.

Жемайтский диалект севера и северо-запада Литвы отличается от других литовских говоров и имеет с чисто лингвистической точки зрения необходимую для отдельного языка самостоятельность, нереализованную по внешним причинам. Этот диалект по структуре тонов, среди которых один характеризуется ларингализацией, входит в зону, включающую также латышский язык, ливский, южно-эстонский диалект лейву, образующие единую цепь вдоль Балтийского моря, и германские языки, как датский и исландский. Речь идет в точном смысле слова о языковом союзе, включающем языки разных семей, расположенные по соседству друг с другом и долгое время контактировавшие в условиях двуязычия и многоязычия.

Экспериментально-фонетические и фонологические разыскания последних лет выявили наличие ларингализации, входящей в систему тоновых различий, также и в некоторых южно-славянских говорах. Остается дискуссионным, можно ли считать ларингализацию латышского и жемайтского типа прямо восходящей к индоевропейским ларингальным (гипотеза, впервые в 1928 г. высказанная Е. Д. Поливановым и позднее независимо от него предложенная в ряде недавних работ Кортланда): в этом случае в ливском и лейву можно было бы предположить позднейшее латышское влияние. Относительно происхождения типологически сходных явлений в германских диалектах не исключено объяснение конвергентного развития, сходного с латышским и жемайтским. Однако историческая сторона типологически похожих явлений в южно-славянских диалектах пока остается невыясненной.

2. 2. Местоименное и именное склонение

В ряде падежных окончаний двойственного и множественного числа указательных и личных местимений и имен существительных обнаруживается совпадение форм трех рассматриваемых диалектов при наличии в иной зоне другого диалектного типа, противопоставляемого балто-славяно-германскому.

В трех этих диалектах существует группа падежных окончаний, включающих морфемную характеристику **-m-*: творит. п. мн. ч. **m-i-s*, дат.-отлож. п. мн. ч. **m-o-s*, дат.-отлож. п. дв. ч. **m-ō*. В диалектах другого типа — восточно-индоевропейских-индо-иранских, древнегреческом и армянском, но также и в италийско-иллирийской (мессапской) группе западно-индоевропейских диалектов в качестве аналогичной характеристики выступает **-bh-* в творит. п. мн. ч. **bh-i-s*, дат.-отлож. п. мн. ч. **bh-o-s*, дат.-отлож. п. дв. ч. **bh-ō*. Последний ряд форм позволяет уточнить происхождение всей системы. В микенском греческом засвидетельствована синтаксическая частица $-\phi_1$ (Lejeune 1958), которая в этом раннем варианте языка, как и в последующей диалектной основе языка древнегреческого эпоса, находилась еще только на полпути к превращению в падежное окончание (без явной привязанности к определенному числу, что отражено и в др.-арм. твор. п. ед. ч. $-w < *bhi$). В ранней функции синтаксического показателя отношения эта морфема может иметь ностратическое происхождение (Greenberg 2000). Но процесс постепенного превращения аналитического способа выражения отношений в морфологический показатель падежа занимает огромный период и завершается уже на уровне отдельных диалектных объединений после распада праиндо-

европейского единства. Типологически предполагаемый процесс соответствует той общей схеме развития ностратической и праиндоевропейской грамматической системы, которая намечена в недавних работах А. Б. Долгопольского (Dolgopolsky 2008). Согласно этой гипотезе происхождения данной группы окончаний первоначальная форма альтернативной морфемной характеристики восстанавливается как **bhi/y-*, что отражено в др.-инд. творит. п. мн. ч. *bh -i-s*, отлож. п. мн. ч. *bh -ya-s*, дат.-отлож. п. дв. ч. **bh -y-ām*. В других восточно-индоевропейских диалектах (армянском и в позднейших диалектах иранского и древнегреческого), как и части западных диалектов (италийском-латинском и осскском, кельтском-галльском, венецком, илирийском-мессапском) постепенно стираются следы исходной формы морфемной характеристики: др.-арм. *-wk, -bk*, иранск. *-b*; лат. *-bus* < ст.-лат. *bos* < **bhos*; осскск. *-fs, -ss*, галльск. *-βo* < **bo/bo-s* (?), венецск. *-φoς*, мессапск. *-bas*. Параллельный процесс утраты исходной структуры морфемной характеристики **m-i-* можно предположить и в балто-славяно-германском, где при сохранении формы окончания в таких типах слов, как лит. *galvomis* 'головами', *rānkomis*, латыш. диал. *ruokāmis*, праслав. *rōkami* > русск. *руками*, древняя структура теряет очертания в формах типа гот. *ƀaim* при лит. *tomis*, праслав. *těmi* > русск. *теми*, ср. о германских диалектах Boutkan 1999.

Значительный интерес представляет то, что различающиеся морфемные характеристики в двух диалектных группах использовались полностью параллельно, ср.

лит. *dantīms* < **dantīmus*: др.-инд. *dadbhyas*, лат. *dentibus*

праслав. **materīmi* : др.-инд. *mātr̥bhis*; лат. *matribus*

праслав. **materīmū*: др.-инд. *mātr̥bhyas*

праслав. **imenīmū*: др.-инд. *nāmabhyas*, лат. *nōminibus*.

Из этих соотношений следует, что ко времени формирования более полной парадигмы множественного и двойственного числа, куда вошли рассматриваемые падежные формы, еще сохранялась общая наддиалектная морфологическая модель. Внутри этой модели морфологические характеристики различались, но структура оставалась еще единой.

К числу балто-славяно-германских изоглосс в местоименном склонении относится также тождество лит. *šis*, ст.-слав. *Сь*, прагерм. **hi-* < **k'i*: др.-фриз. *hi*, др.-сакс. *he* (Жирмунский 1956, с. 425–426; 1964, с. 166): древность исходной праиндоевропейской формы подтверждается северно-анатолийским *ki* и его южно-анатолийскими *satəm*-ными соответствиями.

2. 3. К реконструкции исходного синтаксического прототипа балто-славяно-германского сочетания прилагательного с местоименным элементом — «удалителем» в притяжательной функции

Развитие многократно высказывавшегося (в том числе в забытой работе Ван Вейка) сопоставления германского различия слабых и сильных форм прилагательных с балто-славянским противопоставлением «нечленных» и «членных» (сочетающихся с местоимениями) прилагательных приводит к реконструкции сочетания с **(y)o* как местоименным элементом — “удалителем” (*distanciateur*), постпозиция или препозиция которого зависит от диалектов (Haudry 1981, 191–200). Тот же элемент реконструируется и для индоевропейских истоков восточно-балтийского дебитива (**yo bhuH-* и т. п.), причем последняя конструкция по позиции **yo* перед глаголом совпадает с аналогичным афразийским сочетанием **ya* с глагольной формой, что делает правдоподобным наличие общезападноострагического синтаксического прообраза. Этот вывод оказывается возможным распространить и на именные конструкции с и.-е. **yo*, афраз. **ya*, что дает существенное удревление тех синтаксических сочетаний, на которых были основаны как балто-славянские местоименные прилагательные, так и греч.-индо-ир. род. пад. **-s-yo* и другие морфологические способы выражения притяжательных и (семантически к ним близких) отношений, содержащих «удалитель» **yo*. Нетривиальность полученных результатов (сходных с совпадением выводов о положении начального афраз. **tV* и и.-е. **to*) заключается в том, что тем самым доказывается и большая древность конструкций с и.-е. **yo*- по сравнению с и.-е. **k^w-*.

3. ОСНОВНЫЕ БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

3. 1. Социальные установления

3. 1. 1. Лит. *draugas* “спутник, товарищ”, латыш. *draugs*, др.-пруск. *draugi-waldūnen* вин. п. «сонаследник» (Топоров 1975, I), Ст.-слав. **друзь, дружина**, русск. *друг, дружина*, род. п. *друга*, мн. х/ *друзья* (из др.-русск. собир. *дружья* ж., наряду с им. мн. *друзи*), укр. *друг*, ст.-слав. *дрюгъ*, болг. *друг*, сербохорв. *друг*, словен. *drug*, чеш., словц. *druh*, др.-польск. *drug*, др.-исл. *draugr* (поэт.) “муж”, гот. *gadrauhts*, д.-в.-н. *trucht* “отряд воинов, свита”, д.-в.-н.

truhtin “военачальник, князь” (Фасмер 1964, I, 543; Ostheeren 2000; Stang 1971, 19–20). Согласно Стангу, исходным для глагола было значение коллективной работы, а специальное военное значение можно считать вторичным.

3. 1. 2. Лит. *kaimas, kiemas* «двор, деревня», др.-прус. *caumis*, гот. *haims*. (Stang 1971, 28) за исходное значение принимается пространственное. О славянских словах, родственных этой основе (Трубачев 1959; Иванов 2008).

3. 1. 3. Лит. *liáudis* ‘простой люд’, рус. *люди*; др.-в.-нем. *liut*. Историки русского языка полагают, что древнерусское собирательное «людие» было обозначением категории вообще человеческих существ, внутри которой отдельные индивиды не выделялись (Виноградов 1997, 297–298). Эти слова использованы Мандельштамом с пониманием их старого значения, но уже в новом контексте.

В стихах об Армении интересна и попытка вполне своеобразного решения способа писать о Востоке без приторных излишеств, обращаясь к русской истории внутри армянской:

Были мы люди, а стали людье,
И суждено — по какому разряду?—
Нам вековое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.

3. 1. 4. Станг (Stang 1971, 25) к социальным терминам относит и (запад-но-) балто-славяно-германскую изоглоссу — обозначение времени конца сельскохозяйственных работ: др.-прусс. *assanis* (=“Herbist” в словаре Эльбинга) -о.-слав. **jesenŭ*- (русс. *осень*) — готск. *asans* «лето (=θέρος), время сбора урожая (=θερισμός)». Высказывалось предположение о заимствовании (Мартынов 1963, 132–136), но оно отпадает в связи с вновь выявленными соответствиями. Индо-уральские параллели в названии «осени-лета» позволяют установить его древность. В уральском находятся соответствия не только названиям «весны, весеннего растения», но и некоторым другим индоевропейским названиям времен года. Уральск. **kes*- “лето” (сохранившееся в финском, саами и мордовском) родственно⁹ хетт. *zen-(anta)-*

⁹ Предположение финно-мордовского заимствования из индоевропейского (Koivulehto 1999, p. 303, N 19) основано только на предпочтении объяснений через заимствования. Сохранение слова только в западных ветвях уральского может объясняться наличием другого индо-уральского названия «лета» в восточно-уральском, ср. Ъор 1974, pp. 106–107.

“осень” (возможно без этого суффикса древнее атематическое «корневое» существительное), дат.-местн. пад. *zen-i* (морфологически тождествен др.-русск. *осен-и* в древненовгородской летописи, диалектн. польск *yeśien-i*, старо-сербск. *jesen-i*, словенск. *jesen-i*; в славянском это мог быть древний локатив с нулевым окончанием = Casus Indefinitus основы на $-*i$).

Последняя хеттская форма истолкована как принадлежащая парадигме склонения тематической основы на $-a$: им. пад. ед. ч. одуш. р. *zen-a-š* (форма приведена Фридрихом и поставлена под сомнение в словаре (Kloekhorst 2008, 1034), где обнаруживается незнакомство с индоевропейскими соответствующими названиями осени), род. пад. *zen-a-š*, ср. также вторичную (относительно более позднюю) основу с суффиксом $-anta-$, в хеттском и санскрите образующим названия временных интервалов: им. пад. ед. ч. одуш. р. *zen-anza* [*zenant-s*], род. пад. *zen-ant-a-š*, дат.-мест. пад. *zen-ant-i*. Внутри анатолийского сев.-анат. *zen-* сопоставляется Нейманом и Мелчертом с ю.-анат. ликийск. $*-š̄ni-$ в качестве второй части словосложения, где этой основе предшествует числительное: *kbi-š̄ni* “дву-годовалый/имеющий возраст в две осени(?)”, *tri-š̄ni* “трехгодовалый/имеющий возраст в три осени(?)” (ср. типологически сев.-анат. хетт. *tri-yuga-* “трехлетний”, где *yuga* = др.-инд. *yuga-* «период времени»); если это — основа на $*-i-$, то, согласно этой (пока что спорной) этимологии ее можно сравнить с такими же производными формами в западно-балтийском и славянском (русск. *осенний*). Хетт. *zen-* восходит к основе на $-n$ - гетероклитического имени существительного, отраженного в др.-армянском им. пад. *ašin* ~ род. пад. *ašnap* ~ творит. пад. *ašnamb* “осень” и в родственной (западно-) балто-славяно-германской изоглоссе: др.-прусск. *assanis* (= “Herbist” в словаре Эльбинга) -о.-слав. $*jesenī-$ (русск. *осень*) — готск. *asans* «лето (= $\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$), время сбора урожая (= $\theta\epsilon\rho\iota\sigma\omicron\varsigma$)».

Соответствующая основа гетероклитического имени на $-r$ была сохранена в сложном слове *οπώρ-α* (ионийск.-η) ‘часть года между концом июля (=восход Сириуса) и первой частью сентября (восход созвездия Арктур); конец лета (в «Одиссее»); осень, осенние плоды (в более поздних текстах)’ < $*op-$ (H)*osar* — ‘после лета; aestas quae sequitur’.

Две морфонологические особенности этого слова могут объясняться присутствием ларингального, который может быть восстановлен на основе уральского соответствия. В начале слова есть загадочное различие между зап.- и ю.-слав. $*je-$ < $*e-$ и $o-$ ~ $\omega-$ [$\hat{o}-$] (особый тип гласного под восходящим ударением) в восточнославянском: *ὀсень*, новгородский договор 1265 г.;

осень, древненовгородская летопись. Праславянское ударение восстанавливается на первом слоге (акцентная парадигма с в системе В. А. Дыбо), но в русском языке ударение таких производных, как прилагательное *осѣн'ній* (уже в древнерусском), как будто указывает на конечное ударение в исходной основе. Гласная фонема, сходная с восточно-славянской¹⁰, обнаруживается и в западно-балтийском.

Индоевропейская начальная гласная **e/o-* обычно восстанавливается в этом слове в германском (и в армянском, но ср. ниже о другой возможности объяснения), но отсутствует в хеттском. Для хеттского и возможно для одного из вариантов славянской формы (в древненовгородском) можно реконструировать состояние II основы (**Hs-én*), противопоставленное основе I **Hé/ós-r/-n*.

Загадочно также и положение сибиланта в корне между двумя фонемами, одна из которых по уральским материалам реконструируется как ларингальный. Эта синтагматическая особенность может объяснить изменение сибиланта и в хеттском, и в армянском. В обоих языках развитие **-s-* в этом слове не вполне обычно. Соответствие **Hs-* > хетт. *z-*: др.-армян. *aš-* могло бы объясняться воздействием ларингального, в хеттском позднее исчезнувшего. Древнеармянская загадочная форма может содержать протетический гласный как нормальный след исчезнувшего ларингального. Соотношение древнеармянской формы с хеттской напоминает пары типа др.-армян. *anip* 'имя': хетт. *laman*. Разгадку дает отражение ларингального в уральском.

Если ностратические соответствия фонемных структур позволяют уточнить пути развития индоевропейских названий времен года, то еще больший интерес представляют семантические изменения, наблюдаемые на переходе от ностратического к индо-хеттскому и индоевропейскому и к истории отдельных диалектов. Такие сдвиги, как преобразование трехчленной системы времен года в четырехчленную, могли быть связаны со сменой экологических и географических условий в результате миграций. В этом отношении выводы внутреннего лингвистического исследования лексики окажутся полезными для решения ключевых проблем внешней лингвистики.

¹⁰ В древненовгородском есть исключительный случай потери начального гласного (берестяная грамота 724 (1161–1167 г.)) *до сени*= до осени, ср. хетт. *zení?*

3. 2. Характер общей лексики

Наиболее детальное обследование всех общих лексем было проведено Стангом. По его выводам к общей лексике принадлежат обозначения ландшафта (экологическая лексика, Stang 1971, 68. 70–71), к которым примыкают названия птиц и насекомых (там же, 68), а также названия деревьев (там же, 69, 72–73), технические термины и названия продуктов деятельности (количественно значительная группа, там же, 69, 74), отмеченные выше термины социального значения, числительные (там же, 75–76) и названия частей тела (там же, 74)

3. 2. 1. Общие мифологические истоки лексически сходных обозначений: «Волко-Медведь»

Согласно той точке зрения, которую мы в ряде работ пробовали обосновать с В. Н. Топоровым, слово уже в прабалто-славянском (или в том прабалтийском, который был праязыком и для праславянского) было словосложением, в котором соединилось два древних названия животных: и.-е. **wlk^wo-s*> прабалто-слав. **vlko-s* «волк»> лит. *vilkas*/ слав. **ВЪЛКЪ** и и.-е. **H₃t-ko-s* «медведь». Реконструкция первой основы, как в общеиндоевропейском, так и в балто-славянском, не вызывает сомнений. Что же касается второй основы, то ее древнейшую форму удастся восстановить благодаря др.-хет. *hartagga-š* «медведь», значение которого (вопреки сомнениям, высказывавшимся вплоть до недавнего времени) удалось подтвердить окончательно, в частности, по тому, как в хеттских текстах описываются повадки животного, обозначаемого этим словом¹¹.

В этом существительном в хеттском сохранен древний порядок фонем внутри того комплекса «акцессивного ряда», позднейшие результаты преобразования которого в отдельных исторических языках когда-то дали основание Бругману восстановить особые спиранты (Бенвенистом переинтерпретированные как аффрикаты). Другой специфической морфологической особенностью индоевропейского слова, отраженной в хет-

¹¹ Puhvel 1991, pp. 201–202. В древнехеттском ритуальном обращении к деревьям используется глагол *ark-* «крыть, futuere» : UR. MAĀ-*aš kattan šeškit* UG. TUR -*aš kattan šeškit -artaggaš-ma-šmaš šarā arkiškitta* «лев (львица) долго спал(а) с вами (под вами), пантера долго спала с вами (под вами), но медведь с силой покрывал вас (сверху)», KUB XXIX 1 I 28–30, Puhvel 1984, p. 142.

тском, было то, что оно начинается с ларингального, после исчезновения которого первой фонемой могло стать **r* слоговое. Этот плавный из вибранта (дрожащего) превратился в балто-славянском в латеральный *l* (боковой). В прабалтийском после исчезновения ларингального осуществилась метатеза, благодаря которой латеральный занял второе место после переднеязычного смычного или образовал с ним единый латеральный комплекс (типа латеральных фонем в северо-кавказском, юто-астекском или майя-киче). Это отражено в ранней древнепрусской форме *tlok-un* (*Tlok-un-pelk* «Медвежье болото») ¹². Позднее и в западно-балтийском (прусском, позднее др.-прусск. *clōc-is*, *clōk*, словарь Эльбинга, 655–656 ¹³), и в восточно-балтийском начальная группа (глухой переднеязычный смычный+латеральный или же латеральный комплекс «северокавказского» типа) преобразовалась. В западно-балтийском действовал звуковой закон **tl-* > *kl-*, ставший общим для многих диалектов циркумбалтийского ареала, тогда как в восточно-балтийском упрощение начальной группы или комплекса произошло (как и в лехитском в этом словосложении) за счет выпадения первого согласного (или первой части латерального комплекса): лит. *lokis*, *lācis* «медведь». В разных формах названия оборотня в литовских традициях, таких, как *vilkakis*, *vilktakys*, *vilktakas*, *vilkalotas*, *vilkalatas*, *vilkatas*, *vilkatakas* ¹⁴, по гипотезе В. Н. Топорова, «может быть отражено балт. **vilk-* & *(*t*)*lak-*, отсылающее к образу ‘волко-медведя’» ¹⁵.

Ранняя форма начала второй основы отличалась в южно-славянском и в праславянском словосложении от древнепрусской озвончением начального переднеязычного смычного из-за смешения с другим словом (ю.-слав. **dlak-(a)* «шкура, шерсть») и/или под ассимилятивным влиянием последующего плавного сонанта. Такая измененная форма сохранилась в этом диалектном (южно-) праславянском слове и в приводимых ниже славянских сложных словах-названиях оборотня. После возникновения нового (эвфе-

¹² О древнепрусских и родственных балтийских и славянских формах см. подробную словарную статью В. Н. Топорова: Топоров 1984, с. 69–78 (там же литература вопроса); Иванов. Топоров 1963, с. 139; Зализняк 1986, с. 122; Eckert 2001, S. 15.

¹³ Топоров там же и 1980, с. 181–182; Endzelins 1982, I, 241; Mažiulis 1981, с. 40, примеч. 161; 1993. II 2, с. 208; 1997. IV, с. 220–223.

¹⁴ Vėlius 1977, с. 268–281.

¹⁵ Топоров 1984, с. 74.

мистического) названия «медведя» как «питающегося медом = медоеда» (общего для праславянского и индо-арийского, др.-инд. *madhv-ad-*) древнее название зверя в славянском скорее всего утратило прежний денотат (повидимому, из-за табу) и приобрело более общее значение: ю.-слав. **dlak(-a)* «шкура, шерсть», если не считать этого значения более древним по сравнению с отнесением слова к «медведю». Однако до сих пор остается проблематичным вопрос о том, которое из двух значений считать исходным: предполагать ли (как считал я в предшествующих работах и как это сформулировано выше) позднейшим развитие «медведь» (> «медвежья шкура») «шкура»/ «шерсть (зверя)» (представлено в этом значении и в этой звуковой форме вне сложения только в южно-славянском) или же предположить обратное изменение: «шкура»/ «шерсть (зверя)» > «обросший шерстью, косматый» > «медведь»¹⁶. Диалектное праслав. **vlko-t/dlak(-ъ)* первоначально могло сохранять более древнее значение гибридного мифологического существа, имевшего черты двух опасных диких зверей — волка и медведя. Типологически сходное сочетание отражено во многих древнегерманских личных именах, являющихся словосложениями со значением «волко-медведь»: др.-исл. *Ulf-biorn*, др.-в.-нем. *Wulf-bero*¹⁷; хотя второй элемент сложения выражен собственно германской основой, заменившей общиндоевропейскую, не приходится сомневаться в единстве исходного северо-западно-индоевропейского мифологического представления, сказавшегося в этих германских и славянских словосложениях. Упомянутые выше архаические хеттские ритуалы, включающие хеттское навание «медведя», относят его в «медвежьим людям», которые выступают параллельно «волчьим людям». Эти ритуалы делают правдоподобным соединение «волка» и «медведя» в одном слове, относящемся к человеку-оборотню¹⁸. По закарпатскому преданию урдалак может быть один месяц волком, а другой- медведем¹⁹.

3. 2. 2. Отражение в западно-славянском и в диалектном праславянском

Предполагаемая праславянская форма **vSko-dlak(-ъ)* почти без изменений отражена в чешск. *vlko-dlak(-ъ)*. Но возможный книжный характер фор-

¹⁶ Там же, с. 75.

¹⁷ Иванов 1977.

¹⁸ Иванов 1965, с. 31–34; 1975.

¹⁹ Николаев 1983, с. 42; Гура, Левкиевская 1995, с. 418.

мы²⁰, отчасти отличающий ее от диалектного (ляшск.) *vyľko-dlak* и словацк. *vyľko-lak* (с упрощением начальной группы второй основы того же типа, что в соответствующем лехитском сложном слове), делает вероятным влияние на нее позднепраславянской или недошедшей до нас старославянской (ранней южнославянской или смешанной древнемакедонско-моравской) формы с приблизительно таким же фонемным составом и значением. Для более ранней эпохи развития прачешского диалекта можно предположить наличие формы, достаточно близкой к древнепрусской по составу фонем и по значению, которое может быть архаизмом: др.-чешск. *tlak-a*, -у “*pub(e)s*, растительность на теле как признак зрелости, возмужалости” (в частности, у Кларета²¹: Clar., Gloss., VI, 7, строка 1305: *Pubs tlaka*). Если вслед за специалистами по истории чешского языка принять большую древность этой формы по сравнению с той основой, которая представлена вне сложения в южно-славянском и в составе сложения в других славянских языках, то можно было бы думать, что более поздние (в том числе книжные) влияния привели к замене более древнего слова, по звучанию, но быть может и по значению, еще мало отличавшегося от древнепрусского²². Иначе говоря, можно было бы реконструировать для прачешского варианта праславянского²³ **tlak-a* «растительность на теле, делающая мужчину внешне похожим на медведя и волка» и **vyľko-tlak-ъ* «оборотень; мужчина с чертами медведя или волка». Другие западно-славянские варианты названия волка-оборотня²⁴ характеризуются лехитским (или ему типологически и ареально подобным) изменением латеральной группы по циркумбалтийскому типу

²⁰ Machek 1957, с. 571.

²¹ Flajšhans 1926. Я пользовался изданием Ваврушка в Интернете (TITUS).

²² Семантика древнечешского слова и контекст его употребления у Кларета могли бы говорить в пользу влияния табу на процессы изменения и заимствования данной формы. Можно было бы распространить на «волко-медведя» психоаналитическое истолкование «ликантропии» (ср. о славянском князе-оборотне Всеславе Jakobson 1966) в духе работы Фрейда о комплексе «человека-волка» и интерпретировать в этой связи зооморфные образы, использовавшиеся при инициации. Ср. образ жениха-вурдалака на свадьбе в славянском фольклоре: Попов 1985, с. 221; Гура, Левкиевская 1995, с. 418.

²³ Я исхожу из представления о большей разнородности диалектов праславянского, чем предполагалось в классическом славяноведении. Ср. Иванов 1982.

²⁴ Slupecki 1987.

(польск. *wilkolak*, словацк. *vylko-lak*), где исходная форма могла быть с равным успехом и **tl-*, и **dl-*: второй тип (как в ляшском) мог победить под позднейшим влиянием южно-славянского.

4. Возможные балто-славяно-германские общие заимствования

4. 1. Лит. *sidabras*, лтш. *sidrabs* (*sudrabs*), др.-прус. *siraplis*, ст.-слав. *сѣребро*, рус. *серебро*, гот. *silubr* к греч. *ἀργύριον* 'серебро' (Лк. 19, 15). Др.-исл. *silfr*, да. *sioluf*, *siolfor*, др.-фриз. *sel(o)ver*, *silver*, дс. *silubar*, двн. *sil(a)bar* 'серебро', (Lehmann 1986, 303; Ганина 2007). Слово совпадает с баскскими диалектными вариантами, откуда было заимствовано.

СОКРАЩЕННЫЕ ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

CHD — *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*, ed. H. G. Güterbock, H. A. Hoffner, T. P. J. van den Hout. Chicago, 1980–2002.

D — Dercksen J. G. Some elements of the Old Anatolian Society in Kaniš // *Assyria and Beyond*, p. 127–178.

KUB — *Keilschrifturkunden aus Boghazköy*.

KZ — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*.

L — Laroche E. *Les noms des Hittites* // *Études linguistiques*. IV. Paris: Librairie Klincksieck, 1966.

ZA — *Zeitschrift für Assyriologie*.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1979 — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. III, Л., 1979.

Бубрих 1926 — Бубрих Д. В. О языковых следах финских тевтонов чуди // *Язык и литература*. Т. I, Л. 1926.

Бубрих 2005 — Бубрих Д. В. *Прибалтийско-финское языкознание. Избранные труды*. СПб., 2005.

- Виноградов 1997 — Виноградов В.В. *История слов*. М.: Наука, 1997.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Ганина 2007 — Ганина Н. А. К новой этимологической редакции крымско-готских данных. Par jauno Krimas gotu valodas etimoloģisko redakciju. Zu der neuen etymologischen Fassung der krimgotischen Angaben // *Valodniecība Studia etymologica germano – balto – slavica* 720. SĒJUMS. Rīga, 2007.
- Гура, Левкиевская 1995 — Гура, А.В., Левкиевская, Е.Е. Волколак // *Славянские древности в пяти томах*. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. I А-Г. М., 1995, с. 418–420.
- Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам 9 из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986, с. 89–219.
- Иванов 1957 — Иванов Вяч. В. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // *Вестник истории мировой культуры*. 1957. № 1.
- Иванов 1965 — Иванов Вяч. В. *Общеславянская, анатолийская и праславянская языковые системы*. М., 1965.
- Иванов 1975 — Иванов Вяч. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1975. Т. 34, с. 394–408.
- Иванов 1977 — Иванов Вяч. В. К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям // *Балканский лингвистический сборник*. М., 1977, с. 143–164.
- Иванов 1981 — Иванов Вяч. В. *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол*. *Индоевропейские истоки*. М., 1981.
- Иванов 1982 — Иванов Вяч. В. Диалектные членения славянской языковой общности и единство славянского языкового мира // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 1982, с. 212–236.
- Иванов 1990 — Иванов Вяч. В. Об отдаленном родстве в пределах семьи: анатолийский и индоевропейский, юкагирский и уральский // *Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей*. Материалы III балто-славянской конференции 18–22 июня 1990 г. М., 1990.

Иванов 2001 — Иванов Вяч. В. *Хеттский язык*. 2 изд., доп. М., 2001.

Иванов 2001a — Иванов Вяч. В. Древнейшие индоевропейские собственные имена из Анатолии // *Имя: внутренняя структура. Семантическая аура. Контекст*. Ч. 1. М., 2001.

Иванов 2004a — Иванов Вяч. В. О значении лувийской поэзии и метрики для реконструкции праиндоевропейского стиха // Вяч. В. Иванов. *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. III. М., 2004.

Иванов 2004b — Иванов Вяч. В. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских языков из древнего Ближнего Востока // *У истоков цивилизации: Сб. к 75-летию В. И. Сарияниди*. М., 2004, с. 41–67.

Иванов 2007 — Иванов Вяч. В. *Труды по этимологии*. Т. I. М., 2007.

Иванов, Топоров 1963 — Иванов Вяч. В., Топоров В. Н. К реконструкции праславянского текста // *Славянское языкознание*. Доклады. М., 1963.

Николаев 1983 — Николаев С. А. Один из типов названий хищных млекопитающих в северо-кавказских и индоевропейских языках // *Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане*. Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. Москва, 29 ноября – 2 декабря 1983г. М., 1983, с. 42.

Климов 1994a — Климов Г. А. *Древнейшие индоевропейизмы картвельских языков*. М., 1994

Климов 1994b — Климов, Г. А. Картвельское *uxho-* «бык жертвенный»-индоевропейское **uks-on-* // *Этимология 1990–1993*. М., 1994, с. 154–158.

Климов, Халилов — Климов Г. А., Халилов, М. Ш. *Словарь кавказских языков*. М., 2003.

Мартынов, 1963 — Мартынов В. В. *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*. Минск, 1963

Мейе 1951 — Мейе А. *Общеславянский язык*. М., 1951. Попов 1985 — Попов Р. За върколака в българскита народни вервания (исторички корени и място в народната култура) // *Известия на Националния исторически музей*. 1985, с. 213–227.

Порциг 1960 — Порциг В. *Членение индоевропейской языковой области*. Пер. с нем. М., 1960 (нем. изд. 1954).

Старостин 2007 — Старостин С. А. *Труды по языкознанию*. М., 2007.

Топоров 1975 — Топоров В. Н. *Прусский язык*. Словарь. А-D, Е-I < I-K, K-L. М., 1975–1980.

Трубачев 1959 — Трубачев О. Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М., 1959. .

Фасмер 1964 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. М., 1964–1973.

Цинциус 1982 — Цинциус В. И. *Негидальский язык*. Л., 1982.

Шилейко 1921 — Шилейко В. К. *Документы из Гюль-Тепе // Изв. Академии истории материальной культуры*. 1921. Т. I, с. 356–364.

Янковская 1968 — *Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э. / Автографические копии, транскрипция, пер., вводн. ст., коммент. и глоссарий Н. Б. Янковской (Памятники Востока XIV)*. М., 1968.

Янковская 1988 — Янковская Н. Б. *Хурриты в Канише (Малая Азия, XIX в. до н. э.) // Кавказско-ближневосточный сборник*. Т. VIII. Тбилиси, 1988, с. 133–139.

Adiego 2007 — Adiego I. J. *The Carian Language. Handbuch der Orientalistik (HdO). Series 1. Vol.86*. Leiden; Brill, 2007.

Bartholomae 1979 — Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch zusammen mit den Nacharbeiten. und Vorarbeiten*. Berlin; New York, 1979.

Blažek 1999 – Blažek V. *Numerals. Comparative-Etymological Analysis and their Applications // Opera Universitatis Masarykianae Brunensis. Facultas Pilo-sophica*. Т. 322. Brno, 1999.

Bomhard A. R. *Reconstructing Proto-Nostratic. Comparative Phonology, Morphology and Vocabulary*. Vol.I–II. Leden; Brill, 2008

Bomhard A. R. *Recent Trends in Nostratic Comparative Linguistics // Georgian National Academy of Sciences. Bulletin, New Series*. Vol. 2, 4, 2008, pp. 148–153.

Boutkan 1999 — Boutkan D. *Old Frisian ‘Instrumental Singular’ in -um? // Neophilologus*. Vol. 83, Number 3, July 1999, pp. 421–426(6).

Collinder 1965 — Collinder B. *Hat das Uralische verwandte? Eine sprachwissenschaftliche Studie // Acta Universitatis Upsaliensis. New Series*. Vol. 1, 4, 1965.

Čop 1974 — Čop B. *Indouralica I // Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti, Razred za filološke in literarne vede*. Dela 30/1. Ljubljana, 1974.

Čop 1975 — Čop B. *Indogermanische Deklination im Lichte der Indouralischen vergleichenden Grammatik // Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti, Razred za filološke in literarne vede*. Dela 31. Ljubljana, 1975.

Čop 1979 — Čop B. Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch // *Hethitisch und Indogermanisch*, hrsgb. von E.Neu und W.Meid. Innsbruck, 1979, SS. 9–24.

Čop 1981 — Čop B. Sur l'origine des thdmes pronominaux sigmatiques des langues indo-européennes // *Linguistica*. 1981. Vol. XXI, SS. 73–103.

Čop 1989 — Čop B. Indouralica IX // *Linguistica*. 1989. Vol. XXIX, SS. 13–56.

Dercksen 2001 — Dercksen J. G. When we met in Hattuš // *Veenhof AV*. 2001, pp. 39–66.

Dercksen 2004a — Dercksen J. G. Old Assyrian Istitutions // *MOS Studies 4*, uitgaven van het Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten te Leiden. Bd. 98. Leiden, 2004.

Dercksen 2005 — Dercksen J. G. Again on Old Assyrian *tuzinum* // *Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires*. 2005. Vol. 2, pp. 39–39.

Dercksen 2007 — Dercksen J. G. On Anatolian loanwords in Akkadian texts from Kültepe // *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie (ZA)*. 2007. Bd. 97, pp. 26–46.

Dolgopolsky 2008 — Dolgopolsky A. B. *Nostratic Dictionary*. Cambridge, Published online by The MacLonnell Institute of Archaeology at <http://www.Dspace.Cam.ac.uk/handle1810/196512>. 2008.

Eckert 2001 — Eckert R. *Altpreussische Studien. Tolkemita-texte*. Dieburg, 2001.

Endzelin 1923 — Endzelin J. *Lettische Grammatik*. Riga, 1923.

Endzelin 1951 — Endzelins J. *Latviešu valodas gramatika*. Riga, 1951.

Endzelins 1982 — Endzelins J. *Darbu izlāse*, 2 daļa, Rīgā, 1982.

Erhart 1995 — Erhart A. Archaisch oder konservativ? Das Anatolische und das Baltische // *Kuryłowicz Memorial volume*. Part 2, ed.W.Smoczyński. Kraków, 1995. (*Linguistica Baltica IV*.)

Flajšhans 1926 — Flajšhans V. *Klaret a jeho družina*. Sv. I. Praha, 1926 (<http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/acech/klaret/klare.htm>).

Garrett 2006 — Garrett A. Convergence in the Formation of Indo-European Subgroups: Phylogeny and Chronology // *Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages*, ed. P. Forster and C. Renfrew. 2006, pp. 139–151.

Golénishcheff 1891 — Golénischeff W. S. *Vingt-quatre tablettes Cappadociennes de la collection W. Golénischeff*. Spb., 1891.

Greenberg 2000 — Greenberg J. *Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family*. 1: Grammar. Stanford, 2000.

Günbatti 2004 — Günbatti C. Two treaty texts found in Kültepe // *Assyria and Beyond*. 2004, pp. 249–268.

Gusmani 1968 — Gusmani R. *Il lessico ittito*. Napoli, 1968.

Haudry 1981 — Haudry J. Les deux flexions de l'adjectif germanique // BSL. 1981. T. 76. fasc. I, pp. 191–200.

Hawkins 2000 — Hawkins, J. D. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*, vol. I: Inscriptions of an Iron Age, pts. 1, 2, 3. Berlin; New York, 2000.

Hocart 1936 — Hocart A. M. *Kings and Councillors*. Cairo, 1936 (repr.: Chicago, 1970)

Ivanov 2002 — Ivanov Vyach. V. Comparative Notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // *Languages and their Speakers in Ancient Eurasia*. Dedicated to Prof. A. Dolgopolsky on his 70th birthday, ed. V. Shevoroshkin and P. Sitwell. Canberra, 2002, pp. 143–234. (Association for the history of language. Monograph series 1. AHL Studies in the Science and History of Language. Vol. 5).

Ivanov 2008 — Ivanov Vyach. V. Archaic Indo-European Anatolian Names and Words in Old Assyrian Documents from Asia Minor (20th-18th Centuries BC) // *Proceedings of the 19th Annual UCLA Indo-European Conference*. Washington DC, 2008, pp. 219–237.

Jakobson 1966 — Jakobson R. *Selected Writings*, vol. IV: Slavic Epic Studies. Mouton, 1966.

Kassian 2002 — Kassian A. S. Glossary of verbal forms and derivatives from published Old Hittite texts, ed. V. Shevoroshkin, P. Sitwell // *Anatolian languages*. AHL Studies in the Science and History of Language. Vol. 6. Canberra, 2002, pp. 72–136.

Klimov 1985 — Klimov G. A. Zu den ältesten indogermanisch-semitisch-kartwelischen Kontakten im Vorderen Asien // *Sprachwissenschaftliche Forschungen*. Festschrift für Johann Knobloch, ed. by H. M. Ölberg & G. Schmidt, Innsbruck, 1985, SS. 205–210.

Klimov 1994 — Klimov G. A. Kartvelian evidence for the Indo-European laryngeal? // *Indogermanische Forschungen*. 1994. Bd. 99, pp. 62–71.

Klimov 1998 — Klimov, G.A. *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages*. Berlin; New York, 1998.

Koivulehto 1999 — Koivulehto J. Verba mutata // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. T. 237. Helsinki, 1999.

Kryszat 2004 — Kryszat G. Zur Chronogie der Kaufmannsarchive aus der Schicht 2 des Kārum Kaniš // *Studien und Materialen. Old Assyrian Archives. Studies*, vol. 2, uitgaven van het Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten te Leiden. Bd. 99. Leiden, 2004.

Laroche 1980 — Laroche E. Glossaire de la langue hourrite // *Études et commentaries*. Vol. 93. Paris, 1980.

Larsen 2002 — Larsen M. T. The Aššur-nada Archive // *Old Assyrian Archives*. Vol. 1. Uitgaven van het Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten te Leiden. Bd. 96. Leiden, 2002.

Lejeune 1958 — Lejeune M. La désinence — φ en mycénien // M. Lejeune. *Mémoires de philologie mycénienne*. Première série. Paris. 1958, pp. 159–184.

Machek 1957 — Machek V. *Etymolgický slovník jazyka českého i slovenského*. Praha, 1957.

Mažiulis 1977 — Mažiulis V. *Dėl prūsų etimologijų: doalgis, dolu, draugiwa-dūnen'* // *Baltistica*. 1977.

Mažiulis 1981 — Mažiulis V. *Prūsų kalbos paminklai*. T. II. Vilnius, 1981.

Mažiulis 1993–1997 — Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. T. II, IV. Vilnius, 1993–1997.

Meillet 1922 — Meillet A. *Les dialects indo-européens*. Paris, 1922 (2 éd.; 1 éd. 1908).

Melchert 1993 — Melchert C. H. *Cuneiform Luwian Lexicon*. Chapel Hill, 1993.

Melchert 2004 — Melchert C. H. *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor; New York, 2004.

Neu 1974 — Neu E. *Der Anitta-Text* // *St BoT*. Bd. 14. Wiesbaden, 1974.

Neu 1996 — Neu E. *Das hurrische Epos der Freilassung I. Untersuchungen zu einem hurritisch-hethitischen Textensemble aus Hattuša* // *St BoT*. Bd. 32. Wiesbaden, 1996.

Neumann 1974 — Neumann G. Hethitisch *nega* 'die Schwester' // *Antiquitates indogermanicae*. Innsbruck, 1974, SS. 279–283.

Nickols 1987 — Nickols J. Russian *vurdalak* and cognates // *Language, Literature, Linguistics*. Berkeley, 1987.

Nikolaev, Starostin 1994 — Nikolaev S. L., Starostin S. A. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow, 1994.

Ostheeren 2000 — Ostheeren K. "Got. *Driugan* — 'zu Felde ziehn'. Ein Versuch in historischer Wortsemantik" // *Sprachspiel und Bedeutung*. Festschrift

für Franz Hundsnurscher zum 65. Geburtstag. Tübingen, 2000, SS. 165–76.

Pedersen 1938 — Pedersen H. *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, Copenhagen, 1938.

Puhvel 1982 — Puhvel J. Balto-Anatolian Isoglosses // *Investigationes philologicae et comparativae. Gedenkschrift für H. Kronasser*, ed. E. Neu. Wiesbaden, 1982.

Puhvel 1984; 1991 — Puhvel J. *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. 1–2. Words beginning with A, E, vol. 3, Words beginning with H, Mouton, 1984; 1991.

Puhvel 1991 — Puhvel J. Names and Numbers of the Pleiads // *Semitic Studies in Honor of W. Leslau*, ed. Q. A. S. Kaye. Wiesbaden, 1999, pp. 1243–1247.

Rosenkranz 1978 — Rosenkranz B. *Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen*. Mouton, 1978. (*Trends in Linguistics. State-of-the-Arts Reports* 8).

Rosteck 1937 — Rosteck E. Die ältesten Beziehungen des uralischen Sprachstammes zum Indogermanischen // *Wörter und Sachen*. 1937. Bd. XVIII.

Schmidt 1973 — Schmidt G. Die iranischen Wörter für „Tochter“ und „Vater“ und die Reflexe des interkonsonantischen H (ə) in den idg. Sprachen // *KZ*. 1973. Bd. 87, SS. 36–83.

Sinkevičius 2003 — Sinkevičius R. Vilktaikių tradicija lietuvių kalendorinėse žiemos šventėse // *Šiaurės Atėnai*. 2003. Nr. 642.

Ślupecki 1987 — Ślupecki L. P. *Wilkolactwo*. Warszawa, 1987.

Stang 1971 — Stang Chr. S. *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1971.

Starke 1990 — Starke F. Untersuchung zur Stammildung des keilschriftluwischen Nomens // *S Bo T*. Bd. 31. Wiesbaden, 1990.

Starke 1993 — Starke F. Zur Herkunft von akkad. *ta/urgumannum* «Dolmetscher» // *Welt der Orient*. 1993. Bd. 24, SS. 20–38.

Starostin 2003 — Starostin S. A. *Nostratic Etymology* <starlng.rinet.ru>.

Starostin, Dybo, Mudrak 2003 — Starostin S. A., Dybo A.V., Mudrak O. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden, 2003.

Stephens 1944 — Stephens F. J. Old Assyrian letters and Business Documents // *Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies*, Yale University. Vol. VI. New Haven, 1944.

Veenhof 1972 — Veenhof K. R. Aspects of Old Assyrian trade and its terminology // *Studia et documta ad iura Orientia Antiqui pertinentia*. Vol. X. Leiden; Brill, 1972.

Vasmer 1941 — Vasmer M. Die Slaven in Griechenland // *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse, Hft. 12*. Berlin. 1941.

Vėlius 1977 — Vėlius N. *Mitinės lietuvių sakmių būtibės*. Vilnius, 1977.

Vulcănescu 1962 — Vulcănescu R. Des elements slaves dans la mythologie roumaine // *Československá etnografie*. 1962. T. X/2.

Whittaker 1998 — Whittaker G. Traces of an early Indo-European language in Southern Mesopotamia // *Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft*. 1998. Hft. 1, pp. 111–147.

Whittaker 2004 — Whittaker G. Word formation in Euphratic // *Indo-European Word Formation*. Proceedings of the Conference held at the University of Copenhagen. Copenhagen, 2004, pp. 381–423.

ГОТСКИЕ ИМЕНА: ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

На первый взгляд готский ономастикон этимологически прозрачен. Основной моделью является двучленное имя собственное германской этимологии — например, Theoderic (< Theodericus, Θεοδέρικος) < о/г *rēuda-/rūda- ‘народ’ + *rīkaz ‘правитель’¹. Широко распространены и одночленные имена собственные германской этимологии — например, Osda (< Ὠσδας) < о/г *uzda — ‘острие’ (+ N). Как правило, одночленные имена выступают с уменьшительными суффиксами -il- или -ik- — ср. Wulfila < о/г *wulfa- ‘волк’ + -il-, Merila/Mirica < о/г *mēri- ‘славный, знаменитый’ + -il-/-ik- (551 г., грамота из Неаполя, pap. Marini 119, P. Tjäder 34, готская подпись и первая латинская часть документа, имя антиквария или нотариуса — гот. bokareis; ср. вестгот. Merila, 946 г., Mirellus, 858 г.)

Итак, всем известные *Теодорих*, *Вульфила* — и казалось бы, никаких проблем. Существовал определенный набор основ, в подавляющем большинстве общегерманских, и путем их комбинирования складывались готские имена. Однако при исследовании ономастикона остготов и вестготов² возникает целый ряд «недоуменных вопросов», касающихся как структуры, так и этимологии готских имен.

1. Двучленные имена собственные

Двучленные имена, как было сказано выше, образуют наименее проблемный участок готского ономастикона. Однако и здесь есть своя специфика.

Известным примером этимологически темного композита является имя эпического готского героя — *Eterpamara*. Согласно Иордану, это один из легендарных предков, чьи деяния прославлялись готами «в песнях с припевами и [в сопровождении] кифар» [Get. 43]. Для этого громоздкого обра-

¹ Формы Theodericus, Θεοδέρικος, легшие в основу традиционной передачи имени остготского короля, являются более поздними по сравнению с *Theodericus*, Θεοδέρικος.

² Анализ всех готских ономастических реликтов проведен в работе: [Ганина 2008].

зования давно уже была предложена конъектура *Egramara*³. Интересно, однако, что в перечне предков это имя стоит у Иордана первым. Употребление союза «et» в таком контексте неясно; остается предполагать, что Иордан заимствовал это перечисление у Кассиодора Сенатора или Аблавия и в своем тексте расставил имена иначе.

Но и с учетом конъектуры этимология имени **Egramara* остается спорной. Первый компонент сопоставляется с о/г **egr-* ‘темный, смуглый’, но ближайшими соответствиями в германском ономастиконе оказываются имена, восходящие к основе **agr-* — ср. гот. *Arþúlās* (имя мученика, готский календарь), герм. латинизир. *Argus* (имя князя хаттов у Тацита), ди. *Egr* ‘Эрг’ (имя сводного брата Сёрли и Хамдира в «Речах Хамдира»; палатальная перегласовка исходного **agr-*), бургунд. **Egra* (уменьшит. **Egrila*)⁴. Эти имена соотносятся с ди. *jargr*, да. *eogr*, *eagr*, двн. *egrþ* ‘темный, темно-коричневый, смуглый’. О/г **egr-* ‘темный, смуглый’ имеет параллели в виде греч. *ὄρθνός* ‘темно-коричневый (темно-бурый), темный’, ст.-слав. *рѣбъ, гѣрѣбъ* ‘рябой’, двн. *rebahoun* ‘рябчик’, рус. *рябчик* и возводится к и.-е. **erb* / **ereb-* ‘пестрый, рябой’⁵.

Примечательно, однако, что *Argus* и *Arþila* не могут восходить к о/г **egr-*, то есть к исконному краткому **ě*. Если бы общегерманский **ǣ* переходил в отдельных языках в **ě*, можно было бы предположить палатальную перегласовку, пусть даже если это допущение и казалось бы смелым для восточногерманского. Тогда можно было бы говорить о том, что исконное о/г **agr-* выглядело в позднем восточногерманском как **egr-*: ср. гот. **Arþila* — гот. **Egramara*, бург. **Egrila*. Однако исконный **ě* в общегерманском надежно обоснован, благодаря ди. *jargr* (велярная перегласовка < *ě*), да. *eogr* (древнеанглийское преломление < *ě*). При этом германская основа **agr-* также подтверждается наличием *ǣ* в *Argus* и *Arþila*. Единственной возможностью связать основы **ǣgr-* / **ěgr-* будет отнесение этой вариативности к общегерманскому уровню, на что и указывает языковой материал. В таком случае о/г **ěgr-* / **ǣgr-* ‘темный, смуглый’ является продолжением индоевропейского **erb-* / **orb-* ‘пестрый, рябой’, где представлен обычный качественный аблаут *ě/ō*. Значения всех древнегерманских ареальных континуант данной индо-

³ [Schönfeld 1911, 81, Wagner 1982, 364].

⁴ [Gamillscheg 1936, 114].

⁵ [de Vries 1962, 291].

европейской основы показывают, что семантический переход от значения 'пестрый, рябой' к значению 'темный' можно считать свершившимся уже для общегерманского. Таким образом, гот. *Argila* следует трактовать как производное от о/г **agr-* 'темный, смуглый' (< и.-е. **ǝrb-* 'пестрый, рябой') с уменьшительным суффиксом *-il-*; ср. здесь снн. *erpel*, *argel*, слл. *erpel*, нн. *Ergel* 'селезень'. Что же касается гот. **Егра*(*mara*), то первый компонент этого имени восходит к той же основе, но с другой огласовкой — о/г **ǝgr-*.

Дальнейшее членение композита предполагает разные трактовки. Ф. Вреде указывал на имя остготского сайона *Amara* (первая половина VI в., *Cass. Var. IV, 27-28*) и членил имя как **Егра-амага*, возводя второй компонент к о/г **амага* 'овсянка (птица)'⁶. В настоящее время эта этимология получила дополнительное обоснование у Н. Вагнера, причем исследователь счел рассматриваемое образование даже не композитом, а двумя одночленными именами: *Егра Amara*⁷. С учетом германских обозначений селезня (и пестрой птицы вообще) эта версия представляется наиболее оправданной в плане семантики. Оказывается, что легендарный предок готов носил мотивированное имя (будь то композит или два одночленных имени) «Пестрая Овсянка».

Наряду с этим существует и другая версия, согласно которой имя членится как **егра-* 'смуглый' + **māra* 'славный, знаменитый'⁸. Однако в готском общегерманская основа **mēriz* 'славный, знаменитый' оформлялась как *-mer* (*-mir* с остготским сужением). И если даже предполагать здесь некое древнефранкское влияние, остается неясным оформление второго компонента как **-мага*, а не как **-mar*.

Тем не менее, рассмотренный случай является исключительным. Как правило, в остготских двучленных именах неясной этимологии темным оказывается первый компонент, тогда как второй укоренен в общегерманском ономастиконе. Обратимся к этим примерам.

Malatheus (551 г., грамота из Неаполя, *pap. Marini 119, P. Tjäder 34*, первая латинская часть).

Ф. Вреде считает имя кельтским⁹, однако второй элемент восходит к о/г **ǝ^ē/waz* 'слуга, раб'. По всей очевидности, имя представляет собой кельто-

⁶ [Wrede 119-120].

⁷ [Wagner 1982, 364].

⁸ [Schönfeld 1911, 81].

⁹ [Wrede 1891, 143].

германский гибрид; в отношении первого компонента ср. галльск. *Malorig*. При этом интерпретация **mala*- как искаженного (усеченного) **amala*- (у Ф. Вреде как гипотеза) исключается, поскольку в эту эпоху имя Амалов связано у остготов исключительно с членами одной династии¹⁰.

Ближайшей параллелью восстанавливаемого кельтского **mala*- представляется др.-ирл. *mael* 'лысый', однако сопоставление это гипотетично. С одной стороны, С. В. Шкунаев указывал, что прилагательное *mael* нередко входило в имена ирландских друидов, филидов и брегонов, поскольку в традиционном ирландском обществе короткие волосы носили либо юноши, еще не сделавшиеся полноправными членами социума, либо люди, причастные к сверхъестественным силам¹¹. С другой, в готском обществе особым значением наделялись длинные волосы, отличавшие знатного человека и просто свободного гота. В связи с этим примечательно, что основа **mala*- сочетается в рассматриваемом имени с германской основой **r^ē/i₁waz* 'слуга, раб'.

Marabadus (первая половина VI в. *Cass. Var.* III, 34, IV, 12, 46). Комит в Массилии. Ближайшая параллель — галльское *Marobodu(u)s*, однако Ф. Вреде интерпретировал первый компонент как производное от о/г **marha-* 'лошадь'¹², поскольку готская основа со значением 'славный, знаменитый' оформляется как **mer-*, **mir-*. Тем не менее, здесь может быть представлено сочетание кельтского и германского компонентов: кельт. **magō-* 'великий, славный' + о/г **badwō-* 'битва'. Возможно также переоформление кельтского имени в германском языковом окружении.

Mateswintha (первая половина VI в. Прокопий Кесарийский, Иордан и др.). Дочь Амаласвинты и Эвтариха, внучка Теодориха Великого.

Имя засвидетельствовано в формах *Ματασοῦνθα* (Прокопий), *Mateswentha*, *Matesvinta* (Марцелин Комит), *Matheswentha* (Иордан).

Второй компонент имени восходит к о/г **swinþō* 'сила' и имеет надежную германскую этимологию и представлен во многих готских именах. Однако для начального **mata-* Ф. Вреде не видел удовлетворительной германской этимологии (о/г **maþla-* 'речь в собрании' еще не могло подвергнуться столь значительной трансформации) и осторожно указывал лишь на о/г **mat-* 'тесать', предполагая в производном некое обозначение ору-

¹⁰ [Ганина 1999a].

¹¹ [Предания и мифы средневековой Ирландии 1991, 253].

¹² [Wrede 1891, 115-116].

жия¹³. М. Шёнфельд приводит среди этимологий галльск. mat(h)u- ‘хороший’¹⁴. Ср. здесь также валл. mathu ‘медведь’ (следует оговориться, что этимология этого слова считается невыясненной). Важно также отметить, что компонент *mat- в кельтских именах трактуется С. В. Шкунаевым как ‘чары, колдовство’ — ср. др.-ирл. Mathgen, валл. Math (имя правителя-чародея), а также галльское Matthon¹⁵.

Таким образом, остготские двучленные композиты с этимологически темным первым компонентом получают наиболее убедительное объяснение при сопоставлении с кельтскими данными. Такое положение вполне согласуется с наличием в готском ономастиконе одночленных имен кельтской этимологии, о чем будет сказано ниже.

Другая проблема в сфере двучленных имен связана не с этимологической характеристикой, а с прагматикой именования. Как у остготов, так и у вестготов достаточно широко распространена двуименность. Источники позволяют судить, что это явление было обусловлено разными причинами. Наиболее естественной была двуименность при тесном взаимодействии с иной культурой, когда у носителя германского имени (двучленного или одночленного) было также имя латинской или греческой этимологии. Ср. два имени матери Теодориха Великого: Hereleuva < о/г *hēru- ‘меч’ + *leuþō/*liuþō ‘любимая’ или *liþō ‘остаток, потомок’ (V в., папские послания) — *Eusebia*. Имя *Eusevith* она, согласно *Anon. Val.* 58, получила во св. крещении, причем была не арианкой, но православной. Равным образом, дочь Теодориха от наложницы звалась *Ostrogoto* < о/г *austra- ‘светлый, сияющий’ + *g^{ti}/tō(n)- ‘женщина из племени готов’ (VI в. *Get.* 297) и *Ariagne* (< *Areuagni*; *Anon. Val.*). А иногда в качестве второго имени в документах выступает германское имя. Так, духовное лицо, обозначенное в первой латинской части купчей грамоты из Неаполя (551 г., pap. Marini 119, P. Tjäder 34) как *Minulus*, подписывается как *Willienanth* < о/г *wilja- ‘воля’ + *nanþaz ‘дерзкий, отважный’; лицо, указанное в начале той же грамоты как *Danihel*, в конце упомянуто как *Igila* (германское, этимология неясна, см. ниже).

В вестготской Испании ввиду большей романизации случаи двуименности готов и их потомков были более разнообразны. У женщин нередко

¹³ [Wrede 1891, 96-97].

¹⁴ [Schönfeld 1911, 165].

¹⁵ [Предания и мифы средневековой Ирландии 1991, 252].

встречается второе латинское имя (прозвище) при первом германском: *Eilo qui nomine Dulcevida* (895 г.), *Gogilli cognomento Bellida* (978 г.), *Emiso cognomento Matre* (985 г.), *Godegeva connomento Madrecella* (1078 г.). Прозвище может оформляться как суффиксальная вариация первой основы германского имени: ср. *Trastalo-Trastina* при гот. *þrafstjan* ‘держать’ и испано-готских именах с первым компонентом *trast-* (ср. *Trastemirus*, 818 г.). По заключению Й. Пиля и Д. Кремера, более редким является сочетание первого негерманского (латино-греческого) имени со вторым германским: *Petrus cognomento Gontoigio*. Гораздо чаще латино-греческое имя сочетается с патронимом германской этимологии: *Pelagius Cartimiriz* (1088 г.), что отражает реалии поздней эпохи. Особо выделяются случаи типа *Manualdo cognomento Manoi* (998 г.), где второе имя явно представляет собой уменьшительно-ласкательную гипокористику от первого, но уже не со старым германским суффиксом (-*ila/-ika*), а с типично испанским -*oi* неясной этимологии (ср. *Godoi* и др.)¹⁶. При этом определение статуса того или иного из имен не всегда представляется возможным в контексте единичных упоминаний в грамотах: так, более ясны примеры *Petrus-Gontouigio* (первое имя как крестильное) и *Manualdo-Manoi* (второе имя как уменьшительное от первого), а случаи *Eilo-Dulcevida* (букв. ‘сладкая жизнь’) и особенно *Godegeva-Madrecella* (букв. ‘матушка’) не позволяют однозначно судить, идет ли здесь речь о втором имени или о прозвище как таковом.

Однако наиболее интересны случаи, когда двучленное имя собственное германской этимологии имеет аналогичный коррелят. Ср. *Valamer* < о/г **wala-* ‘павшие’ + **mēriz* ‘славный, знаменитый’ (ок. 474–526, Марцелин Комит, продолжатели). Согласно источнику, таково было второе имя Теодориха Великого (достоверно — имя дяди Теодориха). Ф. Вреде предполагал, что Теодориха могли называть вторым именем или прозвищем для того, чтобы отличить от Теодориха (Теодериха), сына Триария. Однако имя **Walamiŕ* можно трактовать и как похвальный эпитет короля, известного своими войнами и победами: ‘Павшими славный’. В связи с этим следует вспомнить имя готского героя, упоминаемого у Прокопия Кесарийского – *Οὐίσανδος Βανδαλάριος* = **Wisand Wandalari* ‘бизон Вандаларий’ (примечательна аллитерация). Собственно именем, очевидно, следует считать *Wan-*

¹⁶ [Piel, Kremer 1976, 30-31].

dalari (засвидетельствовано в ряде употреблений у остготов и вестготов), тогда как Wisand является говорящим прозвищем героя — ср. дн. visundr, да. wesend, weosend, двн. wisunt, wisant ‘бизон’¹⁷.

Один из готских военачальников времен готской войны в Италии носил по крайней мере два — а может быть, и три имени. То был телохранитель Велизария, «родом варвар», в Италии перешедший на сторону Тотилы (Прокопий Кесарийский, *Bell. Goth.* VII (III), 35, § 23). Имя его было *Gundulf* (< Γουνδούλφ) < о/г *gunþjō- ‘битва’ + *wulfaz ‘волк’, но он же, по Прокопию, звался Ἰνδοῦλφ или Ἰλδοῦλφ: «Γουνδοῦλφ, ὄσπερ. τινές δέ αὐτὸν Ἰνδοῦλφ ἐκάλουν» «Гундульф... некоторые называют его Индульфом» [*Bell. Goth.* VIII (IV), 23, § 1]¹⁸. Форма Ἰλδοῦλφ, несомненно, передает готское **Hildulf* < о/г *hildjō- ‘битва, бой’ + *wulfaz ‘волк’ (ср. вестгот. *Idulfus*), тогда как форма Ἰνδοῦλφ менее ясна. На основании критики текста Г. Райхерт полагает, что данный вариант является опиской: Ἰνδοῦλφ < Ἰλδοῦλφ, поскольку форма Ἰνδοῦλφ встречается только в одной ветви «родословного древа» рукописей «Войны с готами», тогда как Ἰλδοῦλφ — в двух¹⁹. Однако нельзя исключить и возможность возведения формы Ἰνδοῦλφ к о/г *hinþa- ‘захватывать, брать в плен’ — ср. гот. *fra-hinþan** (снгл. 3) к греч. αἰχμαλωτίζειν ‘захватывать, брать в плен’, *miþ-fra-hinþan** (прич. 2 к греч. ὁ συναἰχμαλωτός ‘товарищ по плену, союзник’), *us-hinþan** αἰχμαλωτιεύειν ‘брать в плен’, *hunþs αἰχμαλωσία* ‘военная добыча’ при дшв. *hinna, hanna* ‘достигать’, да. *hūþ* ‘добыча’, двн. *heri-hund* ‘военная добыча’ < о/г *hinþan(an) ‘захватывать, брать в плен’²⁰.

Подобная «внутригерманская» двуименность наблюдается и в сфере одноклренных имен: ср. *Totila* — *Wadwila* (см. ниже). Как указывает Г. Райхерт, акт первоначального имянаречения у древних германцев не следует абсолютизировать. Помимо имени, данного при рождении, человек в течение жизни мог получать почетные имена, уменьшительные имена и различные прозвища, как производные от первоначального имени, так и независимые от него²¹.

¹⁷ [Wrede 1891, 101, Schönfeld 1911, 267].

¹⁸ Пер. по: [Прокопий Кесарийский, 1950].

¹⁹ [Reichert 1984, 363].

²⁰ Параллели из классического готского по: [Lehmann 1986, 122].

²¹ [Reichert 1984, 355].

2. Одночленные имена собственные

Основной теоретической проблемой здесь является сам статус одночленного германского имени. Ф. Вреде интерпретирует все одночленные остготские имена как гипокористики от соответствующих двучленных. Согласно традиционной трактовке, именно двучленное имя собственное является основной, «парадной» моделью германского ономастикона, тогда как одночленное — вторичным, производным и указывающим на более низкий статус носителя²². В структурном плане это заключение оправданно, но в социокультурном отношении требует уточнения. Как подчеркивает О. А. Смирницкая, одночленное германское имя вовсе не обязательно служит указанием на низкий статус носителя — напротив, ср. многочисленные одночленные имена в англосаксонских королевских генеалогиях²³. И действительно, в начале генеалогии готского царственного рода мы находим одночленное имя *Amal* < о/г **Amalaz*. Таким образом, при всей важности двучленного имени для германского (и древнего индоевропейского) ономастикона следует сознавать, что германское одночленное имя — вовсе не второсортное и не второстепенное образование.

Одночленные имена широко распространены в готском ономастиконе. Как правило, они выступают с уменьшительным суффиксом. Каков статус этого суффикса — неизменный (допустим, человек с рождения зовется *Wulfila* и не иначе) или подвижный?

Примечательно, что в готской подписи под латинской купчей (грамота из Неаполя) одночленное имя представлено в форме *Merila*, а в латинском тексте — как *Mirica* (с характерной передачей узкого остготского *ē* посредством латинского *i*). Ф. Вреде объясняет эту вариативность смещением двух уменьшительных суффиксов в гипокористике²⁴. Однако представляется, что этот пример свидетельствует о свободном функционировании уменьшительных суффиксов *-il-* и *-ik-* в синхронии, то есть возможности выбора любого из них.

Показательна и вариативность имени *Trigga / Triggwila* < гот. **triggwa-*, о/г **triwwa-* ‘верный’ + *-il-* (20-е годы VI в., Эннодий, Боэций, *Anon. Val.*).

²² Ср.: [Lehmann 1968, Reichert 1984].

²³ Устное указание при обсуждении данной проблематики.

²⁴ [Wrede 1891, 142].

Судя по единству времени и указаниям должностей (*praepositus regiae domus* у Боэция, *praepositus cubiculi* в *Anon. Val.*), *Triggwa* и *Triggwila* — одно лицо при дворе Теодориха Великого. Соответственно, одночленное имя могло выступать как само по себе, так и с уменьшительным суффиксом. О какой-либо эмоциональной окраске имени с уменьшительным суффиксом судить трудно. Вероятно, изначально она присутствовала или предполагалась, но в повседневном употреблении могла стираться. Так, Боэций, которому мы обязаны весьма выразительным упоминанием Триггвилы в «Утешении философией», отнюдь не испытывает к нему приязни: «*quotiens Triggwilla regiae praepositum domus ab incepta, perpetrata iam prorsus iniuria dei-ci*» [*Phil. Cons. I*] «сколь часто отвращал я Триггвилу, королевского домоправителя, от начатого, а то и почти свершенного беззакония»²⁵.

С этимологической точки зрения одночленные имена представляют собой более пестрый материал. При основном массиве германских имен типа *Albila*, *Ansila*, *Brandila*, *Theudila*, *Runilo* (ж.р.), *Waki* и т. д. отмечаются довольно экзотические единицы — *Ibba*, *Morra*, *Pitza*, *Patza* и т. д. При исследовании выясняется, что некоторые из таких имен происходят из кельтского или допускают соотношение с кельтским этимологическим фоном. Обобщим эти имена (группа 1).

Vojo (первая половина VI в. *Cass. Var. I*, 38). Имя неверного опекуна, за свидетельствованное в вариантах *Voioni*, *Coioni* (дат.п.).

Ф. Вреде предполагает кельтскую основу (ср. кельтское имя собственное *Voio-rìx*). Возможно, здесь представлена гипокористика от гибридного кельто-германского имени двучленной структуры — ср. выше *Marabadus*. Предложенная Вреде конъектура **Goio* < *Coio* (ср. готское имя собственное *Vidigoja*) менее убедительна, и сам исследователь не считал ее основным решением²⁶. Таким образом, основной этимологией имени следует считать возведение к кельт. **bojo-* ‘племя бойев’ (+ N?).

Duda (первая половина VI в. *Cass. Var. IV*, 27). Имя комита.

В некоторых рукописях также *Dudda*, что Ф. Вреде объясняет вторичной экспрессивной геминацией. Ср. имена с начальным **Dod-*, **Dud-* у вестготов²⁷.

Данное имя, фактически не имеющее этимологии, было популярно в гото-немецком ареале на протяжении долгого времени, причем основа

²⁵ Цит. по: [Voethius 1997, 26]. Пер. Н.Г.

²⁶ [Wrede 1891, 111].

²⁷ См.: [Piel, Kremer 1976, 112, Ганина 1999b].

использовалась как в мужских, так и женских именах — ср. *Dudila*, имя вестгота (646 г.), *Duoda* (*Dodana*), имя графини Септиманской (IX в.), двн. *Tuata*, *Tuota*, *Tuotilo*. Ф. Вреде на основе корреляции остгот. **u** — двн. **ua**, **ou** восстановил исходное готское **Dōda*, что подтверждается латинизированным готским *Dodana* (при франкизованном *Duoda*). За неимением каких-либо отчетливых параллелей исследователь сопоставлял имя с двн. *tut(t)ō* ‘сосок, грудь’ (ср. гот. *daddjan* ‘кормить грудью’) ²⁸. В подобных экспрессивных образованиях законы фонетики могут нарушаться, однако исконный **ō*, хорошо прослеживаемый во всех формах имени, вообще не позволяет соотносить *daddjan* и **Dōda*.

Ввиду отсутствия надежных германских параллелей, непроницаемости внутренней формы и примечательных колебаний огласовки в древневерхне-немецком (*Touta* при *Tuota*) представляется, что данное имя, как и остгот. *Totila* (см. ниже), является заимствованием. Ф. Вреде предполагал заимствование из кельтского ²⁹. В ономастиконе остготов засвидетельствованы отдельные кельтские имена (ср. *Vojo*, *Marabadus*) ³⁰, однако в данном случае наряду с кельтскими языками можно думать и об иных негерманских языках (илирийском или балтийских), где была представлена индоевропейская основа **taut-/*tout-* ‘народ’ (ср. илирийское *teutana* ‘царица’; возможно, имя собственное). Последняя была заимствована в готский в составе имен собственных, получила оформление в виде **tōt-* и стала этимологическим дублетом о/г **reudō/riudō* ‘народ’ < и.-е. **teutā* ‘народ’. В таком случае варианты **tōt-/*dōd-* объясняются восприятием негерманского глухого смычного **t** как звонкого **d** у германцев (факт, известный при оформлении заимствований из латыни).

Maza (< *Mazenis*, род.п., первая половина VI в. *Cass. Var. I, 5*).

Вестгот. **Mata*, -ane (?) (*Matan*, 1050 г.) ³¹.

Передача германского **tj* латинским **z** — распространенное явление, основанное на ассимиляции, характерной для поздней латыни. Ф. Вреде трак-

²⁸ [Wrede 1891, 120-121].

²⁹ [Wrede 1891, 136].

³⁰ У Кассиодора засвидетельствовано также имя *Vasauda* (*Cass. Var.*, V, 25; трибун Милана), являющееся кельтским и, по мнению Т. Моммзена и других исследователей, принадлежащее не готу [Wrede 1891, 125].

³¹ [Piel, Kremer 1976, 201].

тует имя как *poimen agentis* (м.р.-ја) ‘едок, обжора’³². Однако ввиду особого положения основы **mat-* в древнегерманском ономастиконе можно также предполагать заимствование из кельтского (<**mat(h)u-* ‘хороший’ или **math-* ‘чары, колдовство’) с последующим оформлением по германскому образцу.

Tata (Первая половина VI в. *Cass. Var. V, 23*).

Вестгот. *Tat-, Dad-*³³.

Имя засвидетельствовано в форме *Tatanem* (вин.п.). Этимология неясна, и Ф. Вреде считает единственной приемлемой этимологией возведение к «международной форме детского языка» («*internationale kondliche Lallform*»). Однако с учетом таких имен, как *Duda, Totila*, возможно соотношение с кельтским.

Totila (< *Ṯotíla*, первая половина VI в., Прокопий Кесарийский).

Тотила — племянник Ильдибада, вождь или король готы в 541–552 г., погибший в битве при Буста Галлорум. Ср. вестгот. *Tota* (ж. р., 759) и другие формы того же имени³⁴.

У Тотилы было и другое имя — *Badwila* (< о/г **badwō* ‘битва’ + *-il-*), которое, в отличие от первого, представлено на всех его монетах. Рассматриваемое имя засвидетельствовано в формах *Ṯotíla*, *Totila*, *Tutela*, *Tutela*. Я. Гримм привлекал для сравнения двн. *Zuozilo* ‘носатый’, что примечательно, поскольку *Totila* явно выступает как прозвище при основном имени *Badwila*. Ф. Вреде привел также этимологию Штарка — ди. *tútna* ‘выдаваться, быть заметным’, да. *tōtīan* ‘славиться’, *ge-tōt* ‘пышность’ [Wrede 1891, 135]. Однако Ф. Вреде в итоге счел основу **tōt-* и саму форму *Totila* кельтским заимствованием — ср. *Toutela*, *Toutillus*, *Toutus*, *Toutobocio* < **touta-* ‘народ’ [Wrede 1891, 136]. И действительно, в готском ономастиконе существует определенный круг неэтимологизируемых производных от основ **dōd-*/**tōt-* (возможно, сюда же относятся и основы **dad-*/**tat-*).

Другие одночленные имена неясной этимологии могут быть связаны с Малой Азией, Причерноморьем, Фракией — то есть, говоря в целом, с негерманским этимологическим фоном. Эти соотношения (группа 2) более гипотетичны, нежели кельтские, но считать их «балластом» в готском ономастиконе нельзя.

³² [Wrede 1891, 108].

³³ [Piel, Kremer 1976, 259].

³⁴ [Piel, Kremer 1976, 266].

Cillica (начало VI в., латинские надписи).

Киллика — второе имя Эвтариха, зятя Теодориха Великого, засвидетельствованное в целом ряде форм — *Cilliga*, *Cellica*, *Gallica*, *Filica* (надписи), *Cillica* (исторические сочинения), *Cilliga* (*Anon. Val.* и др.). По справедливому заключению Ф. Вреде, подобная вариативность указывает на то, что это имя было непонятно уже в эпоху самого носителя, вошедшего в историю под другим именем — *Eutharicus*. Выделяя имя *Filica* как самостоятельный и, быть может, исходный вариант (< гот. *filu- ‘много’), Вреде не оставляет без интерпретации и распространенную форму *Cillica*, привлекая для сравнения лат. *Cilix*, -icis ‘киликиец’, греч. Κίλιξ, -κος, гот. *Kileikia* (в переводе Св. Писания). Таким образом, имя *Cillica* могло быть прозвищем Эвтариха, указывающим на его происхождение. Однако исследователь оговаривается, что эта интерпретация гипотетична. Равным образом, имя *Gallica* могло быть указанием на некие галльские корни Эвтариха³⁵. Но поскольку мы не знаем, откуда в точности происходил Эвтарих (для Кассиодора и Иордана он прежде всего — Амал), и корректная форма рассматриваемого имени неизвестна, придти к единому заключению здесь невозможно.

Vaza (VI в., *Get.* 266).

Вождь Гунтигис — член династии Амалов по отцу, племянник аланского вождя Кандака по матери — имел второе имя или прозвище *Vaza*: «*qui et Vaza dicebatur*», «который зовется и *База*».

Исследователи пытались возвести это имя к о/г *badwō- ‘битва’, предполагая различные фонетические изменения в позднем остготском³⁶, однако такая реконструкция проблематична. С учетом аланских корней Гунтигиса логично предполагать негерманский характер имени (прозвища). В таком случае О. Хёфлер прав, когда он сопоставляет имена *Vaza* и *Patza* (см. ниже ***Patza***), но дело здесь не в новом «передвижении согласных», а в специфическом звуковом облике, который передавался в готском разными средствами. Вероятно, аналогичным образом дело обстоит с именами *Duda*/*Totila*/*Tata* (кельтские заимствования).

Patza (< *Patzenis*, первая половина VI в. *Cass. Var. V*, 32-33.). Имя готского солдата.

Ф. Вреде предполагает готское *pahtja — имя деятеля, производное от раннего заимствования лат. *ractus*, *ractum* ‘договор’: ср. свн. *pfahte* (с прове-

³⁵ [Wrede 1891, 67-68].

³⁶ [Höfler 1956, 305].

денным вторым передвижением согласных) при более позднем *raht*³⁷. Если перед нами исконный ***p**-, то имя является заимствованием, поскольку начальный ***p**- в общегерманском весьма редок и, как правило, указывает на заимствованный характер слова (ср. ниже *Pitza*). О. Хёфлер сопоставляет *Patzia* с именем *Vaza* (см. выше), постулируя здесь процесс, аналогичный второму (верхненемецкому) передвижению согласных³⁸, но и в этом случае есть основания думать о заимствовании (см. *Vaza*).

Pitza (первая половина VI в. Кассиодор, Иордан). Имя готского комита, в 504 г. разбившего гепидов.

Имя засвидетельствовано в формах *Pitza* [*Get.* 300], *Petza* [*Get.* 301], *Pitzia* (Кассиодор). Ф. Вреде считает имя заимствованием и возводит его к греч. Πυθίας или Πυθίας, ассимилированному в готском языке. М. Шёнфельд также считает имя негерманским³⁹. О. Хёфлер сопоставляет его с итальянским **Bizzo*, реконструируемым по заимствованиям из готского⁴⁰, но соотношение может быть обратным — исходный ***p**- > **b**-. Следует отметить своеобразный параллелизм форм **Patja* (**Batja*) — **Pitja* (**Bitja*).

К сожалению, мы не можем проследить точные этимологические соотношения рассмотренных имен этой группы. Однако следует учитывать, что в житиях готских мучеников IV в. в составе греческого месяцеслова лишь некоторые из имен являются германскими, тогда как основной ономастический материал происходит из других языков (латинский, греческий, малоазийский, дако-фракийский, семитские)⁴¹. Таким образом, сама идея о малоазийском компоненте готского ономастикона основана на реальных данных.

Одночленное имя *Morra* (< Моррас, 538 г. Прокопий Кесарийский, имя вождя 2000 готов в Урбино) Ф. Вреде сопоставляет с лат. *maugus* 'мавр' (**au** > нар.-лат. **o**) и этимологизирует как производное от этнонима мавров⁴². Ср. упоминания «маврусиев» и описание их взаимодействия с готами у Амми-

³⁷ [Wrede 1891, 127–128].

³⁸ [Höfler 1956, 305].

³⁹ [Wrede 1891, 72, Schönfeld 1911, 180].

⁴⁰ [Höfler 1956, 305].

⁴¹ [Reichert 1989]

⁴² [Wrede 1891, 104–105].

ана Марцеллина. Й. Пиль и Д. Кремер выдвигают ту же этимологию для вестгот. *Maurila*, *Murila* — очевидно, из **Mōr-il-a*⁴³.

Некоторые из «темных» одночленных имен вполне могут иметь германскую этимологию (группа 3).

Grip(p)a (< *Grīþlas*, 535 г. Прокопий Кесарийский). Имя предводителя готских набегов на Далмацию.

По Ф. Вреде — остгот. **Grīp*(p)a, гипокористика с экспрессивной геминатой⁴⁴. Однако ввиду отсутствия германских двучленных имен собственных с компонентом **grīp*-/*grīp*- можно интерпретировать это имя как прозвище, восходящее к **grīpan*(an) 'хватать' и, соответственно, означающее 'захватчик'. Ближайшая аналогия имени — да. *grīre* 'коршун, гриф' (по внутренней форме — 'Хватайка').

Ibba (508 г. Кассиодор Сенатор, Иордан [*Get.* 302] и др.).

Комит Теодориха; под командованием Иббы (готское войско, часть которого составляли гепиды) в 508 г. перешло через Приморские Альпы и одержало победу над союзом франков и бургундов. Вестгот. *Iban* (1098), *Ebani* (XI в.)⁴⁵.

Имя засвидетельствовано также в формах *Ebba*, *Hebba*, *Helba*. Некоторые исследователи считали его негерманским. Ф. Вреде предположительно соотнес имя с да., днв. *ebba* 'отлив' — ср. гот. *ibuks** (прил.-а) 'отступивший назад', днв. *irpihōn* 'скатывать'⁴⁶, что следует возводить к о/г **ē*/*ī* *b̄*(j)- 'отходить, отступать назад'. Возможно, эта основа входит в одно этимологическое гнездо с о/г **ē*/*ī* *b̄n*- 'равный' — ср. гот. *ibns*, ди. *jafn*, да. *ifn*, дс. *eþan*, днв. *eban* 'равный', однако В. Леман не сопоставляет гот. *ibns* и *ibuks**, считая, что о/г **ē*/*ī* *b̄naz* не имеет удовлетворительной индоевропейской этимологии, тогда как *ibuks** возводится к и.-е. **epi*-/*ori*- 'при, после'⁴⁷. Между тем общегерманские основы **ē*/*ī* *b̄*(j)- и **ē*/*ī* *b̄n*- обнаруживают вариативность суффиксов, аналогичную суффиксам 1 и 4 класса слабых глаголов;

⁴³ [Piel, Kremer 1976, 202].

⁴⁴ [Wrede 1891, 92].

⁴⁵ [Piel, Kremer 1976, 179].

⁴⁶ [Wrede 1891, 81].

⁴⁷ С проведением закона Вернера. Параллели приводятся по: [Lehmann 1986, 202].

соответственно, *-j- (восстанавливаемый ввиду западногерманской геминации) и *-n- можно интерпретировать как показатели активности и непрерывности при одной основе.

Если данная этимология верна, то семантика имени — ‘отлив, отступление’ — также требует объяснения. Очевидно, в таком случае перед нами «запретительное» имя, призванное останавливать враждебные силы или, как это нередко встречается у разных народов, прекратить дальнейшее рождение детей (ср. азербайджанское женское имя *Бесту* — буквально ‘хватит, довольно’).

Есть и еще одна возможность истолкования. У Иордана упоминается *Hinnerith*, сын вестготского короля Теодорида [*Get.* 190]. М. Шёнфельд предположительно возводит первый компонент этого имени к гот. *iḅna- ‘равный’⁴⁸. Учитывая это, можно интерпретировать *Ibba* как гипокористику от двучленного имени с первым компонентом *iḅna- и экспрессивной геминацией. И даже если *himne-* в имени вестготского королевича происходит от гот. *himina- ‘небо’, это не отменяет интерпретации имени *Ibba* как гипокористики от о/г *^ε/₁ ḅna- + N (ср. ди. теоним *Jafn-hár* ‘равно-высокий’).

Одним из наиболее непроницаемых имен (или, напротив, допускающих множество соотнесений) является довольно популярное у готов имя *Igila* (551 г. Грамота из Неаполя (pap. Marini 119, P. Tjäder 34, латинская часть). Лицо, поименованное в начале грамоты как *Danihel*, в конце упомянуто как *Igila*. Вестгот. *Hiccila* (633 г.), *Igila* (844 г.)⁴⁹.

Ф. Вреде считает этимологию неясной, но предполагает здесь прозвище, имеющее параллели в виде ди. *igull*, да. *igl*, ил, двн. *igil* ‘еж’, причем соответствующий готский апеллатив реконструируется как **igils*⁵⁰. Это решение представляется экономным, однако Й. Пиль и Д. Кремер считают этимологию по-прежнему невыясненной, поскольку в ономастиконе вестготов Испании эта основа выступает как первый компонент двучленных имен собственных — ср. *Ig-ulfo* (1032 г.)⁵¹ (тогда к остгот. *Achiulf?*). Если исходной формой действительно является о/г **agi-* ‘ужас’, то следует предполагать маргинальный i-умлаут: **agi-* > **egi-* (ср. ди. *Egill*) с последующим сужени-

⁴⁸ [Schönfeld 1911, 138].

⁴⁹ [Piel, Kremer 1976, 179-180].

⁵⁰ [Wrede 1891, 144].

⁵¹ [Piel, Kremer 1976, 179].

ем. Это фонетически маловероятно, тем более для остготского. В любом случае, приходится считаться с тем, что *Igila* является вторичной гипокористикой с суффиксом *-il-*. Специфическое оформление основы в вестготском ономастиконе — *ig-/ik-/iz-/iqu(il)-* — заставляет задуматься и о природе корневого согласного. Потому здесь предлагается также гипотетическое возведение к общегерманскому **ing^w*- ‘Ингве’ (с утратой внутренней формы и распадом группы **ng^w*). Ср. в связи с этим *enguz* в Алкуиновой рукописи (где, однако, сохраняется группа **ng**).

В связи с рассматриваемым именем следует также обратить внимание на этноним «игилионы» (греч. Ἰγυλλίωνες) — часть племени бастарнов, размещавшаяся в верховьях Днестра [*Ptolem.* III, 5, 9]⁵². Изначальное этническое определение бастарнов спорно (сармато-фракийцы? кельтизированные иллирийцы?), но древние авторы начиная с I в. н. э. причисляли бастарнов к германским племенам (ср. известную классификацию германских племен по Плинию). Бастарны размещались по течению р. Прут вплоть до дельты Дуная⁵³.

Неясной этимологией отличается ряд имен готских вождей. Обычно это военачальники, не принадлежащие к какому-либо из готских царственных родов. Имя Тотилы уже обсуждалось выше. Рассмотрим другие примеры.

Gaina (399–400 гг.). Вестгот, зачинщик мятежа в Константинополе.

Этимология имени считается неясной, но его следует сопоставить с ди. *Gagnráðr* ‘имя Одина’, дивн. *Gegin-rad* < о/г **gagina-* ‘преимущество’ + **rēðaz* ‘совет’. В отношении фонетического облика имени следует пояснить, что готский спирант **g**, выступающий в интервокальной позиции, не получал специального отражения в латинской передаче готских имен, и группа **-agi-* отражалась как *ai*.

T(h)ēja/T(h)ela/T(h)ila. (552 г., Прокопий Кесарийский и др.).

Тейя — последний готский вождь или король, павший в битве у подножия Везувия; изначально — готский комит, начальник гарнизона Вероны. Имя *Thela* носил сын скира Одоакра, умерший в 493 г. Очевидно, то же имя встречается в начальный период правления Теодориха в форме *Zeia* («*Epistolae romanorum pontificum*»). Ср. вестгот. *Tegjo* (м. р.?; 985 г.), *Tegila* (по прозвищу *Patrebono*; 1083 г.), *Tellus*, *Tello*⁵⁴.

⁵² См. словарь германских этнонимов в изд.: [Буданова 1990, 176].

⁵³ Ср.: [Буданова 1990, 163].

⁵⁴ [Piel, Kremer 1976, 259–260].

Имя засвидетельствовано на монетах как *Theia*, *Thela*, *Thila*, у Прокония — в форме *Τεῖας* [*Bell. Goth.* VIII (IV), 26, § 21] (то же у Агафия и Евагрия), у латинских историков — в формах *Teia*, *Theia*. Написание *Zeia* обусловлено позднелатинской традицией передачи ***tj** посредством **tz/z**.

Ф. Вреде восстанавливал начальный остготский ***t**- и считал *Teia* и *Tila*/*Tela* не вариантами, но разными именами одного лица. Исследователь интерпретировал *Teja* как остготское **Tajgja* ‘владелец полоски земли’ или ‘пьяница’, привлекая для сравнения ди. *teigr* ‘полоса земли’ или *teigja* ‘делать большой глоток’. Семантическая сторона этой реконструкции довольно уязвима при том, что этимологические соответствия указанных древнеисландских слов не засвидетельствованы в готском. Имя *Tila*, по Вреде, представляет собой гипокористику от двучленного имени собственного с первым компонентом **tila*- ‘цель’ — ср. надпись на копье из Ковеля *Tilarids*⁵⁵. Эта версия более убедительна, и потому имя *Tela*/*Tila* выше вынесено в отдельную статью (с известной долей условности). Однако форма *Teja* остается необъясненной; Э. Фёрстеман, Т. фон Гринбергер и другие исследователи до и после работы Вреде предпочитали реконструкцию **tewja* ‘тот, кто упорядочивает’⁵⁶.

Н. Вагнер, учтя давнюю идею Х. Кауфмана о контракции исходного **Theud-el-*, предложил новое истолкование форм *Theja*/*Thela*/*Thila* как гипокористик от имени с начальным **reuda-/riuda-* ‘народ’ — ср. уменьшительные имена от свн. *Dietrich: Diehl, Dill, Till, Tilo*⁵⁷. Возникающий в данном случае исторический параллелизм имен Теодориха и Тейи (Телы) — первого и последнего короля остготской Италии — весьма привлекателен, однако сама версия не поддается верификации. Более того, она встречает серьезное препятствие: в остготской Италии того же времени (551 г.) засвидетельствовано имя *Theudila*, которое является гипокористикой от имени с начальным **reuda-/riuda-* ‘народ’, но не претерпевает никакой синкопы. Между тем это имя рядового участника торговой сделки, а не короля остготов. Потому представляется, что формальное упрощение и десемантизация гипокористик от двучленных имен собственных актуальна для более поздней эпохи бытования германских языков.

⁵⁵ [Wrede 1891, 149–150].

⁵⁶ [Förstemann 1900, Sp. 1394, Grienberger 1913, 49].

⁵⁷ [Wagner 1993, 131].

Судя по строению, T(h)eja и T(h)ela являются формами одного и того же имени: ср. T(h)e-ja как первичную гипокористику (*nomen agentis*) и T(h)e-ila как вторичную, с уменьшительным суффиксом, причем форма T(h)ila происходит из T(h)e-ila (синкопа гласного). Вопрос о начальном *t-* или *th-* остается открытым, но примечательно, что у Прокопия имя передано как Τεῖας. Греческий язык располагал средствами для отображения готского глухого спиранта — ср., например, Θευδέγισκλος — Theudegisl. Учитывая эти соображения, следует предпочесть форму с начальным **t-*. Возможности этимологических соотнесений: 1) ранее предложенные исследователями **tajgja* ‘владелец полосы земли’ / ‘пьяница’ (?) или **tewja* ‘тот, кто упорядочивает’; 2) возведение к гот. *ga-teihan* ‘показывать, свидетельствовать’ (выдвигается здесь впервые). Ди. *tja* ‘показывать, сообщать’ — глагол, представляющий ближайшую этимологическую параллель гот. *ga-teihan*, но перешедший в слабые — имел старое причастие 2 *tiginn*, которое стало функционировать как прилагательное со значением ‘благородный’⁵⁸. Готская основа претерита множественного числа **taihun* ‘показывали, свидетельствовали’ или причастия 2 **taihans* [tēhans] ‘показанный, выдающийся’ могла быть производящей для отглагольного существительного **tēhja* > **teja*. А чтобы не было противоречия между активной семантикой *ja*-основного существительного и пассивным причастием 2, приходится реконструировать слабый глагол первого класса **taihjan* [tēhjan] с подчеркнутой каузативностью значения ‘показывать, свидетельствовать’. Такова гипотеза, основанная на осмыслении начального **te-* в рассматриваемом имени.

Если же, вопреки Прокопию, мы имеем здесь дело с начальным **th-*, то необходимо учитывать гот. *reihan* (сгл.1) к греч. *προκάττειν* ‘процветать, преуспевать’ [2 *Тим.* 3, 9], *συνβιβάζεσθαι* ‘собираться вместе, содействовать’ [*Кол.* 2, 19]. В готском засвидетельствован не только этот глагол, но и его претерит *raih* [*Лк.* 2, 52], а также производные глаголы *ga-reihan* к греч. *ἀναθάλλειν* ‘преуспевать, продвигаться’ [*Фил.* 4, 10; *Sk.* 4, 10], *ufar-reihan* ‘возрастать, преуспевать’ [*Sk.* 3, 21-22], *reihis* ‘случай, время’ (ср. *p-a*; < *o* / *ɔ* **ringan* ‘сходка, тинг’) к греч. *χρόνος* ‘время’ [*Рим.* 13, 11]. Гот. *reihan* имеет параллели в виде да. *reōn*, дфриз. *thigja*, дс. *thihan*, двн. *digan* ‘процветать, преуспевать’, дс. *gi-thungan* (причастие 2 > прилагательное) ‘превосходный’,

⁵⁸ Ср.: [Lehmann 1986, 359–360].

да. *þingan* ‘заключать договор, определять’, дс. *thingia*, двн. *dingan* ‘судить’, а гот. *þeihs*, как было сказано выше, восходит к общегерманскому обозначению народного собрания, сходки, тинга — ср. ди., да. *þing*, дфриз., дс., двн. *thing* ‘сходка, тинг’⁵⁹. Все этим параллели восходят к и.-е. **tenk-* ‘тянуть, стягивать, собирать’ и имеют разное оформление в германском согласно проведению или элиминации закона Вернера.

Имя — *nomen agentis* со значением ‘процветающий, преуспевающий’ или, если учитывать активную семантику, ‘собирающий’, ‘ведущий к успеху’ — соответствует семантическим реалиям германского ономастикона. Важно отметить и такие производные, как ди. *þengill*, да. *þengel* ‘принц, король’. Если учитывать, что у гот. *þeihan* основа претерита множественного числа и причастия 2 оформлялась как *þaih-* [θǣh-], то можно видеть, что готское **þēhila* составляет формальную аналогию *þengill*, да. *þengel* ‘принц, король’.

К сожалению, выделить какую-либо этимологию в качестве основной не представляется возможным. Из двух новых истолкований по семантическим соображениям предпочтительнее возведение к о/г **þih-*/**þing-* ‘процветать, преуспевать, собираться вместе’, но начальный **th-* подтверждается только легендами на монетах.

**Wraja* (< *Oûraias*, *Orajo*, 538–540 гг. Прокопий Кесарийский и др.).

Урайя — племянник Витигиса, готский герой, поплатившийся жизнью в результате спора знатных женщин (жены короля Ильдибада и жены Урайи), аналогичного «спору королев» в нибелунговской традиции.

Имя засвидетельствовано в формах *Oûraias* (Прокопий), *Orajo* (Марцеллин Комит, продолжатели). Этимология Ф. Вреде **Oragja*⁶⁰ может считаться устаревший; гораздо убедительнее возведение к о/г **wragja* ‘изгнанник’, ‘герой’ [Schönfeld 1911, 271]. Примечательно, что это имя могло быть прозвищем — ср. *gecke* как эпитет Зигфрида, одним из исторических прототипов которого был Урайя.

Рассмотренные выше одночленные имена остготов и вестготов являются отражением многообразных условий и культурных взаимодействий эпохи Великого переселения народов. В заключение рассмотрим вестготское

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ [Wrede 1891, 105].

одночленное имя, примечательное в контексте возможных культурных параллелей.

Braulio Епископ Сарагосский (середина VII в.), автор «Жития св. Милана» и эпистолярного сборника⁶¹.

Это интересное имя не отмечено у Й. Пиля и Д. Кремера. Между тем его можно соотнести с именем *Бравлинъ*, принадлежавшим знаменитому князю из «Жития св. Стефана Сурожского». Бравлин — «князь силен zelo», в первой четверти IX в. разграбивший крымские берега от Херсона до Боспора и взявший Сугдею (Сурож; совр. Судак). Был разбит параличом за святотатство — попытку разграбления гробницы св. Стефана Сурожского. О. Н. Трубачев привлек в качестве параллели др.-инд. *pravīna* 'раздавленный, поверженный, свалившийся' и реконструировал индоарийское **pravīna-* с тем же значением, интерпретируя имя как прозвище, данное князю местным населением после достопамятного случая⁶². Этимология О. Н. Трубачева по-прежнему представляется мне безупречной в формальном и семантическом плане, но обойти вниманием очевидное сходство имен *Бравлинъ* и *Braulio* я всё же не могу.

Известно имя готского комита *Bracila/Brachila* или *Bravila* [Get. 243], возводимое у М. Шёнфельда к о/г **brahw-* 'ресница; мигание; быстрый взгляд' — ср. гот. *brah* 'мигание, мгновение' (только в сочетании in *brahva augins* к греч. ἐν ῥίπτῃ ὀφθαλμοῦ 'во мгновение ока' — 1 Кор. 15, 52), свн. *brehen* 'блестеть'⁶³. При этом расхождение *ch/v* может быть вызвано нетипичностью лабиовелярного [h^w] для латыни. Но если даже имя комита восходит к о/г **brak-* 'биться, сражаться' (ср. гот. *brakja* (ж.р.-о) к греч. *πάλη* 'битва, брань (война)' — Еф. 6, 12)⁶⁴, то имя *Braulio*, коррелирующее с вариантом *Bravila*, должно сопоставляться именно с готским *brah* 'ресница; мигание; быстрый взгляд' (+ уменьшительный суффикс -il-).

Согласно житию, Бравлин пришел с русской ратью из «Новограда» (вариант: из русского Новограда). Гипотеза о «ранних варягах» (пришельцах со стороны Новгорода Великого) и сопоставление со шведским топонимом *Bravalla*, предложенное Г. В. Вернадским, вполне оправданно отвергнута

⁶¹ См.: [Клауде 2002, 154, Альтамира-и-Кревеа 2003, 100].

⁶² [Трубачев 1999, 88–90].

⁶³ [Schönfeld 1911, 53, Lehmann 1986, 78–79].

⁶⁴ [Schönfeld 1911, 53].

О. Н. Трубачевым⁶⁵. Интерпретация «Новаграда» как *Неаполя Скифского* весьма убедительна, но потомки каких народов могли там находиться в начале IX в.? После обширной германской (готской) экспансии этнический ландшафт Северного Причерноморья должен был измениться, и князь из «*Новаграда роуссаго*» вполне мог носить германское имя или даже происходить из крымских готв (чьи контакты с соседними племенами — в частности, антами — ныне убедительно прослеживаются археологами)⁶⁶.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1997.

Предания и мифы средневековой Ирландии. / Под ред. Г. К. Косикова. Сост., пер., вступ. ст. и комм. С. В. Шкунаева. М., 1991.

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.

Boethius. Philosophiae consolatio./ Trost der Philosophie. Zweisprachige Ausgabe. Mit einem Vorwort von E. L. Grasmück. Berlin, 1997.

Cassiodori Senatoris Variarum. / Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum t. XII. Berolini MDCCCXCIV [1894].

Научная литература, словари

Альтамира-и-Кревеа Р. История средневековой Испании. / Пер. с исп. Е. А. Вацковской, О. М. Гармсен. СПб., 2003.

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

Ганина Н. А. Имя и традиция рода: к этимологии гот. *Amal-. (Статья). // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 1999, № 6. [= Ганина 1999a].

Ганина Н. А. Germania gotiana: Дуода, графиня Септиманская. // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 4. М., 1999. [= Ганина 1999b].

⁶⁵ [Трубачев 1999, 88-89].

⁶⁶ Ср.: [Эпоха Меровингов: Европа без границ 2007, 14–15], где констатируется влияние крымско-готских древностей (фибул) на антские.

Ганина Н. А. Готские языковые реликты. Дис. ... Д. ф. н. М., 2008.

Клауде Д. История вестготов. / Пер. с нем. С. В. Иванова. СПб., 2003.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. М., 1999.

Эпоха Меровингов: Европа без границ. СПб., 2007.

Gamillscheg E. Romania germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreichs. Bd III. Berlin, 1936.

Höfler O. Die hochdeutsche Lautverschiebung und ihre Gegenstücke bei Goten, Wandalen und Burgundern // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1956. Bd 93. S. 294–318.

Lehmann W, p. The Proto-Germanic words inherited from Proto-Indo-European which reflect the social and economic status of the speakers // Zeitschrift für Mundartforschung. 1968. Bd 35. S. 1–25.

Lehmann W, p. A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3d ed. of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist. Leiden, 1986.

Piel J. M., Kremer D. Hispano-gotisches Namenbuch. Heidelberg, 1976.

Reichert H. Die Bildungsweise der frühen germanischen Personennamen // Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder (Philologica Germanica 6). Wien, 1984. S. 355–367.

Reichert H. Die Bewertung namenkundlicher Zeugnisse für die Verwendung der gotischen Sprache. Methodendiskussion an Hande der Namen der Märtyrer aus der Gothia des 4. Jahrhunderts // Germanische Rest- und Trümmersprachen / Hrsg. von H. Beck. Berlin-New York, 1989. S. 119–141.

Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Nach der Überlieferung des klassischen Altertums bearbeitet. Heidelberg, 1911.

Vries, Jan de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.

Wagner N. Namen von Germanen bei Fulgentius von Ruspe. *Abragila* — *Eterpamara* –, *Pinta*, *Scarila* // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. 1982. Bd 17. S. 361–368.

Wrede F. Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, 1891 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker LXVIII).

ОТ РАБА К РАБОТНИКУ: ИСТОРИЯ СЛОВА *MANCIPIUM* И ИМЕНИ *MANCIPI* В СРЕДНИЕ ВЕКА*

В историографии давно стало общим местом признание того факта, что статус зависимого крестьянина средневековья принципиально отличен от статуса римского раба, несмотря на то, что и того, и другого в Западной Европе, как правило, называли одним и тем же латинским термином — *servus*. Стремясь подчеркнуть это отличие, историки избегают называть средневековых *servi* рабами, резервируя за ними особый термин «сервы». При изучении трансформации античного общества в средневековое процесс превращения античных *servi* в средневековых сервов вполне оправдано рассматривается как основополагающий. Возражение, однако, вызывает ставшее незаметно привычным сведение этой трансформации к возникновению серважа.

Сегодня уже очевидно, что даже в самых романизированных областях Римской империи, где было действительно широко распространены рабство и рабовладельческие хозяйства, на протяжении всего античного периода сохранялось свободное крестьянство полисного типа или же (если речь идет о Галлии, Испании, некоторых других провинциях) свободное сельское население, объединенное в более архаические общины. Ясно и то, что это сельское население послужило не менее важным социальным материалом для возникновения зависимого крестьянства средневековья, чем римские рабы или обосновавшиеся на римской земле варвары. С другой стороны, не подлежит сомнению, что и в средние века в ряде европейских стран продолжало существовать — конечно, в модифицированном виде — рабство, а иногда и связанный с ним хозяйственный уклад¹. В Средиземноморье он сохранял-

* Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 08-01-00523а.

¹ Классической работой по данной проблематике остается: Verlinden Ch. *L'esclavage dans l'Europe médiévale*. T. 1. Brugge, 1955. Из более поздних работ отмечу: Gioffrè D. *Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV*. Genova, 1971; Heers J. *Esclaves et domestiques au Moyen Age dans le monde méditerranéen*.

ся на протяжении всего средневековья; в отдельных местах, например на Мальте, он не был изжит вплоть до начала XIX в.

В данной статье я хотел бы отвлечься от «крестьянского» варианта социального развития, а «рабский» рассмотреть с точки зрения прямой трансформации античного раба в наемного работника эпохи феодализма — формально свободного, но еще долго несущего на себе печать рабского происхождения. Возможности для изучения этого варианта социальной эволюции ограничены, и не только в силу гораздо меньшей численности в средние века наемных работников, по сравнению с зависимыми крестьянами, но и в силу особенностей источников этого времени, лишь очень редко уделяющих внимание людям данного статуса. В самом деле, поскольку они не были землевладельцами, искать их следы в документах, фиксирующих передачу земли, почти бесполезно. Поскольку их социальное положение было достаточно низким, их не стремились привлекать в качестве свидетелей сделок. Поскольку они были лично свободными, сведения о них не найти и в грамотах отпуски на волю рабов... С другой стороны, для средневековых писателей эти люди не представляли интереса, разве что в исключительных случаях, поэтому хроники, жития, проповеди и наставления этой эпохи, как правило, также обходят их молчанием. Можно надеяться лишь на изолированные случайные свидетельства, и именно на них и построено данное исследование.

Материалом мне послужила история южных областей Франции, а также Каталонии, хорошо обеспеченных источниками, в первую очередь грамотами, из которых старые латинские термины, обозначающие рабов (прежде всего, *servus* и *mancipium*), на протяжении XI в. таинственным образом исчезают. С этого времени источники именуют местных жителей, безотносительно их общественного положения, просто *homines* — «людьми».

Paris, 1981; Philips W. D. Slavery from Roman Times to the Early Transatlantic Trade. Minneapolis, 1985; Serfdom and Slavery: Studies in Legal Bondage / Ed. M. L. Bush. London; New York, 1996; De l'esclavitud a la llibertat, els esclaus et lliberts a l'Edat Mitjana / Ed. M.-Th. Ferrer i Mallols J. Mutge. Barcelona, 2000; Wettinger G. Slavery in the Islands of Malta and Gozo ca. 1000–1812. Malta, 2002; Hernando J. Els esclaus islàmics a Barcelona: blancs, negres, llors i turcs: de l'esclavitud a la llibertat (s. XIV). Barcelona, 2003; Mas i Forner A. Esclaus i Catalans: esclavitud i segregació a Mallorca durant els segles XIV i XV. Palma de Mallorca, 2005.

Этот факт издавна трактовался как свидетельство раннего исчезновения в регионе несвободного состояния, как рабства, так и серважа. Однако некоторые исследователи, не отрицая глубины произошедших в это время изменений, стали делать акцент на данных, противоречащих этой гипотезе, в частности на не столь уж редких в источниках случаях дарения и продажи людей, не именуемых сервами, или на актах их освобождения, в которых опять-таки не упоминаются стандартные латинские термины, обозначающие рабство, а также на причудливых явлениях вроде сервильного оммажа, зафиксированного как раз в изучаемом регионе². В последние годы этим вопросом успешно занимается М. Мунье, показавшая, что в Лангедоке XI–XIII вв. использовался целый набор лексических средств, позволявший писцам выразить мысль о зависимости крестьян без употребления слов *servus* и *mancipium*³. Эти исследования касаются по большей части истории крестьянства, от которой я в данной статье по возможности отвлекаюсь. Но они помогли переосмыслить само понятие несвободы в средние века; как становится все более ясным, из юридического понятия она превратилась в понятие социальное⁴. Они также привлекли внимание к тому факту, что

² Ourliac P. L'hommage servile dans la région toulousain // *Mélanges L. Halphen*. Paris, 1951. P. 551–556; Magnou-Nortier E. Oblature, classe chevaleresque et servage dans les maisons du Temple au XII siècle // *Annales du Midi*, 1961. T. 73. P. 377–379; Gouron M., Gouron A. Hommage et servage d'ourine: le cas des serfs d'Agde // *Mélanges P. Tisset*. Montpellier, 1970. P. 267–281; Ourliac P. Le servage à Toulouse aux XII et XIII siècles // *Mélanges E. Perroy*. Paris, 1973. P. 249–261; Gouron M., Gouron A. Un affranchissement de serfs à Laurens // *Hommage à A. Dupont*. Montpellier, 1974. P. 157–166; Gouron A. Liberté, servage et glossateurs // *Recueil de mémoires et travaux publié par la Société d'histoire du droit et des institutions des anciens pays de droit écrit*, 1980. Fasc. XI. P. 41–51; Cabanis A., Anex-Cabanis D. Serfs commingeois // *Mélanges R. Aubenas*. Montpellier, 1974. P. 107–122.

³ Mousnier M. *Dono unum hominem meum*: désignations de la dépendance du XI au XIII siècle en Languedoc occidental // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Âge*, 1999. T. 111. P. 51–60; eadem. Jeux de mains, jeux de vilains. Hommage et fidélité serviles dans le Languedoc médiéval (XII–XIII siècles) // *Histoire et Sociétés Rurales*, 2000. № 14. P. 11–54.

⁴ Bonnassie P. Survie et extinction du régime esclavagiste dans l'Occident du haut moyen âge (IV–XI s.) // *Cahiers de civilisation médiévale*, 1985. T. 28. P. 307–343; idem. Liberté et servitude // *Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval*. Paris, 1999. P. 595–609. См. также акты двух важных международных кон-

отсутствие в источниках ожидаемого термина еще не тождественно отсутствию самого социального феномена, вообще помогли понять некоторые проблемы, связанные с отображением в источниках реальных общественных процессов. Среди этих проблем едва ли не самой важной следует считать разрыв между разговорным языком изучаемой эпохи и латынью подавляющего большинства наших источников.

Уместно задаться вопросом, действительно ли в XI в. социальные различия среди простого народа перестали существовать или же нас сбивает с толку терминология латиноязычных источников? Как известно, между лексикой грамат, хроник и житий, с одной стороны, и разговорным языком — с другой, существовала немалая дистанция. Писцы не могли, конечно, игнорировать реальные отношения, которые им надлежало передать при помощи формализованной латинской лексики, но допустимо предположить, что, в угоду каким-то соображениям, они предпочли обойтись без некоторых слов, приобретших двусмысленный оттенок. Слово *servus*, обозначавшее к этому времени как раба, так и зависимого крестьянина, — несомненно, из их числа. Похоже, провансальские, лангедокские и каталонские писцы избегали употреблять это слово, искивая другие способы указать на подневольный статус человека. Не потому ли, как предположил М.Блок, что в Средиземноморской Франции термин *servus* долго обозначало раба в собственном смысле слова, причем, как правило, раба восточного происхождения⁵? Правда, такого раба здесь чаще называли *captivus* — «пленник»⁶ или попросту

ференций, изданных вместе Французской школой в Риме: *Les formes de la servitude: esclavages et servages de la fin de l'Antiquité au monde moderne. Actes de la table ronde de Nanterre, 12 et 13 décembre 1997; La servitude dans les pays de la Méditerranée occidentale chrétienne au XIIe siècle et au-delà : déclinante ou renouvelée? Actes de la table ronde de Rome, 8 et 9 octobre 1999 (Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Âge 112/2. Rome, 2000).*

⁵ Bloch M. *Les caractères originaux de l'histoire rurale française.* Oslo, 1931. P. 99.

⁶ Это значение зафиксировано уже у аквитанца Джауфре Руделя (у. ок. 1147 г.). См.: *Jaufre Rudel. Lanquan li jorn son lonc en mai, V. 12–14 // Riquer M. de. Los trovadores. Barcelona, 1975. T. I. P. 164: Tant es sos pretz verais e lis / Que lai el renc dels sarrazis / Fos eu, per lieis, chaitius clamatz.* Заметно чаще трубадуры употребляли слово *chaitiu* в переносном смысле: «грустный», «несчастный». См., например: *Bernart de Ventadorn. Can vei la lauzeta mover, V. 57–58 // Ibidem. P. 387: Qu'eu m'en vau, chaitius, no sai on* («Так как я ухожу, несчастный, не знаю куда» (благодарю П. Ю. Шамаро за эту и другие кон-

sarracenus⁷, и, насколько мы знаем, на землю их почти не сажали. Случаи использования рабов в сельском хозяйстве имели место, например в Руссильоне, но погоды не делали⁸. Однако М. Блок был, безусловно, прав в том, что широкое распространение нового домашнего рабства стимулировало поиски лексических средств, позволяющих отличить его от серважа и близких к нему форм сеньориальной зависимости. Между тем, слово *esclavus*, распространение которого в Германии и Северной Франции позволило уже в X в. разграничить понятия «раб» и «лично зависимый крестьянин»⁹, в Средиземноморье появилось только в XIII в., видимо, вследствие притока рабов с Балкан и Причерноморья¹⁰, причем нотариии его долго не жаловали, так что в обиход оно вошло лишь в XIV в., кое-где и еще позднее¹¹.

сультации о лексике трубадуров). В итальянском языке слово *captivus* дало *cattivo* — «плохой».

⁷ См., например: Usatges de Barcelona. El Codi a mitjan segle XII. Publ. J. Bastardas. Barcelona, 1991, art. 21, 116, 117.

⁸ См.: Catafau A. Esclaves musulmans et maîtres chrétiens à Perpignan et en Roussillon au Moyen Age // Perpignan. L'histoire des musulmans dans la ville. Perpignan, 2005. P. 63–83. Ср.: Heers J. Esclaves et domestiques... P. 135–144.

⁹ Verlinden Ch. L'origine de *sc̄lavus* = esclave // Archivium Latinitatis Medii Aevi, 1943. T. XVII. P. 97–128; См. также: Morris J. Slaves and serfs // The Modern Quarterly Journal, 1948. T. 3. N 3. P. 42–62.

¹⁰ Впрочем, не исключено и северофранцузское влияние, очевидное, например у Бертрана де Борна (последняя четверть XII в.) и во «Фламенке» (ок. 1234 г.). См.: Thomas A. Poésies complètes de Bertran de Born. Tolosa, 1888. P. 122: Ges de disnar no fora oi mais matis. V. 25–26. (80, 19): Ab doutz esgar que.m fetz et ab clar vis / Mi fetz amors son esclau («Нежными взглядами и светлым личиком / Любовь делает меня своим рабом»); Schwind U. Le Roman de Flamenca // Romanica Helvetica, 1976. Vol. 86, l. 18: Mais aisso.m par causa trop brava / Si Flamenca deven esclava. Отмечу также, что слово *schlavus* было знакомо уже Лиутпранду Кремонскому, писавшему во второй половине X в. (*Liutprandus Cremonensis. Relatio de legatione Constantinopolitana*, 23), но, насколько я могу судить, в Италии оно приобрело популярность намного позже.

¹¹ Помимо уже указанных работ см.: Rouffiandis L. L'esclavage de Roussillon sous les rois de Majorque et d'Aragon // Bulletin de la Société agricole, scientifique et littéraire des Pyrénées-Orientales, 1957. Vol. 72. P. 131–150; Carrieres M. L'esclavage domestique en Roussillon, Languedoc et Provence jusqu'à la fin du XVIII siècle // Information historique. 1963. T. XXV. P. 185–193, T. XXVI.

Так нельзя ли разговорить наши источники на настоящем, живом языке той эпохи? Напомню, что, хотя вкрапления отдельных слов и выражений на *vulgare* встречаются в источниках с начала IX в., первые связные тексты на провансальском, иначе окситанском наречии, датируются XI–XII вв. Речь идет не только о песнях трубадуров, но и большом числе грамот, в массе своей изданных К. Брунелем¹². Древнейшие тексты на каталонском датируются приблизительно тем же временем¹³. Обращение к ним ошеломляет: при сохранении формуляра «нормального» средневекового документа, их лексика заметно другая. Поэтому вопрос об адекватности латинских терминов, обозначающих социальный статус зависимых людей, вполне правомерен. Но есть ли на него ответ?

Источники сохранили бесспорные данные (и терминологические, и ономастические) о том, слово *servus* продолжало жить в этом регионе и в XI, и в XII вв., хотя и изменило существенно изначальный смысл. Как и некоторые другие (например, *cliens* и *famulus*), оно стало — чаще всего в форме *serviens*, иначе *servient* или *serven* — обозначать людей, находившихся в услужении у профессиональных воинов и других господ. Свидетельства об этой достаточно разнородной социальной группе разнородной (это и оруженосцы, и приказчики, и слуги) имеются, по крайней мере, с XI в.¹⁴, до этого слово *servientes* применяли лишь к монахам¹⁵.

Р. 6–12; Malausséna P.-L. *Maîtres et esclaves en Provence au Moyen Age // Mélanges R. Aubenas*. Montpellier, 1974. P. 527–544.

¹² Brunel Cl. *Les plus anciennes chartes en langue provençale*. Paris, 1926; idem. *Les plus anciennes chartes en langue provençale. Supplement*. Paris, 1955. К ним следует добавить большой массив неизданных документов из картулярия Тренкавелей, некоторые другие, более разрозненные материалы.

¹³ См., например: Pujol P. *Documents en vulgare dels segles XI, XII et XIII, provenants del Bisbat de Seu d'Urgell*. Barcelona, 1913.

¹⁴ *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Sernin de Toulouse (844–1200)*. Publ. C. Douais. Paris; Toulouse, 1887 (далее — Toulouse), 158 (ca. 980): *alberc cum sex militibus et uno serviente*; Vic Cl., Vaissette J. *Histoire générale de Languedoc*. 3-me ed. T. 1–15. Toulouse, 1872–1892 (далее — HGL), V, 164.4 (a. 1005): *vicecomes... unicuique servientibus meis*; Toulouse, 205 (ca. 1050): *Volo et mando ut Petrus, serviens meus, colligat omnes decimas et tascas... et omnia blata fideliter servet et custodiat*; 138 (a. 1031–1060): *set mei servientes, si voluerint, comparent salem tam care ut alii homines, sine clamante*; *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Victor*

Однако наиболее информативна в этом плане история латинского термина *mancipium*, в древности также обозначавшего раба, в средневековье же применявшегося к самым разным людям низкого звания и в конце концов ставшего в Западном Средиземноморье также личным именем. Нельзя сказать, чтобы этот лингвистический феномен и стоящий за ним вариант социальной эволюции совсем не осмыслен. Изредка и вскользь он упоминается в средневековой литературе¹⁶, но едва ли не чаще, столкнувшись в источниках классического средневековья с термином *mancip* (*mancebo*, *masip*, *mansip*, *massip*), историки говорят о нем с недоумением или как о ку-

de Marseille. Publ. par B. Guerard, L. Delisle, J. Marion. Paris, 1857 (далее — Marseille), 102 (a. 1065–1079): terra de Stephano Sirvent; Toulouse, 138 (a. 1080–1100): mei servientes, si voluerint, comparent salem tam care (sic) ut alii homines, sine clamante; Cartulaire de l'abbaye d'Aniane. Ed. P. Alaus, L. Cassan et E. Meynial. Montpellier, 1905 (далее — Aniane), 71 (a. 1120): convivium quinque militum et suorum equorum et unius servientis; Cartulaire du chapitre cathédral Saint-Etienne d'Agde. Ed. R. Foreville. Paris, 1995 (далее — Agde), 276 (a. 1147): laudatio... ista facta et affirmata fuit in presentia Petri de Pomariolis... et Petri servientis; Aniane, 73 (a. 1151): debet dare annuatim... alberc V militibus et I servienti; 221 (a. 1157): albergum tribus militibus et uno dienti; 206 (a. 1164): alberc cum duobus militibus et uno vernula; Le cartulaire de La Selve / Par P. Ourliac et A.-M. Magnou. Paris, 1985 (далее — La Selve), C 153 (ca. 1170): alberc affaisel el mas ab III cavalers e ab I sirvent; Agde, 354 (ca. 1150–1200): albergum ad tres cavallarios et ad I servento; Cartulaire de l'abbaye de Bonnecombe. Ed. P.-A. Verlaquet. Rodez, 1918–1925 (далее — Bonnecombe), 289 (ante a. 1208): alberc ab V cavalers et ab I sirvent; Agde, 345 (a. 1223): lego X libras melgoriense Johanni servienti meo; Liber miraculorum Sancte Fidis. Edizione critica e commento a cura di L. Robertini. Spoleto, 1994, III. 10: rusticorum atque servientium oppugnatione victus, terga vertit cum suis omnibus. См. также: Paterson L. M. The World of the Troubadours. Medieval Occitan Society. C. 1100 — C. 1300. Cambridge, 1993. P. 49–50.

¹⁵ См., например: Bernard A., Bruel A. Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny. Vol. I–VI. Paris, 1976–1903 (далее — Cluny), 227 (ca. 920): ad monachos ibidem Deo servientes; Cartulaire de l'abbaye de Conques en Rouergue. Publ. G. Desjardins. Paris, 1879 (далее — Conques), 132 (a. 966): dono ad ipsa casa Dei... vel ad ipsos servientes.

¹⁶ См.: Fossier R. Paysans d'Occident (XI–XIV siècles). Paris, 1984. P. 169: «Il faut d'ailleurs ajouter que descendants probables des prisonniers méditerranéens, ou peut-être des esclaves antiques, des hommes vivent au milieu des chrétiens, “massips” (*mancipia*) de Provence, *homines de criatione* d'Espagne: ils sont bergers, servantes, domestiques”. Ср.: Bascle de Lagrèze G. Les massipia. Bordeaux, 1851.

рьезе и никак не связывают его с латинским понятием *mancipium*¹⁷. Специальное же исследование этого вопроса, насколько мне известно, никогда не предпринималось.

В классической латыни слово *mancipium* (из *manus* + *capio*) означало особый вид имущества — то, которое домовладыка «держал в руке». Оно выросло из архаического деления вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi*. Известно, что римское право отличалось очень дробной спецификацией вещей, различавших как по способам их приобретения, так и по самим разновидностям объектов обладания¹⁸. Этот вопрос выходит за пределы избранной темы; отмечу лишь, что рабы относились к *res mancipi*, поэтому достаточно логично, что за ними со временем закрепилось слово *mancipium*, ставшее, наряду со словом *servus*, нормальным обозначением раба.

В древности термины *mancipium* и *servus* были синонимами, их чередование достаточно часто обусловлено чисто стилистическими соображениями¹⁹. Показательно, что Дигесты содержат лишь разъяснение этимологии этих терминов, но ничего не сообщают об их юридическом различии²⁰. Однако смысл их не был тождествен, прежде всего ввиду более общего значения слова *mancipium* как «имущество», которого слово *servus* было лишено.

¹⁷ См., например: Gouron A. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Paris, 1958. P. 267; Castaing-Sicard M. Les contrats dans le très ancien droit toulousain (X–XIII siècles). Toulouse, 1959. P. 571.

¹⁸ См.: Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1997. С. 342–345.

¹⁹ Например: Cicero. Paradoxa stoicorum, XXXV: Non enim ita dicunt eos esse servos, ut mancipia, quae sunt dominorum facta nexo aut aliquo iure civili, sed, si servitus sit, sicut est, oboedientia fracti animi et abiecti et arbitrio carentis suo, quis neget omnes leves, omnes cupidos, omnes denique improbos esse servos; Aulus Gellius. Noctes Atticae, II.4: In edicto aedilium curulium qua parte de mancipiis vendundis cautum est, scriptum sic fuit: “Titulus servorum singulorum scriptus sit curato ita, ut intelligi recte possit, quid morbi vitiique cuique sit, quis fugitives errove sit noxave solutus non sit”. Так было и в поздней античности. См.: Johannes Cassianus. Conlationes, VII.25: Secundum apostoli namque sententiam, a quo quis superatur, eius et servus est. Nisi quod in hoc isti desperatius aegrotant, quod cum sint eorum mancipia, nec impugnari se ab illis nec dominatum eorum ferre cognoscunt. Ср.: Augustinus Hipponensis. Sermones, 115.6.

²⁰ Digestae, I.5.4: servi ex eo appellati sunt, quod imperatores captivos vendere ac per hoc servare nec occidere solent: mancipia vero dicta, quod ab hostibus manu capiantur.

Это значение понимал еще Цезарий Арелатский (1-я пол. VI в.)²¹, но вскоре оно было забыто, так что в средние века слово *mancipium* характеризовало именно зависимых людей. Уместно также напомнить, что в классической латыни *mancipium*, в отличие от *servus*, слово среднего рода и в этом качестве использовалось даже как пример в сочинениях по грамматике²². Поэтому формула освобождения раба никак не могла содержать слово *mancipium*. По той же причине, когда в литературном или хронографическом тексте классической или поздней античности приводится имя раба, оно, насколько я могу судить, сопутствует терминам *servus*, *ancilla*, *famulus*, *puer*, но не термину *mancipium*. Напротив, при суммарном описании имущества, когда не было необходимости конкретизировать, какие именно рабы имелись в том или ином доме, как нельзя лучше подходило слово *mancipia*²³, хотя его можно было заменить конструкцией *servi et ancillae*, встречающейся и в античных, и в раннесредневековых текстах²⁴. В целом, сфера применения термина *mancipium* оказалась достаточно ограниченной, он встречается гораздо реже, чем термин *servus*, в Дигестах, например, — по крайней мере, на порядок.

²¹ Caesarius Arelatensis. *Sermones*, 157.6: *Sicut enim nobis non placet, si servi nostri se profiteantur nostra esse mancipia, et tamen non velint implere opera sua.*

²² *Ars Ambrosiana*. De nomine, 318: *potest et masculus esse et femina esse et mancipium esse advena*; *ibidem*. De pronomine, 283: *ego dicit vir, ego dicit mulier, ego dicit mancipium.*

²³ См., например: *Salvianus Massiliensis*. De gubernatione Dei, VI. 99: *Illorum more dominorum nobiscum barbari agunt, qui mancipia obsequiis suis non necessaria mercedibus dependendis locant*; *Sidonius Apollinarius*. *Epistulae*, VII.2.8: *de mancipiorum sponsaliciae donationis paucitate maerere*; *Formulae Turonenses*, 6: *absque diminutione rerum vel mancipiarum*; *Marseille*, 31 (a. 780): *villa Caladius, una cum apendiciis suis, vel omnes adjacentias suas, mancipia, tam rustica, quam urbana, libertis, accolabus, inquilinis, tam ibidem consistentibus, quam et aliunde ibidem translates*; *Agobardus Lugdunensis*. De insolentia Iudaeorum, 65: *nisi qui praedicavimus christianis ut mancipia eis christiana non venderent*; *Conques*, 581 (a. 838): *res et mancipia predicti monasterii...*

²⁴ *Dig. XXXI.1.60* (*Alfenus libro secundo digestorum a Paulo epitomatorum*): *Servis et ancillis urbanis legatis agasonem mulionem legato non contineri respondi*; *Jer 34.16*: *et subiugastis eos ut sint vobis servi et ancillae*; *2 Ezdr 5.1*: *et servi et ancillae eorum et pecora illorum*. Cp.: *HGL*, II, 190 (a. 876): *villa cum suis servis et ancillis*; *Conques*, 6 (a. 930); *Agde*, 320 (a. 956), etc.

Для христианских авторов значение имел также тот факт, что в латинских переводах Библии слово *mancipium* почти не употребляется²⁵, а понятие «раб Божий» передано выражением *servus Dei* или *servus Domini*²⁶, в Ветхом Завете — также *famulus Dei*, *famulus Domini*²⁷. Попытки некоторых писателей, в частности Пруденция, Паулина Ноланского и Виктора Витенского, ввести в употребление словосочетания *mancipium Dei* или *mancipium Christi*²⁸ успеха не имели: их, конечно, понимали, но почти не использовали²⁹. Более того, с легкой руки Люцифера Калаританского, в церковной лексике утвердилась оппозиция *servus Dei* — *mancipium Антихриста*, демонов, вообще сил зла³⁰. С таким словоупотреблением был вполне согласен Августин³¹. В дальнейшем монахи часто называли себя *servi Dei* или *servi* святого, которому был посвящен их монастырь³²; епископы, в том числе римские первосвященники (начиная, по-видимому, с Григория Великого), именовали себя *servi servorum Dei*, тогда как слово *mancipium* стало постепенно ассоци-

²⁵ Ez 27.13; 2 Мсс 8.11; Аpc 18.13.

²⁶ Dt 34.5; Ios 22.5; 4Rg 18.12; 1Par 6.49; 2 Par 24.9; Dn 10.17; Act 16.17; 1Pt 2.16; Аpc 15.3, не говоря уже о евангельских притчах, например: Mt 18.23; 25.14 и т. д.

²⁷ Ios 1.13: Moses famulus Dei; Jud 2.8; 3Rg 8.25; 1Par 17.19, etc.

²⁸ Prudentius. Liber Apotheosis, 408; Epistulae, 1.7; 2.19; 3.1; 4.4; 6.10; 8.5; 8.15; Paulinus Nolanus. Carmina, 21.202: mancipia Christi; Victor Vitensis. Historia persecutionis, I. 33.

²⁹ Одно из редких исключений — следующий немецкий текст конца X в.: Vita Sanctae Idae viduae Hertzfeldi in episcopatu Monasteriensi, auctore Uffingo, monacho Werthinensi, cap. 19 // AASS, Sept. T. II. P. 256: mancipium Christi.

³⁰ Lucifer Calaritanus. Quia absentem nemo debet iudicare nec damnare, 2.16: a te Antichristi mancipio; 2.19: tu cum mancipium sis nostri inimici et ille sit servus Dei; De regibus apostaticis, 8; De non parcendo in Deum delinquentibus, 25.10: nisi satellitem atque mancipium daemonum.

³¹ Augustinus Hipponensis. Sermones, 255 A: servos faceret filios Dei, mancipia diaboli faceret fratres Christi. Ср.: Ibidem, 335: et unde bis servi, inde liberi: mancipia creatoris, fratres redemptionis.

³² Например: Conques, 1 (a. 801): servis domni Salvatoris dono vel posteris servientibus ibidem; Cartulaire de l'abbaye de Gellone. Ed. par P. Alaus, L. Cassan, E. Meynial. Montpellier, 1898 (далее — Gellone), 324 (a. 1113): Geraldus monachus et servus Sancti Guilelmi.

ироваться с непослушанием и непотребством, свидетельством чему служат сочинения того же Августина³³ и многих более поздних авторов.

Согласно А. Дюбле, специально изучавшему вопрос о значении термина *mancipium* в средние века³⁴, он употреблялся в трех значениях: 1) зависимый человек вообще — в этом смысле в одном из дипломов Людовика Благочестивого говорится о *mancipia diversi generis vel condicionis*; 2) дворовый человек, не помещенный на землю раб; 3) несвободный держатель, серв. Я готов подтвердить, что термин отличается многозначностью. В раннесредневековых текстах он встречается, по большей части, во множественном числе и в собирательном значении, выступая иногда синонимом слова *familia*³⁵, которое могло характеризовать зависимых людей разного статуса. Так, в дипломах франкских королей зависимое население той или иной вотчины, без разбора и более дробных квалификаций, часто названо *mancipia*³⁶. Напротив, слово *servus* чаще всего обозначает конкретного раба и никогда — свободного, что нашло выражение в устойчивой формуле: *tam ingenui quam servi*. Заметно реже термин *mancipium* относится к определенному человеку, но такие случаи есть, и не только в описях (например, в Марсель-

³³ Augustinus Hipponensis. Enarrationes in psalmos, 70.2: o homo, mancipium inobediens; idem. Sermones, 117: avaritiae mancipium; 162: ipsius corporis mancipium; De diversis quaestionibus ad Simplicianum, 1.17: mancipium servire libidini.

³⁴ Dubled H. Mancipium au moyen âge // Revue du moyen âge latin, 1949. T. V. P. 51–56.

³⁵ См., например: HGL, II, 4 (a. 680): cum omni integritate et soliditate, curtis, ecclesiis, domibus, edificiis, mancipiis, colonis ibidem commanentes; 24 (a. 813): omnes omnino mancipiola mea utriusque sexus. Ср.: 13 (a. 799): pro nobis et filiis ac filiabus nostris seu cuncta familia domus nostrae; 95 (a. 837): monachis... eorumque rebus vel familia.

³⁶ HGL, II, 5 (a. 767): cum... mancipiis et omnibus possessionibus que ad illud pertinebant; 26 (a. 814): haec omnia praescripta cum ecclesiis, villaribus, domibus, mancipiis, virgis, silvis, terris; 36 (a. 815); 41 (a. 815); 42 (a. 816): mancipia de monasterio Sancti Martini... per loca diversa fugitiva sint; 71 (a. 826): quasdam res et mancipia ibidem delegavit... cum mancipiis ac ceteris rebus; 87 (a. 834); 103 (a. 843): in pago Confluente villa quae vocatur Prata cum mancipiis quae ad idem Confluente pertinent; 122 (a. 844): quaedam mancipia similiter monasterio pertinentia; Cartulaire de l'Eglise d'Apt (835–1130). Ed. N.Didier, H.Dubled et J.Barruol. Paris, 1967 (далее — Apt), 6 (a. 896): cum terris ac vineis et mancipiis ad se pertinentibus, etc.

ском полиптике 813–814 гг, иначе — полиптике Вуадальда), но и в грамотах, где иногда встречаются манципии, названные по имени³⁷. Кстати, Марсельский полиптик служит примером неоднозначного применения термина. При описании конкретных людей он используется здесь во втором значении, при характеристике населения вотчины в целом — в первом. Во всяком случае, опись каждого поместья, включая и те, где не было ни одного манципия в узком смысле слова, начинается словами *descriptio mancipiorum*. Грамоты, особенно завещания, говорят в основном о манципиях-рабах, реже о манципиях-держателях³⁸. В тех же значениях употребляется термин *servus*. Их сравнительная популярность зависит не столько от времени, сколько от традиций той или иной местности. И если на заре средневековья термин *mancipium* иногда обозначал наиболее приниженную часть несвободного населения (так, согласно Вестготской правде, *servi fiscales* могли отчуждать своих *mancipia*³⁹), то в дальнейшем различие между этими терминами не прослеживаются, даже когда они и фигурируют в одном и том же тексте⁴⁰.

На протяжении XI в. термин *mancipium* (как и термин *servus* в значении «раб») исчезает из источников. В Провансе их последние упоминания приходятся на 1005 г, в Руссильоне — на 1035 г, в отличавшейся замедленными темпами развития области Руэрг — на конец XI в., но, в целом,

³⁷ Polyptyque de Wadalde // Marseille, T. 2. P. 633–654; Conques, 1 (a. 801): de mancipiis dono vobis Ariberto et Remelde et filio suo Froderamno et filio suo Gairaldo; Cluny, 231 (a. 922): mancipa his nominibus...; Cartulaire de l'abbaye de Vabres au diocèse de Rodez. Ed. E.Fournial. Saint-Etienne, 1989 (далее — Vabres), 47 (a. 942): de mancipiis in ipsa curte nomen Gariberto et uxore sua cum infantes illorum...

³⁸ Magnou-Nortier E. La société laïque et l'Eglise dans la province ecclésiastique de Narbonne (zone cispyrénéenne) de la fin du VIII à la fin du XI siècle. Toulouse, 1974. P. 210–213; Poly J.-P. La Provence et la société féodale (879–1166). Contribution à l'étude des structures dites féodales dans le Midi. Paris, 1976. P. 102–104; Bonnassie P. La Catalogne du milieu du X à la fin du XI siècle. Croissance et mutations d'une société. Toulouse, 1975–1976. P. 298–302.

³⁹ Lex Vis., XII.1.2; VIII.1.5. Cp.: King P.D. Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge, 1972. P. 64–65.

⁴⁰ См., например: Vabres, 9 (a. 945): de mancipiis mei, servo meo nomen Aicbrando dono; HGL, V, 107 (a. 960, Monmajour): cum mansis, mancipiis, servis et appendiciis earum; Cluny, 1145 (a. 963): domo in villa Vigusco mancipium meum nomine Benedicto... et in villa Casutit manso uno cum servo Frotlanno...

к концу столетия он канул в Лету, как в Южной Франции, так и в Каталонии. Как уже говорилось, отныне слово *mancipium* встречается лишь в составе антропонимов или же — в формах *mancip*, *mancipr*, *massipr* и т. д. — в принципиально новых значениях: «юнец», «слуга», «поденщик», «подмастерье» ... Исключения редки и, вероятно, мнимы. Иногда мы, по-видимому, имеем дело с архаизацией этих терминов нового поколения, с применением к статусу наемных работников старого латинского слова. В других случаях издатели источников, в т. ч. самые компетентные, ошибочно принимали личное имя, образованное от слова *mancipium*, за социально-юридический термин, притом в его древнем значении, оставляя без объяснения причины его неожиданного бытования в столь позднюю эпоху⁴¹.

Начнем с анализа антропонимов, содержащих первые бесспорные доказательства употребления слова в новом значении («ребенок», «младший»). Имя *Mancipr*, хотя и практически не изученное (оно не отмечено даже в справочнике М.-Т. Морле⁴² и, насколько мне известно, исключая небольшой раздел в моей монографии, не ставшее предметом ни одного специального исследования), встречается в источниках достаточно часто. Первое его упоминание в Южной Франции, а именно в Гапе (Верхний Прованс), относится к 1035 г.⁴³, в Каталонии — к 1085 г.⁴⁴. Чаще всего оно встреча-

⁴¹ См., например: *Grand cartulaire de la Sauve-Majeure*. Ed. par Ch. Higounet et A. Higounet-Nadal. Bordeaux, 1996 (далее — *Sauve-Majeure*), 584 (грамота не поддается сколь-нибудь точной датировке, но, по-видимому, написана в XII в.): *Cui rei nodatores et testificatores affuerunt Iulianus de Faverneto et Augerius mancipium aliique plures*. Поскольку манципий не мог быть свидетелем сделки, перед нами, несомненно, личное имя, записанное на учный лад по латыни. Сходно: *Aniane*, 44 (a. 1067); *Gellone*, 178 (a. 1109); *AD Hérault*, 9H 37–38. *Cartulaire de l'abbaye de Valmagne* (до недавнего времени этот картулярный находился в частной коллекции и не был доступен; благодарю Л. Бартеса, который готовит его полное издание), 278 (a. 1170), 803 (a. 1171); *Aniane*, 354 (s. XII).

⁴² *Morlet M.-Th. Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VI au XII siècle*. Vol. I–III. Paris, 1968–1985.

⁴³ *Marseille*, 718 (ca. 1035): *ego Waldemarum Forsanus et frater suus Isoardus, Ricardus, Herbemonus, Beraldus, Ericardus, Mancipius, Guigus et uxor sua Ebsia ... isti seniores fecerunt donationem sancti Victoris martiris Massiliensis*.

⁴⁴ *Cartulario de Sant Cugat de Vallés*. Ed. J. Serra Rius. Vol. I–IV. Barcelona, 1945–1981 (далее — *Sant Cugat*), 497 (a. 1085): *Signum Guitardi Mancipii*. Это

ется в Лангедоке и Каталонии, где оно живо — как фамилия — и в наши дни. С некоторым запозданием оно зафиксировано в Руэрге⁴⁵, Гиени⁴⁶, восточной Гаскони⁴⁷. В других областях, например в Кастилии⁴⁸, мы находим лишь эпизодические его упоминания, причем нет уверенности, что речь идет о местных жителях. В Провансе, особенно в восточной его части, оно было почти неизвестно; здесь предпочитали говорить: *Bonusfilius*⁴⁹, и только в еврейских семьях использовали обе формы⁵⁰.

имя не зафиксировано в очень надежном справочнике Ж. Болоса и Ж. Морана, охватывающего период до 1000 г. См.: Bolós J., Moran J. *Repertòri d'antropònims catalans*. Barcelona, 1994. Другие ранние упоминания: *Llibre vert de la ciutat de Girona*. Ed. Ch. Guilleré. Lleida, 2000, 1 (a. 1144): *Signum Alberti Macipii*; *Sant Cugat*, 1011 (a. 1157): *Bonus Mancipius, fideiussor*; *Liber Feudorum Maior*. Ed. F. Miquel Rossell. Vol. 1–2. Barcelona, 1945–1947. Т. II. 735 (a. 1164): *Pere Bonmacip*; *Cartulario de Poblet*. Ed. J. M. de Marques. Barcelona, 1938 (далее — *Poblet*), 325 (a. 1168): *Signum Boni Mancipi de Tevicia*; *Sant Cugat*, 1096 (a. 1174): *Bernardus Mancipius*; 1159 (a. 1185): *Berengarius Macip*; 1181 (a. 1189): *Bonus Mancipius de Granata*.

⁴⁵ *Cartulaire de l'abbaye de Silvanès*. Ed. P.-F. Verlaquet. Rodez, 1910, 31 (a. 1144): *Deodatus Mancips*; 187 (a. 1157): *Petrus Mancip*; 107 (a. 1167): *Deodatus Mancipii*.

⁴⁶ *Sauve-Majeure*, 138 (a. 1169).

⁴⁷ *Cartulaire de l'abbaye de Gimont*. Ed. A. Clergeac. Paris; Auch, 1905, 102 (a. 1178): *de Bernardo Macip*; 94 (a. 1181); 20 (a. 1187); 24 (a. 1187); 125 (a. 1190); *Recueil des actes de l'abbaye cistercienne de Bonnefont en Comminges*. Publ. par Ch. Samaran et Ch. Higounet. Paris, 1970, 222 (a. 1205), 367 (a. 1251), 467 (a. 1275–1286).

⁴⁸ *Cluny*, 4327 (a. 1188, Leon): *Bonus Mancipus*.

⁴⁹ *Cartulaire de l'abbaye de Lérins*. Vol. I–II. Publ. H. Moris et E. Blanc. Paris, 1883–1905 (далее — *Lérins*), I, 142 (a. 1016): *abbate nostro Constantino et fratre suo Bono Filio*; Marseille, 770 (ca. 1040, Castellane): *Bonus Filius firmavit*; Lérins, I, 232 (a. 1046–1066): *Bonusfilius firmavit*; 169 (a. 1092): *Johannes, filius Bonfilio*; 253 (a. 1101): *Guillelmus Bonifilii*; 209 (a. 1120–1125): *Rotbertus et Bonusfilius frater ejus*; 313 (a. 1167): *Guillelmus Bonusfilius testis, Fulco Bonusfilius testis*.

⁵⁰ Помимо данных С. Сепора, см.: Blancard L. *Documents inédits sur la commerce de Marseille au Moyen Age*. Marseille, 1885. Т. II. P. 411, 599 (*Bonusfilius judeus*); 658 (*Bonusinfans*); Schatzmiller J. *Recherches sur la communauté juive de Manosque au moyen âge. 1241–1329*. Paris; La Haye, 1973. P. 169–170, 174–175; Iancou D. *Les Juifs en Provence (1475–1501)*. Marseille, 1981. P. 92, 101, 123, 189.

Словом *мансип* называли младшего ребенка или же младшего из тезок в семье, иногда оно употреблялось так же, как в наши дни слово *Junior* («младший»), используемое в англоязычных странах как дополнение к имени и фамилии сына, совпадающих с именем и фамилией отца⁵¹, и этот оним мог сохраниться за человеком на всю жизнь. Носящие это имя люди выступают контрагентами сделок⁵², фигурируют в числе свидетелей⁵³, соседей⁵⁴, многие из них женаты и имеют детей⁵⁵. Нередко это прозвище стано-

⁵¹ Brunel Cl. *Les plus anciennes chartes...* Paris, 1926, 317 (a. 1198, Toulousain): per los autres enfans d'en P.Malpel aizo so a saber P. Malpels macips et R., sos fraire...; Poblet, 300 (s. XII): Ego Guillelmus de Bergitano Mancip volo pergere in peregrinatione Sancti Jacobi... Из дальнейшего следует, что отца нашего паломника (землевладельца средней руки) также звали Guillelmus de Bergitano.

⁵² Marseille, 718 (ca. 1035): ego Waldemarum Forsanus et frater suus Isoardus, Ricardus, Herbemonus, Beraldus, Ericardus, Mancipius, Guigus et uxor sua Ebresia... (не исключено, что Mancipius является добавочным именем к Ericardus); 146 (ca. 1090): terram quam comparavit Iterius monachus de Iterio Mancipo et de matre sua; Silvanès, 499 (a. 1190).

⁵³ Germain A., Chabanneau C. *Liber instrumentorum memorialium ou cartulaire des Guilhems de Montpellier. Vol. I–II. Montpellier, 1884–1886*, 50 (a. 1090): hoc donum superius scriptum... vidit Deodatus Mancipus; *Cartulaire de Béziers (Livre noir)*. Publ. J. Rouquette. Présentation d'H. Barthes. Montpellier, 2009 (далее — Béziers), 100 (a. 1097): signum Guitardi Mancipi; *Cartulaire de Maguelone. T. 1–3. Ed. J. Rouquette et A. Villemagne. Montpellier, 1912–1920* (далее — Maguelone), 33 (a. 1110): in presencia... Deodati Mancipi; Agde, 287 (a. 1146): in presentia Petri Bernardi Mancipi; Sauve-Majeure, 705 (a. 1126–1147): videntibus Raimundo Mancip et Amalvino et aliis multis habitatoribus ipsius salvitatis; Toulouse, 606 (a. 1173): testes... Petrus Mancipius; Agde, 95 (ca. 1152–1175): testes... Petrus Bernardi Mancipi, etc.

⁵⁴ Béziers, 85 (a. 1082): de meridie alaterat in ipsa perpresa de Johanne Mancipio de Narbona; Marseille, 145 (ca. 1090): abet ista terra... ab occidente terram Iterii Mancipi.

⁵⁵ Conques, 59 (a. 1083): ego quidem Amelius Mancipi et uxor mea Garsendis et infantes sui; 392 (a. 1065–1087): Amelius Mancipium et uxor sua et Amelius filius ejus; 277 (s. XI); 329 (a. 1060–1108); Aniane, 127 (a. 1124): ego Garsindis, uxor qui fuit Guittardi Mancippi de Bitteris, et filii mei Petrus Luponis et Guillermus; *Cartulaire de l'abbaye de Lézat. T. I–II. Publ. P. Ourliac et A.-M. Magnou. Paris, 1984–1987* (далее — Lézat), 1166 (a. 1130–1137); 1456 (a. 1143–1144); 1499 (a. 1193).

вилось семейным именем и в конце концов фамилией⁵⁶. Чаще всего оно является добавочным антропонимом, но бывает, что фигурирует и как первое и как единственное имя. Сталкиваясь с таким именем в перечне свидетелей, следует иметь в виду, что речь может идти о втором или третьем имени человека, но есть и вполне однозначные свидетельства⁵⁷. Этот оним характерен и для еврейских имен в их латинской форме, как личных имен, так и родовых⁵⁸. Одно из них очень поучительно: некий тулузский еврей в одних документах второй четверти XIII в. проходит как *Bonmancip*, в других — как *Bonus Puer*⁵⁹. Имя *Bonmancip*, иначе *Bonus Mancipus*, было в ходу и у христиан⁶⁰. К XI в. об исходном смысле слова *mancipium* уже мало кто помнил.

⁵⁶ *Diplomatari de la catedral de Tortosa (1062–1193)*. Ed. A. Virgili. Barcelona, 1997, 282 (a. 1176): *cum orto de Morel quod fuit de Mncipiis*; Agde, 354 (f. s. XII): *mansus Petri Rainaldi Mancipi... mansus Poncii Rainaldi Mancipi*.

⁵⁷ Marseille, 718 (ca. 1035): см. выше; Béziers, 143 (a. 1133): *signum Bernardi Virmili, Mancipi et Conilii*; 163 (a. 1148): *testes... Bernardus Bonifati, Mancipus, Bernardus Duranti, Cartulaire de Berdoues. Publié et annoté par l'abbé Cazauran. La Haye, 1905. N 745 (a. 1243): Macip Bernardus*; *El monestir de Santa Maria de Gerri (segles XI–XV)*. Barcelona, 1991. Vol. 2. 284 (a. 1300): *Testis sunt... Mancipius, filius Petri de Sancto Sebastiano*.

⁵⁸ Seror S. *Les noms des juifs de France au moyen âge*. Paris, 1989. P. 177–178. Ср.: Regné J. *Etude sur la condition des Juifs de Narbonne du V au XIV siècle*. Paris, 1912. P. 184 (a. 1252): *Bonmancip*; Baer F. *Die Juden im Christlichen Spanien*. Bd. 1. Aragon und Navarra. Berlin, 1929, 101 (a. 1270, Barcelona): *Bonus Macip judeus*; 371 (a. 1384, Perpignan): *Bonmancip Struch*; Regné J. *History of the Jews in Aragon. Regesta and Documents*. Jerusalem, 1978, 1401 (a. 1285, Barcelona): *Bonmassip*; 2539 (a. 1294, Vich): *Bonmancip*; 3109 (a. 1319, Barcelona): *Samuel Bonmacib*; Nahon G. *Condition fiscale et économique des juives // Juifs et judaïsme de Languedoc (Cahiers de Fanjeaux, 12)*. Toulouse, 1977. P. 64 (a. 1294, Montpellier): *Bonmancip*; P. 66 (Narbonne): *Samuel Bonmancip de Lescaleta*.

⁵⁹ Saige G. *Les juifs du Languedoc antérieurement au XIV siècle*. Paris, 1881, XXXI (a. 1235–1236): *Bonus Mancipius judeus filius Provincialis*; XXXVII (a. 1247): *Bonus Puer judeus, filius quondam Provincialis*. Об идентификации этого человека см.: Castaing-Sicard M. *Les contrats dans le très ancien droit toulousain...* P. 417, 420. Ср.: *Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse*. T. II. 1117–1279. Publié par Cl. Pailhès. Paris, 2000 (далее — *La Grasse*, II), 92 (a. 1207), где один и тот же человек назван *Bonus Mancipius de Grassa* и *Bonus Puer de Grassa*.

⁶⁰ Toulouse, 143 (a. 1141): *Bonus Mancipius Maurandi*; 71 (a. 1143): *Bonum Mancipium Mauran*; 386 (a. 1155); 399 (a. 1160); Maguelone, 285 (a. 1182):

В это время имя *Mancipr* носят люди достаточно высокого положения. Первый же известный нам человек, носивший это прозвище, назван в источнике сеньором⁶¹. Среди них встречаются каноники⁶², судьи⁶³, адвокаты короля⁶⁴, консулы⁶⁵, нотариусы⁶⁶, баюлы⁶⁷. Уже в XII в. мы находим их в окружении высшей знати. Так, некий *Guillermo Amancipr* упомянут в числе других «честных и ученых мужей» вслед за графом Комменжа и епископом Альби⁶⁸. В одном из самых гордых патрицианских родов Тулузы — *Maurandi* — сыновей из поколения в поколение называли *Bonmancipr*⁶⁹.

Таким образом, уже в XI–XII вв. слово *mancipium* утратило свое прежнее значение и стало восприниматься как социально-возрастная характеристика. Начиная с этого времени *mancipr* — это подросток, юноша, уже не маленький, но и еще не вполне взрослый человек, не вполне вставший на ноги, не вполне самостоятельный и не состоявшийся еще в социальном

Durantus Bonus mancipius; *Cartulaire du Prieuré de Saint-Gilles de l'Hopital de Saint-Jean de Jérusalem* (1129–1210). Ed. D. Le Blévec et A. Venturini. Paris, 1997, 128 (a. 1192): *ego Bonus Mancipius*; *Guillaume Pelhissan. Chronique* (1229–1244), suivie du récit des troubles d'Albi (1234). Texte édité, traduit et annoté par Jean Duvernoy. Paris, 1994. P. 46, 47, 58–59; *Petrus Bomancipr*.

⁶¹ Marseille, 718 (ca. 1035). См. выше, прим. 43.

⁶² Maguelone, 18 (a. 1096): *Deodatus Mancipr... canonicus*; Portal Ch., Cabie E. *Cartulaire des Templiers de Vaour* (Tarn). Paris, 1894, 67 (a. 1181).

⁶³ AD Hérault, 1 Mi 6. *Cartulaire des Trencavel*, 73 (a. 1139): *judices... Guillelmmum Mancipr de Carcassona*; HGL, VIII, 307 (a. 1234).

⁶⁴ HGL, X, 73.7 (a. 1291): *in presentia... domini Bonmancipii advocati domini regis*.

⁶⁵ Limouzin-Lamothe R. *La commune de Toulouse et les sources de son histoire* (1120–1249). Toulouse; Paris, 1932, N 249 (a. 1194); HGL, VIII, 117 (a. 1203); 118 (a. 1203); 395 (a. 1246).

⁶⁶ HGL, VIII, 209.2 (a. 1220).

⁶⁷ Sanchez Casabón A. I. *Alfonso II Rey d'Aragón, Conde de Barcelona y Marqués de Provenza. Documentos: 1162–1196*. Zaragoza, 1995, 603 (a. 1194); Benito i Monclús P. *Senyoria de la terra i tenença pagesa al comtat de Barcelona (segles XI–XIII)*. Barcelona, 2003. P. 571 (a. 1194); Duvernoy J. *Histoire des Cathares*. Toulouse, 1979. P. 272 (a. 1232).

⁶⁸ HGL, V, 554.10 (ca. 1144; грамота из картулярия Тренкавелей).

⁶⁹ Mundy J. H. *Society and Government at Toulouse in the Age of the Cathars*. Toronto, 1997. P. 54. См. также: Wolff Ph. *Commerce et marchands de Toulouse (vers 1350 — vers 1450)*. Paris, 1954. P. 66, 246, 272, 274.

отношении. В этом значении оно встречается в самых разных текстах, хотя и намного реже, чем образованные от него имена.

В документах это слово искать почти бесполезно, но я могу все же сослаться на милую гасконскую грамоту, видимо, конца XIII в., написанную на *volgare*, в которой свидетель вспоминает, что когда он был *macip*, т. е. подростком, то приносил работникам лепешки и сидр⁷⁰. Заметно чаще мы находим его в литературных, вообще, нарративных текстах на окситанском и каталонском языках, например в проповедях и в агиографических сочинениях⁷¹. Трубадуры не жаловали это слово, казавшееся им, видимо, простонародным, но некоторые авторы его все же употребляли, причем именно в данном значении. В их числе Маркабрю (ум. ок. 1149 г.)⁷², Гиллем де Бергуэда (у. в 1196 г.), оставивший нам яркую зарисовку парней из По, идущих с песней по родному городу⁷³, Гираут де Борнель (у. ок. 1200 г.)⁷⁴, Перси-

⁷⁰ *Le Liber Aureus du chapitre cathédral de Bayonne*. Publ. par C. Moron. Paris, 2001, 106 (s. d., s. l.): En Per Gi. dou chapelan testimonia que quent ere macip, ed estave ab en J. caperan, son oncon, en le vite d'en A.R. de Nogueïrou, e anave au molin soen e menud ab lui; e portave les fogaces e le pomade aus borers. Cp.: Millardet G. *Recueil de textes des anciens dialectes landais*. Paris, 1910. P. 2 (a. 1259): i homi ... e sa molier e sos macips nadz e a neyser.

⁷¹ *Homilies d'Organyà*. Ed. A.-J. Soberanas i A. Rossignol. Barcelona, 2001. P. 82–83: Qan om és macip, pensa així com macip e sab així com macip i emperor, qan ès feit hom, lex[a] aquel[e]s coses que són de macip; Vides de sants rosselloneses: text català del segle XIII establert comentat i glossat per Ch. Maneikis Kniazzezh i E.J. Neugaard amb prefaci i aportacions de J. Coromines. Barcelona, 1977. Vol. 3. P. 286 (De senta Eufemia, 203, v. 2): O verge mancipa, batalera! Eufèmia qui retenguest la mirta de virginitat e merist ésser vestida de la corona de passió...

⁷² Déjeanne J.-M.-L. *Poésies completes du troubadour Marcabru*. Toulouse, 1909. P. 29: Et ab lo comens d'un chantiu / Que fant l'auzeill per alegrar / Auzi la votz d'un pastoriu / Ab una mancipa chantar.

⁷³ Guillem de Bergueda. *Obra Poética*. Vol. II. Abadia de Poblet, 1971. P. 64: cantarey mentre m'estau chantaret bon e leiau que xanton macips de Pau, / del fals veill coronat bisbau e d'En Folcalquer lo barrau.

⁷⁴ Kolsen A. *Samtliche Lieder des Troubadors Giraut de Bornelh*. Bd. 1–2. Halle, 1910–1935, № 66, v. 53–56: Ja coill' ardit desc' aura mes / S'entencion en sos affars, / Que mentre qu'es mancips e tos / Leschai solatz e pretz e dos. Слово сочетание *mancips e tos* буквально переводится как «юный и безусый», но в переносном, притом общепринятом смысле, *tos* также означает «юный», «молодой».

валь Дориа (у. в 1264 г.)⁷⁵. Мы находим его также в «Жираре Руссильонском» (XII в.)⁷⁶ и в «Деяниях Карла под Каркассоном и Нарбоном» (нач. XIII в.)⁷⁷. В прозаическом тексте «Откровение о муках ада», который приписывается Фолькету де Люнелю (у. ок. 1300 г.), есть впечатляющий пассаж о черных мансипках, одетых в черные одежды, от которых несет смолой и серой, со змеями и огнедышащими драконами на шее⁷⁸. Встречается термин и в строгих нормативных источниках, например в *For generau* Беарна, где говорится, что *massip* до 14 лет, а *massipe* — до 12 лет не вправе продавать землю⁷⁹. Из текста никак не следует, что, достигнув этого возраста, человек переставал считаться мансипом. Оно не имело подлинно юридического смысла и могло означать как подростка, так и юношу (девушку), в т. ч., как свидетельствует приведенный пассаж из *Гираута де Борнеля*, достаточно взрослого. Главным критерием для отнесения человека к числу мансипов была не столько биологический возраст, сколько положение младшего в обществе.

Некоторые случаи употребления слова *māncip* (*māncipa*) в источниках можно толковать по-разному. Например, в приведенном чуть выше тексте *Маркабрю* оно может означать как девушку, так и пастушку, и это вполне закономерно. В эту эпоху биологический возраст был тесно связан с «социальным возрастом», а попросту — с социальным статусом, который осмысливался в возрастных категориях: старший, младший и т. д. Этому есть немало примеров в средневековой истории, в т. ч. русской, о чем свидетельствуют

⁷⁵ Perceval Doria, № 2. v. 2: *Per aquest cors, del teu trip / non vi tan azaut māncip!*

⁷⁶ Girart de Roussillon, 3385: *E li enfant resterent chevalier bon: / e de taus n'ia furent pau māncipon, 'ere sunt tant cregut, chevalier son; 3418: Li fil Teirri lai vant, pau māncipon; 9937: Quatre filz a qui sunt gent māncipun.*

⁷⁷ *Gesta Karoli ad Carcassonam et Narbonam*, BP 1450–1457: *Karles donec al macip L sols... metam en carcer lo macip* (в лагинском тексте ему соответствует слово *puer* — *Ibidem*, LC 1449–1454).

⁷⁸ *Revelatio de las penas dels yferns // Denkmäler der provenzalischen Literatur*. Hrsg. v. Karl Bartsch. Stuttgart, 1856. S. 311–312: *Aqui avian massipas negras que vestion vestimens negres, que pudion a pega e a solpre, e tenian en lors cols serpens et dragos e foc.*

⁷⁹ *Les Fors anciens de Béarn*. Ed. par P. Ourliac et M. Gilles. Paris, 1990, FG 203: *Massip no es de hedat entroo XIII ans ni massipe entroo dotze per bener fontz de terre.*

понятия «раб», «холоп», «отрок», «сироты», «дети боярские» ... О сходных социальных процессах говорит трансформация английского слова *maid*-*en* («дева») в *maid* («служанка») или шокирующий иностранцев обычай французов называть совсем не молодых официантов словом *garçon*. Но ближе всего к изучаемому явлению феномен средневекового латинского слова *baccalarius*, восходящего, вероятно, к кельтскому *bach* — «маленький», «молодой»⁸⁰ и близкому ему *bachlach* — «пастух», «слуга»⁸¹ и давшего в современном английском слово *bachelor* — «холостяк». В Марсельском полиптике 813–814 гг. — первом по времени тексте, где засвидетельствовано это слово, — оно применяется к подросткам обоего пола, старше 15 (согласно другому толкованию, — 12) лет, не имеющим своей семьи и хозяйства. Став обозначением младшего, неполноправного члена семьи, слово «баккаларий» было скоро воспринято в рыцарской среде. Так именовались младшие сыновья, которые не имели доли в отцовском наследстве, находились во власти старшего брата, без его разрешения не могли ни жениться, ни стать рыцарями. Соответственно, *baccalarius* — это не посвященный еще в рыцари воин или рыцарь, выступающий в поход один, без сопровождения вооруженной свиты, и потому без знамени. В дальнейшем термин стал употребляться и в другой социальной среде: так называли младших в «семье» каноников и даже не рукоположенных в священники клириков, а также не ставших полноправными членами цеха ремесленников и еще не получивших степени магистра школяров; в последнем значении оно дожило до наших дней⁸². С похожим явлением мы сталкиваемся и в случае со словом *tañcip*, которое обозначало как возрастную группу (с несколько размытыми грани-

⁸⁰ Chevallet A. de. *Origines et formation de la langue française*. Paris, 1858. Т. 1. Р. 20.

⁸¹ Thurneusen R. *Keltoromanisches*. Halle, 1884. S. 38–39.

⁸² Flori J. *Qu'est-ce qu'un bachelor?* // *Romania*, 1975. Т. 96. Р. 289–314; Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. М., 2000. С. 497–497. В том же ряду следует упомянуть менее определенное слово *iuvenis* (*jeune*), широко употреблявшееся в среде знати для обозначения не только молодых людей, но особой социальной группы, составлявших окружение сеньора. См.: Duby G. *Les «jeunes» dans la société aristocratique dans la France du Nord-Ouest au XII siècle* // *Annales ESC*, 1964, Année 19. Р. 835–846.

цами), так и целый ряд социальных состояний, воспринимавшихся в средние века как принадлежность юного возраста. Особенностью слова *mançir* является его сложная эволюция от понятия «раб» к понятию «юнец» и вновь к приниженным социальным статусам новой эпохи.

Как уже отмечалось, в грамотах, во всяком случае до XIII в., это слово встречается крайне редко. Мне известно всего несколько случаев, хотя счет южнофранцузских и каталонских документов этого времени идет на десятки тысяч. И это не удивительно: формуляр документа этого времени практически исключал возможность появления в тексте упоминания о мансипах. Однако в источниках других типов, появляющихся в XII–XIII вв., например в городских и областных кутюмах, цеховых статутах, всевозможных описях, в счетных книгах купцов и муниципальных властей, в нотариальных и судебных бумагах, а также, разумеется, в нарративных текстах, они встречаются не так уж редко.

Искать этот термин в источниках все равно, что иголку в стогу сена: упоминания его очень редки, но могут встретиться где угодно. Читая как-то раз из любопытства опись утвари монпельерской гостиницы XV в., я натолкнулся на некую *camera mançirioium*, т. е., конечно, «комнату для слуг», а не для рабов⁸³. Чаще всего словом *mançir* (*mançira*) обозначают именно слуг: всевозможных домашних слуг, сторожей, посыльных, людей, сопровождающих господина в выходах в свет и в поездках⁸⁴ и даже вооруженных сборщиков податей⁸⁵. Иногда мансипы упоминаются в одном ряду с *servants*⁸⁶ или

⁸³ Combes J. *Hôteliers et hôtelleries à Montpellier à la fin du XIV siècle et au XV siècle // Hommage à A. Dupont. Montpellier, 1974. P. 80.*

⁸⁴ Vidal A. *Douze comptes consulaires d'Albi du XIV siècle. Albi, 1906. T. I. P. 38, 40, 47 et passim; Comptes consulaires de la ville de Riscle de 1441 à 1507 (texte gascon). Publ. P. Parfouru. T. I (1441–1484). Paris; Auch, 1886. P. 257 (a. 1481): e lodit jorn fen carreyar au masip de Labat ab lo car e voeus. Ср.: Otis-Cour L. „Terreur et exemple, compassion et miséricorde“: la répression pénale à Pamiers à la fin du moyen âge // *Mélanges H. Vidal. Montpellier, 1994. P. 147.**

⁸⁵ Pujol P. *Documents en vulgare..., 5.5 (s. XII, Cerdagne): N'Arşen d'Urg he in R. de Castelbó, macip, qui albergen los oclergers forcuiaient ...*

⁸⁶ Vinyoles M.-T. *Les barcelonines a les darrerries de Edat Mitjana: 1370–1410. Barcelona, 1976. Doc. 7 (a. 1376): Item que naguna serventa o macipa qui haie promès o promettrà star ab altre, que no s'en gos exir tro que haie complit lo temps per lo qual hi haurà promès star. Любопытно, что в том же документе,*

называются другими, уже вполне однозначными терминами, например *vale*⁸⁷. Но мансипами называли также приказчиков разного рода⁸⁸, подмастерьев⁸⁹, помощников адвокатов, аптекарей, писцов, чей статус и взаимоотношения с нанимателем иногда определяется городским законодательством⁹⁰,

когда речь заходит о насилии над мансипой, она ставится на одну доску с рабыней: *Item que qualque persona de qualque stament o condició sia, qui stant ab altre a soldada, farà fornicació ab esclava o mancipa qui sia ab aquell mateix senyor sia prèns en la dita presó XXX dies perda la soldada la qual sia guanyada al senyor o dona ab qui starà; Furs de València. Vol. VII. Barcelona, 1999. Llibre IX. Rúbrica VII. Tit. LX (a. 1403): Fem fur nou que si alcun pendrà de sclava o macipa ab altri que stiga alguns béns que sien del senyor ab qui starà o de la cas de aquell, sens voluntat del dit senyor, que sia açotat per la ciutat, vila o loch hon starà lo dit senyor.*

⁸⁷ *Livre de Vie (1379–1382). Bergerac au Coeur de la Guerre de Cent ans.* Ed. par Y. Laborie et J. Roux. Gardonne, 2002. P. 113: *Item, lo dich jorn, los ditz pilhartz Gaveló et Lo Duc raubèren e despolhèren la ganèla al massip de Raulí Malhart, que trobèren el poder de Bragayrac. Valia, si cum lo dit vaylet affermèt per son sagramen, I franc e mèch.*

⁸⁸ Forestié E. *Les livres de comptes des frères Bonis, marchands montalbanais du XIV siècle.* Paris; Auch, 1893. Т. II. P. 7, 11, 26 et passim; Blanc A. *Le livre de comptes de J. Olivier marchand narbonnais du XIV siècle* Paris, 1898. Т. I. P. 71, 78, 85 et passim; Reyerson K. *Business, Banking and Finance in Medieval Montpellier.* Toronto, 1985. P. 94, note 54, со ссылкой на: AD Hérault, II E 95/370J. Holanie, f. 85–90 (a. 1333). Упомянутый здесь *mancipus* назван также *negotium gestor*; он ведет дела с купцами и менялами из Бургоса, Лериды и Менорки и оперирует суммой в 500 реалов. В частном письме (11.05.2000) К. Рейерсон уточнила, что речь идет о: AD Hérault, II E 95/369.

⁸⁹ Luc P. *La vie rurale et pratique juridique en Béarn aux XIV et XV siècles.* Toulouse, 1943. P. 210, со ссылкой на беарнский документ 1382 г.: *masip aprenedis; Bofarull I Msacaró, P. de. Collección de documentos inéditos del Archivo General de la Corona de Aragón.* Barcelona, 1858. Vol. VIII. P. 287 (a. 1387): *Tot macip de sastre o de pellicer que vulla esser de la dita confreria; Caucanas S. Introduction à l'histoire du Moyen Age en Roussillon.* Perpignan, 1985. P. 117–118; eadem. *Moulines et irrigation en Roussillon du IX au XV siècle.* Paris, 1995. P. 169–170, 182; Victor S. *La construction et les métiers de la construction à Gérone au XV siècle.* Toulouse, 2008. P. 137, 157, 170, 206, 361.

⁹⁰ Brunel Cl. *Les plus anciennes chartes...*, 239 (a. 1188, Moissac): *de tot aiso sunt testes...* Guillem Bernat, *mancips d'escriva.* Издатель перевел это выраже-

наконец наемных работников, прежде всего занятых в сельском хозяйстве, особенно в скотоводстве⁹¹, но также грузчиков (*macips de ribera*) и строителей, в принципе, любых людей, работающих руками за деньги (*macips de soldada, manobres*)⁹². Отношение к ним было, в целом, пренебрежительное и неприязненное: то был «подлый люд»⁹³.

Показательно также употребление слова *macipa* в значении «проститутка», чему есть ясное свидетельство в статутах Марсея, изданных в середине XIII в.⁹⁴, да и в некоторых других источниках. Например, перепись домов Беарна, составленная в 1385 г. по приказу Гастона Феба, зафиксировала в городке Монен (*Monein*) *l'ostau de las macipes deu portau*, иначе говоря

ние: *clerc, employé*. Ср.: *Ibidem*, n 318 (a. 1198, Toulouse): *De rescabs Ramons Unalds masips es intraz izansa e deveire pagarre...*; Gilles H. *Les Coutumes de Toulouse (1286) et leur premier commentaire*. Toulouse, 1969, art. 73: *et est similis consuetudo in omnibus ante dicte consuetudini inter mercatores et mancipium sive mancipios, et socium sive socios, videlicet si dictus recipiens mancipius aut socius talis extiterit qui nullam partem habeat in dicta mercandaria ex conventionem sed ad voluntatem domini mercandarie*; Furs de València. A cura de G. Colon i A. Garcia. Vol. II. Barcelona, 1974. Llibre II. Rúbrica VI. Tit. XV (a. 1329): *Advocats ne macips o escrivans lurs no reeben paga o salari de escriptures alcunes que ordenen o dicten en advocatió*.

⁹¹ *Cartulaire des vicomtes de Lavedan dit Livre vert de Bénac*. Publ. par G. Balencie. Tarbes, 1910, VII.2 (*vidimus 09.01.1339*, по новому стилю): *e dix que aprop beco lo cog deu senhor de Casted Lobo et sober diit port, ab IIII macips, e quels carnala I mardaa e I motoo e I ouelha, lasquaus dixo que depuix no agon*.

⁹² Freitag R. *Die Katalanischen Handwerkerorganisationen unter Königsschutz im Mittelalter*. Münster, 1968. S. 116; Bonnassie P. *La organización del trabajo en Barcelona vida a fines del siglo XV*. Barcelona, 1975. P. 87–94 et passim; Guilleré Ch. *Girona al segle XIV*. Vol. 1–2. Barcelona, 1992–1993. Vol. I. P. 317, Vol. II. P. 65–70.

⁹³ См. два художественных текста, созданных, соответственно, в Валенсии и Каталонии и в XV в.: Roig J. *Espil*. A cura d'Antònia Carré. Barcelona, 2006. P. 322. V. 7664–7671: *cornut e bord, / bastard, malnat, / efeminat, / gaiol, fembrer / e bagasser, / concubinari / e fornicari, / macip catxat*; Curial e Güelfa. Ed. R. Aramon i Serra. Barcelona, 1931. Vol. II. P. 249: *¡Vets quina macipa és la mesquina Enveja, que, quanta més honor li farets, més vos avorrirà e desijarà que hajats dan!* Благодарю И. Грифоль из университета Лериды за консультацию.

⁹⁴ *Les Statutes municipaux de la ville de Marseille*. Par R. Pernoud. Monaco; Paris, 1949, V. 13: *nec recipiat meretricem publicam seu mancipam...*

«бордель у ворот»⁹⁵. Сближение понятий «девочка» и «девка» вряд ли кого-то удивит: средневековые представления на этот счет немногим отличались от современных. Достаточно сказать, что, когда в средневековом французском городе какая-то улица называлась улицей «девиц», это было ясное указание на расположенные здесь публичные дома, но никак не на наличие женского монастыря; в противном случае улица была бы известна как *Rue des desmoiselles*⁹⁶. То, что слово *mancira* распространилось на проституток, понятно вдвойне: речь шла о девицах, притом работающих за деньги. Любопытно, что это сближение не было повсеместным. В Каталонии слово *massira* означало девицу и служанку⁹⁷, но никогда — потаскушку или уличную женщину⁹⁸, тогда как в Арагоне, Кастилии и Португалии оно употреблялось во всех трех смыслах, а также в значениях: конкубина, любовница, сожительница, содержанка⁹⁹. Сходная ситуация имела место в Валенсии, куда это слово попало, видимо, из Кастилии или Арагона, притом уже в конце средневековья¹⁰⁰. Более того, здесь на его основе возникло слово *mancebia*, означавшее

⁹⁵ *Dénombrement general des maisons de la vicomté de Béarn en 1385 par ordre de Gaston Fébus*. Réd. par P. Raymond. Pau, 2000. P. 77.

⁹⁶ *Rue des filles* существуют до наших дней в Клеле, Лане, Монсе, в Париже есть *Rue des fillettes*. *Rues des desmoiselles* можно найти даже в самых маленьких городках, например, в Иль-де-Франсе — в Виль-Сен-Жак, Граншюи-Байи-Карруа, Лонгвилле, Сент-Коломб.

⁹⁷ *Sant Vicent Ferrer. Sermons*. Barcelona, 1975, vol. III. № LXXIX: *Volries que ton proïsme se acostas a ta muller ne a ta filla ne mancira?* Ср.: *Vinyoles i Vidal T.-M. La vida quotidiana a Barcelona vers 1400*. Barcelona, 1986. P. 141.

⁹⁸ О проституции в средневековой Каталонии см.: *Vinyoles M.-Th. Unes notes sobre les marginades a Barcelona als segles XIV i XV // Acta historica et archaeologica mediaevalia*, 1981. Vol. II. P. 107–132; *Sabaté F. Evolució i expressió de la sexualitat medieval // Anuario de Estudios Medievales*, 1993. Vol. 23. P. 163–195.

⁹⁹ В Арагоне в XIV в. доминирующим было значение «служанка», в XV в. на первое место вышли значения «конкубина» и «любовница», но так называли и проститутку, имеющую сутенера. См.: *García Herrero M. C. Las mancebas en Aragón a fines de la Edad Media // García Herrero M. C. Del nacer y el vivir. Fragmentos para una historia de la vida en la Baja Edad Media*. Zaragoza, 2005. P. 177–197; eadem. *El mundo de la prostitución en las ciudades bajomedievales // Ibidem*. P. 311–352.

¹⁰⁰ *Carboneres M. La mancebia de Valencia*. Imp. De El Mercantil, 1876; *Carmen Peris M. La prostitución valenciana en la segunda mitad del siglo XIV // Revista*

саму проституцию, также публичный дом и квартал красных фонарей, а в переносном смысле, по крайней мере в португальском — также «ребячество», «выходку», «проделку»¹⁰¹. В этих значениях слова *manceba* и *mancebia* существуют и в наши дни. Не приходится удивляться, что слово *manceira* (*manceba*) не употреблялось как личное имя. Женщина могла, конечно, носить фамильное имя этого корня¹⁰², но личное — никогда. Это относится и к Каталонии и может в известной мере скорректировать тезис о том, что в этой стране слово *manceira* не применялось к девицам легкого поведения.

На ум приходят также кастильские, португальские и арагонские *mancebos*. Они упоминаются преимущественно в фуэрос (в латиноязычных — в форме *manceirium*), изредка также в нарративных текстах, в грамотах же крайне редко — по той же, надо полагать, причине, что и в Южной Франции и Каталонии. Фуэрос содержат наиболее систематические сведения о *mancebos*, однако с этой точки зрения почти не изучены. Специалисты, конечно, знают, кто это, но не более того. Испанские коллеги, с которыми я говорил об этом, лишь разводят руками. Единственное известное мне исследование этой социальной группы, выполненное на материале фуэрос семейства Куэнки, принадлежит покойному С. Д. Червонову. Он установил, что этот термин обозначает одну из категорий наемных работников, занятых главным образом в сельском хозяйстве, прежде всего в скотоводстве¹⁰³, и нанимающихся на длительный срок, обычно на год. *Мансебос* — свободные люди; их статус регулируется городским законодательством,

d'història medieval, 1990. Vol. I. P. 179–200; Narbona R. Pueblo, poder y sexo: València medieval (1306–1420). València, 1992; Molina A. L. Mujeres públicas, mujeres secretas. La prostitución y su mundo: siglos XIII–XVII. Murcia, 1998; idem. Estudios sobre la vida cotidiana (ss. XIII–XVI). Murcia, 2003. P. 51–62 (раздел «La mancebia lorquina en la primera mitad del siglo XVI»); Beirante M. A. As mancebias nas cidades medievais portuguesas // O ar da Cidade. Ensaios de História Medieval e Moderna. Lisboa, 2008. P. 7–24.

¹⁰¹ Novo Dicionário da Língua Portuguesa de Francisco Torrinha. Porto, 1956. P. 776

¹⁰² Els documents, dels anys 1191–1200, de l'Arxiu Capitular de la Seu d'Urgell. Ed. C. Baraut // Urgellia, 1992–1993. Vol. 11, 1895 (a. 1199): ego Raimunda de Bonmancip.

¹⁰³ В Португалии их иногда называли *mancebos das vacas* — «коровьи парни», т. е. ковбои.

они обладают определенной правоспособностью, входят в городское ополчение, могут владеть недвижимостью и работают на условиях вольного найма. Вместе с тем их отношения с нанимателем не исчерпываются сферой производства. Показательно, что в ряде случаев мансебо характеризуется как *vassalus, fidelis* и *panuaguado* (нахлебник). Живет он, как правило, в доме своего господина, в некоторых отношениях приравнен к неполноправным членам фамилии домохозяина и несомненно находится в зависимости от него¹⁰⁴. В известных мне фуэрос других семейств термины мансебо и мансеба чаще всего обозначают юношу и девушку¹⁰⁵, хотя весьма распространены и значения «слуга», «работник»¹⁰⁶. В этом смысле, синонимом слова мансебо служили слова *servent, vasal* и *peon*¹⁰⁷. Фуэрос не позволяют поэтапно проследить эволюцию термина «манципий» от обозначения раба к обозначению человека, работающего на условиях феодального найма, но преемственность достаточно очевидна.

Некоторые из этих значений, особенно «парень», «холостяк», «слуга» и, соответственно, «девушка», «подружка», «служанка» сохранились

¹⁰⁴ Червонов С. Д. Испанский средневековый город. М., 2005. С. 100–105.

¹⁰⁵ См., например: *Los Fueros de Sepulveda. Edición crítica y apéndice documental* par E. Saez. Segovia, 1953, § 235: *Toda muger mala que denostare a bon ombre o a bona muger o bona manceba*; *El Fuero de Jaca. Edición crítica* de M. Molho. Zaragoza, 1964, B 250: *Si algun omne forca puncela en bosc o en desert loc, ades se den grafinar la cara la mancipa.*

¹⁰⁶ *Fuero de Calatayud* // Muñez y Romero T. *Collección de fueros municipales y cartas...* Madrid, 1847, T. 1. P. 465: *si mancipio qui estat ad soldada mataverit homine...*; *Los Fueros de la Novanera. Publ. G. Tilander.* Uppsala, 1951, § 42: *De mancebo a de manceba asoldados*; § 52: *De mancebo o manceba que fuz furto a su sennor*; § 215: *De mancebo cómo puede leissar a su sennor.* Сходная ситуация в португальских фораах. См., например, *Foral de Evora, segundo o modelo de Avila (a. 1166)* // *Documentos medievais portugueses.* Lisboa, 1958. T. 1. P. 372: *Mancebo qui mactaret hominem foras uille et fugerit suo amo non pectet homicidio.*

¹⁰⁷ *El Fuero de Jaca*, A 156: *De sirvent que demanda soldada e l synnor nega*; A 285: *De vasal, co est de sirvent qui esta a soldada ab altr'om*; A 36, 154, 156; *Fuero de Úbeda. Edición y notas* de J.Gutiéro Cuadrado. Valencia, 1979, § XCI: *Mando que los peones logados labren fasta que tengan la campana de los labradores de Santa Maria.* Ср.: *Vicens Vives J. Historia social y económica de España y América.* Barcelona, 1979. T. II. P. 192–194.

в южнороманских языках до Нового времени и даже до наших дней¹⁰⁸. Значения «шлюха», «проститутка» закрепились только в испанском и португальском. Итальянский знает лишь значение «слуга»¹⁰⁹; не исключено, что мы имеем дело с провансальским влиянием (на что как будто указывает процитированное стихотворение Персиваля Дориа) и даже с поздним заимствованием из испанского. Современный французский это слово не знает, хотя в средние века французы его употребляли, вероятно, заимствовав из провансальского и понимая под ним парня и слугу. В каталонском, арагонском и кастильском *masip de botica*, *mancebo de bodega* до сих пор означает помощника аптекаря, реже — служащего в другом торговом заведении¹¹⁰. В отдельных диалектах встречаются и более специальные значения. Так, в районе г. Блеса, что в провинции Теруэль, так могут назвать парикмахера¹¹¹. В португальском *mancebo* означает, как и в старые времена, пастуха, а *manceba*, помимо всего прочего, еще и молодую жену¹¹², но чаще так

¹⁰⁸ См.: Pauli I. «Enfant», «garçon», “filles” dans les langues romanes. Lund, 1919. P. 137–139. Ср.: Raynouard F. *Lexique roman ou dictionnaire de la langue des troubadours*. Paris, 1844. Т. 4. P. 142; Honnorat S.-J. *Dictionnaire provençal-français ou dictionnaire de la langue d’Oc*. Vol. I–III. Digne, 1847 (réimpr.: Genève, 1971). Vol. II. P. 580; Mistral F. *Lou tresor dóu felibrige*. Aix-en-Provence, 1876. Т. II. P. 261–262; Godefroy F. *Dictionnaire de l’ancien français et de tous ses dialectes du IX au XV siècle*. Paris, 1888. Т. 5. P. 136–137; Levy E. *Provenzalisches Supplement-Wörterbuch*. Leipzig, 1907. Bd. 5, S. 84–85; Alcover A. M. *Diccionari català-valencià-balear*. Palma de Mallorca, 1977. Т. VII. P. 104; Palay S. *Dictionnaire du Béarnois et du Gascon Modernes (bassin Aquitain)*. Paris, 1980. P. 631, 651; Coromines J. *Diccionari etimològic i complementari de la llengua catalana*, vol. V. Barcelona, 1985. P. 347–349.

¹⁰⁹ Bataglia S. *Grande dizionario della lingua italiana*. Torino, 1975. Т. IX. P. 613: “Mancipio — chi si trova in condizione di servitu, in senso generico: servitore, domestico, dipendente, subalterno».

¹¹⁰ См.: Mateos Royo J. A. *Jornaleros y mancebos: identidad, organización y conflicto en los trabajadores del Antiguo Régimen*. Barcelona, 2002; Jordi González R. *Collectanea de “speciers”*: mancebos boticarios, boticarios, farmacéuticos practicantes de farmacia y farmacéuticos en Cataluña (1207–1997). Barcelona, 2003.

¹¹¹ Moneya y Puyol J. *Vocabulario de Aragón*. Zaragoza, 2004. P. 309.

¹¹² Santa Rosa de Viterbo J. de. *Elucidário das palavras, termos e frases que em Portugal antigamente se usaram e que hoje regularmente se ignoram*. Edição crítica por M. Fiúza. Porto, 1966. Vol. 2. P. 381.

говорят о волонтерах обоего пола, поступивших на службу в армию. Как и приведенные выше абстрактные значения слова *mansebia*, эти значения, естественно, являются вторичными, но все же вполне объяснимыми производными от базовых. В этом смысле старопровансальский и старофранцузский языки дали примеры еще более причудливого его переосмысления¹¹³.

Когда же произошла трансформация термина *mançirium*, в результате которой он утратил значение «раб»?

На помощь приходит ономастика. Как уже отмечалось, первое свидетельство об имени *Mançir* приходится на 1035 г. Очевидно, однако, что переосмысление слова наверняка произошло существенно раньше, чем оно нашло отражение в текстах, написанных на уже мертвом языке и избылующем устоявшимися формулами. Есть основания полагать, что в разговорном языке это слово бытовало задолго до сер. XI в. Во всяком случае, имя *Bonusfilius* встречается в лангедокских, каталонских и провансальских грамотах уже с X в.¹¹⁴, причем не только как добавочное, но и как единственное имя, упомянутое в документе¹¹⁵. Несколько позже появляется, по сути,

¹¹³ См., например: Paterson L. M. *The World of the Troubadours*... P. 286: In his "Surgery" Raimon of Avignon <автор начала XIII в. — И. Ф.> often refers to an adult patient as a "mançir" or "poor fellow", т. е. «бедняга»; *La Curne de Sainte-Palaye. Dictionnaire historique de l'Ancien language françois*... T. VII. P. 258, со ссылкой на автора XVI в.: *Ainsy a esté la noble maison de saint George destruite et mançirée* — иначе говоря, «обездолен».

¹¹⁴ Антропоним зафиксирован в: *Lérins*, I, 249 (а. 828): *instante*... *Bonefilio*, но эта грамота является фальшивкой XI в., и по крайней мере ее протокол, содержащий имя *Bonefilio*, был сочинен без опоры на подлинные документы. См.: *Février P.-A. La donation faite à Lérins par le comte Leibulf* // *Provence historique*, 1956. T. VI. P. 23–33.

¹¹⁵ Первые известные мне случаи: *Marca P. de Marca Hispanica sive limes hispanicus*. Paris, 1688, 84 (а. 947): *Miro Bonfill*; *Cartulaire de l'Evêché d'Agde*. BNF, ms. lat. 9999, № 8 (а. 958): *Pontius qui vocatur Bonfilius*; *Marseille*, 170 (а. 973 vel 974, Avignon): *Bonfilius vicarius firmavit*; *HGL*, V, 127 (а. 977, Narbonne): *Signum Aialberti Romani qui Bonusfilius vocatur*; *Abadal i de Vinyals R. d'. Com neix i com creix un gran monestir pirinenc abans de l'any mil* // *Analecta Monserratensia*, 1954-1958. Vol. VIII. P. 125–337 (собрание грамот руссийонского монастыря Эшалада-Куша), 103 (а. 979): *ego Bonefilius*; *Marseille*, 1042 (а. 979, Arles): *Bonfilius judex*; 104 (а. 980): *ego*

тождественное ему, но более редкое имя *Bonus Puer*¹¹⁶. Начиная с IX–X вв. известны антропонимы типа: *Juvenis*¹¹⁷, *Junior*¹¹⁸, *Filiol*¹¹⁹. Зарегистрированы и другие, менее распространенные прозвища этого ряда: *Adolescens*¹²⁰,

Altemirus quem vocant Bonofilium; HGL, V, 141 (a. 987, Cardonne): *Signum Ennego que vocant Bonofilio*; Chantelou Cl. Histoire de l'abbaye de Montmajour. Ed. par baron du Roure // Revue d'histoire de Provence. T. 1, 1890–1891 (далее — Montmajour). P. 72 (a. 991): *Signum Bonfilium*; Cais de Pierlas E., Saige G. Chartrier de S. Pons de Nice. Monaco, 1903, 2 (a. 1004): *Bonfilium et uxore sua*; HGL, V, 164 (ca. 1005, Narbonne): *alodem de Madiano quem comparavi de Bonifilio*, etc.

¹¹⁶ См., например: La Grasse, II, 80 (a. 1201); AD Pyrénées-Orientales, B 59 (Liasse), 11 (a. 1203): *concede tibi Petro Bono Puero filio Johannis Peregrini*.

¹¹⁷ Montmajour, P. 37 (a. 952 vel 953): *Pontius juvenis firmavit*; P. 38 (a. 961); P. 60 (a. 981?): *ex donatione senioris nostri domni Pontii juvenis et uxoris suae Profectae et ipsorum filio domno Ugone*; Marseille, 169 (a. 1000, Avignon): *Poncius Juvenis et filius suus Jوسفredus firmat*; Lérins, I, 149 (a. 1032): *Rostagnus juvenis*; Marseille, 775 (ca. 1043): *mansum qui fuit de Durando Juvene*; 288 (a. 1048–1060): *Rotbaldus de Albania et uxor sua et filii sui, et alter Rotbaldus Juvenis et uxor sua et filii sui*; Lérins, I, 123 (a. 1056): *Raimbaldus juvenis*; Montmajour, P. 136 (s. XI): *testes ... Jوسفredus, filius Poncii Juvenis*; Lézat, 1166 (a. 1130–1137); Gellone, 538 (a. 1170): *in testimonio ... Bernardi Gervasii juvenis*; Agde, 412 (a. 1202): *ego Sibnida, uxor de Olergio juvenis*.

¹¹⁸ Cartulaire du chapitre de l'église cathédrale Notre Dame de Nîmes (834–1155). Publ. E. Germer-Durand. Nîmes, 1874 (далее — Nîmes), 153 (a. 1077): *Sicfredus junior*; Cartulaire de l'ancienne cathédrale de Nice. Ed. E. Cais de Pierlas. Turin, 1888, 32 (a. 1154): *Raimondo Raimaldi iunior*; Agde, 250 (a. 1157): *in praesentia Petri de Moneclaro junioris*; Aniane, 184 (a. 1174); Maguelone, 172 (a. 1180): *Guiraldus de Belloloco junior*; 185 (a. 1184): *pro alodio libero Petrus Petri junior*; Lérins, I, 290 (a. 1208): *Stephano Juniore*; Agde, 415 (a. 1231); 372 (a. 1232). Ср.: Montmajour, P. 57 (a. 979): *Pontius maior firmavit*; Lérins, I, 69 (a. 1046–1066): *Poncius Arbertus vetus*; 31 (s. XI): *Landricus senior*.

¹¹⁹ Marquès i Planagumà J. M. El cartoral de Sta. Maria de Roses (segles X–XIII). Barcelona, 1986, 34 (a. 1050): *Mir Filol*; Recueil des chartes de l'abbaye de la Grasse. Publié par E. Magnou-Nortier et A.-M. Magnou. T. I. Paris, 1996, 112 (a. 1068–1081): *Stephanus Filiol*; Marseille, 450 (s. XI, Toulon): *mansum de Pontio Filiol*; Maguelone, 153 (a. 1171): *Petrus Filioli*; Avignon, 129 (a. 1187): *Pontius Filiolus*; Bonnefont, 282 (a. 1231): *Filol*.

¹²⁰ Lézat, 137 (a. 1060–1107): *Adolesens rogatus scripsit*.

Infans¹²¹, Juvenior¹²², Juvenis Homo¹²³, Minor¹²⁴, Minimus¹²⁵, Parvulus¹²⁶, Puellus¹²⁷ и т. д. Перед нами очевидные следы поисков адекватного обозначения младших тезок в семье¹²⁸.

Один и тот же человек мог быть назван разными прозвищами этого типа¹²⁹. Иногда это дополнительный антропоним, уточняющий, о ком именно из многочисленных тезок в одной и той же семье идет речь; например, виконт Марсея Гильом III часто именуется *Willelmus Juvenis*¹³⁰. Но случается, что такой антропоним употребляется сам по себе, без упоминания христианского имени¹³¹. Допустимо предположить, что и в IX–X вв. эти имена, или прозвища, звучали в живой речи как Мансир. Этому нет доказательства, но эта гипотеза позволила бы объяснить тот факт, что вплоть

¹²¹ Lérins, I, 157 (a. 1029): *uxor mea Bonafanta*; Montmajour, P. 94 (in. s. XI): *Herbertus infans firmat*; P. 166 (s. XI): Nice, 16 (ca. 1078): *Bonfant*; Maguelone, 110 (a. 1161): *quod Latget Infans de Piniano, pater Raimundi Guillelmi, fecerat*; 123 (a. 1165): *Bonus Infans*.

¹²² HGL, V, 66 (a. 936): *Rotbertus vicecomes, itemque Rotbertus juvenior*.

¹²³ Lérins, I, 320 (ca. 1080): *Petrus Juvenis Homo*.

¹²⁴ Marseille, 418 (ca. 1025): *Bonifacii ipsius patri Bonifacii minoris... filii ejusdem Bonifacii majoris*; Agde, 317 (a. 996–1031): *Stephano minore*; Nice, 61 (ca. 1150): *Guillelmus Marinus minor*; Maguelone, 124 (a. 1165): *Raimundus de Castriis major, Raimundus de Castriis minor*.

¹²⁵ Apt, 71 (a. 1035): *ego Petrus et frater meus Guarnaldus... Petrus Guarnaldi filius atque Guarnaldus minimus*.

¹²⁶ Nimes, 182 (a. 1095–1097): *Odolricus Parvulus*.

¹²⁷ Béziers, 74 (post a. 1067): *fuit factum in presentia... Guillelmi Gaucelmi pueri*; Gellone, 157 (a. 1122): *donum quod fecit Ugo Puellus ex omni alode suo*.

¹²⁸ В этом смысле особенно любопытна следующая грамота: *El monestir de Sant Llorenç del Munt sobre Terrassa. Diplomatarium dels segles X i XI*. Ed. P. Puig i Ustrell. Barcelona, 1995, 138 (a. 1011): *cartas de terra quod mihi fecit Raimundus comes et uxori sue et Bonifacii prolis Senderedi et Senderedi que dicitur Juvenis*. Слова *prolis Senderedi* вписаны над строкой.

¹²⁹ Maguelone, 175 (a. 1181): *Raimundus de Castriis junior*; 189 (ante a. 1182): *Raimundus de Castriis minor*. Ср.: 124 (a. 1165).

¹³⁰ Montmajour, P. 168 (a. 1045): *Willelmus maior firmavit. Willelmus juvenis firmavit*. Ср.: Marseille, 381 (a. 1039); 289 (ca. 1050); 119 a. 1065), etc.

¹³¹ Ср.: Marseille, 977 (a. 1202): *magister Guido Juvenis*; 997 (a. 1218): *ego magister Juvenis, domini G. Ade... et domine Mabilie notarius*.

до XI в. писцы воздерживались от использования этого термина: ведь вокруг все еще были люди, чей социальный статус характеризовался словом *manscipium*.

Грамоты достаточно точно зафиксировали время отмирания рабства как юридического состояния. К сожалению, они по большей части умалчивают о том, что у рабства была еще своего рода «жизнь после смерти», и не только в лице заморских невольниц и невольников, но и в лице тех ускользающих от исследователя работников, которые, будучи в правовом отношении свободными, и по происхождению, и по экономической роли, и даже по реальному социальному положению мало чем отличались от рабов. В самом деле, откуда взялись *mercennarii*, появляющиеся в грамотах и других источниках с середины XI в.¹³²? Слишком схематично было бы считать их бывшими крестьянами, тем более, что существование наемных работников зафиксировано во многих памятниках докарolingского периода, в том числе в Вестготской правде¹³³, у Иоанна Кассиана¹³⁴, Сидония¹³⁵, Цезария¹³⁶. В это время в ходу было выражение *mercennarius cotidianus*¹³⁷, которое соблазни-

¹³² Sant Cugat, 553 (a. 1040); Marseille, 676 (ca. 1050): in tali convenientia, quantum sine muliere stetit, quod illi vestimentum donent, sicut dederint ad alios mercennarios, et si melius, melius.

¹³³ Lex Vis., IX.1.11: Si servus ingenuum se esse dicat et apud quemlibet fuerit inmoratus sub certa conditione mercedis, si inveniatur a domino, non potest tamquam reus teneri, qui nesciens fugitivum mercennarii loco suscepit (ср.: CJ VI.1.4); XI.3.3–4; XII.2.14; Isidorus Hispalensis. Etymologiae, 9.4.30: mercennarii sunt qui serviunt accepta mercede.

¹³⁴ Johannes Cassianus. Conlationes, XXIV.13: tonsor (наемный цирюльник).

¹³⁵ Sidonius Apollinarius. Epistulae, 2.8.2: quam si non satis improbas, ceteris epigrammatum meorum voluminibus applicandam mercennarius bybliopola suscipet.

¹³⁶ Caesarius Arelatensis. Sermones, 6.2: novimus enim aliquos negotiatores qui cum litteras non noverint requirunt sibi mercennarios litteratos.

¹³⁷ Ambrosius Mediolanensis. De interpellatione Iob et David, 1.2.5: Nonne temptamentum ista vita hominis in terra et sicut mercennarii cottidiani vita ejus aut sicut famulus timens dominum suum, qui se sub umbra optegat aut sicut mercennarius expectans mercedem suam; idem. Exhortatio virginitatis, 3.16: mercennarii quotidiani; Augustinus Hipponensis. Adnotationes in Job, 7: cottidiani mercennarii.

тельно соотнести с терминами *cotidianus* и *servus cotidianus*, известными по Марсельскому и Фульдскому полиптику, некоторым другим раннесредневековым источникам¹³⁸.

Вопрос этот изучен плохо, и я ограничусь лишь тем замечанием, что тексты IV–VI вв. сближают понятия «раб» и «наемный работник»¹³⁹. Это характерно и для авторов каролингского времени, в частности Агобарда Лионского, писавшего в данном случае об Арле¹⁴⁰. Для такого сближения были, по крайней мере, две веские причины: во-первых, наемными работниками часто были именно рабы, занятые в чужом хозяйстве; во-вторых, с точки зрения полноценных граждан, их объединяло, говоря сухим языком политэкономии, отсутствие средств производства, делавшее их уязвимыми даже по отношению к колонам и другим зависимым людям, у которых все-таки, в каком-то смысле слова, была «своя» земля. Отношение к наемным работникам было, в целом, уничижительным¹⁴¹. Впрочем, развивая мысль, изложенную в Левиге, некоторые авторы рисуют образ наемного работника в более светлых тонах¹⁴².

¹³⁸ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 521–522.

¹³⁹ Eusebius Gallicanus. *Collectio homiliarum*, 42: *non exspectamus, ad obsequia Domini nostri, mercenariorum et servorum more, compelli; Lex Vis., XII.2.14: nulli Hebreo... christianum liberum vel servum mancipium in patrocinio vel servitio suo habere, nullum ex his mercennariorum nullumque sub quolibet titulo sibimet adherentem hec divalis sanctio fore permittit.*

¹⁴⁰ Agobardus Lugdunensis. *De cavendo convictu et societate iudaica*, 31: *plereque mulierculae ancillarum iurae, aliae ab ipsis velud mercennariae detinentur; idem. De insolentia Iudaeorum*, 65: *nisi qui praedicavimus christianis ut mancipia eis christiana non venderent, ut ipsos Iudaeos christianis vendere ad Hyspanias non permetterent, nec mercennarios domesticos habere.*

¹⁴¹ См.: Ambrosius Mediolanensis. In *Psalmis*, 118.22: *veni sine malis operariis, veni sine mercenario; Hieronymus. Commentarii in Isaiam*, 6.16.14: *et qui non est pastor, cuius non sunt oves, cum viderit luporum venientem, fugit, quia mercenarius est et oves ad eum non pertinent; idem. Commentarii in Ezechielem*, 8.27; Augustinus Hipponensis. *Sermones*, 137: *pastores sumus non mercenarii; 138; 251: docet bona, agit mala: necessarius est, mercenarius est; 252; 259 (аллюзии к: Jo 10.12–13); Ruricius Lemovicensis. Epistulae*, II.6: *de custodia sollicitudo, non de persuasione contentio, ne mercennariorum subeant notam, dum pastorum non tenent disciplinam; Avitus Viennensis. Homiliae*, XVI.2.

¹⁴² *Lv 25.39–40: si paupertate compulsus vendiderit se tibi frater tuus, non eum opprimes servitute famulorum, sed quasi mercenarius et colonus erit, usque ad*

В средневековые сведения о наемных работниках (*mercennarii, operarii* — второй термин более многозначен) редки, так как правоотношения, возникающие между ними и их нанимателем, с трудом могли быть зарегистрированы в документах того рода, что донесла до нас изучаемая эпоха. В отличие от рабов, они не могли быть объектами сделок; в силу своего социального положения, редко свидетельствовали по сделкам других (или же их статус при этом не отмечался)¹⁴³; в то же время, контракты найма, где они сами выступали бы стороной в интересующем нас качестве, по-видимому, редко оформлялись письменно или же не сохранились — в дошедших до нас документальных собраниях есть лишь следы таких контрактов. Более или менее регулярными они становятся только с XIII в.¹⁴⁴ Реальность и важность правоотношений этого типа подтверждается нормативными источниками этой эпохи¹⁴⁵. Однако уже с X в. встречаются упоминания об *operarii*, чаще все-

annum jubileum operabitur apud te. Ср.: Johannes Cassianus. *Conlationes*, II, 7, 9, 12.

¹⁴³ Первые известные мне случаи: Boyer R. *La Chartreuse de Montrieux aux XII et XIII siècles*. Marseille, 1980, 135 (a. 1179); 64 (a. 1204).

¹⁴⁴ Guillaume P. *Chartes de Durbon*. Montreuil-sur-Mer, 1893, 271 (a. 1204): *ego Amadeus, prior... constituo etiam ut nullo futuro tempore, per clericum vel conversum vel quacumque personam, mercennariam sive aliam, ad nos vel successores nostros pertinentem, domus Durbonensis ledatur in pascuis, nemoribus, agris*; 279 (a. 1205): *fratres istarum domuum vel earum familie non debent mercennarios suos sibi subtrahere vel corrumpere*; *Cartulaire de l'abbaye de Bonneval*. Ed. P.-A. Verlaguet. Rodez, 1938, 135 (a. 1216): *statuimus, ut nunquam in Ruthenensis diocesi familia eorum compensum sive comune persolvere cogantur, excepto quod pastores eorum mercenarii habent de animalibus suis tantum persolvere preter XXX oves et V vaccas, de quibus non dabunt compensum cum earum custodia transierit in rationem mercedis ex pacto; preterea de animalibus parciariis non dabant pro parte sua compensum, set pro parte que contingit extraneos persolvetur*; *Bonnecombe*, 206 (a. 1229): *herbas meas cum ingressibus et aquas meas et ligna ad usus vestros et animalium vestrorum, peccorum et jumentorum atque mercenariorum*; *Bonneval*, 220 (a. 1283): *agriculturam vel vineas non fieri per fratres conversos seu familiares Bonnevallis vel mercenarios propriis eorum manibus vel sumptibus*.

¹⁴⁵ См., например: Bondurand E. *Les Coutumes de Saint-Gilles (XII–XIV siècles)*. Paris, 1915, I.18: *similiter [potest] dominus de suburbanis et rusticis prediis colonos mercenarios et [totam] familiam expellere, et totam agriculturam impedire*.

го строителях или виноградарях, отличаемых от обычных держателей¹⁴⁶; то, что они могут быть также держателями (этого или другого сеньора), в данном случае несущественно: важен сам факт использования наемного труда.

В ряде грамот существование господского хозяйства, основанного на труде не крестьян-держателей, а наемных работников, лишь подразумевается. Отмечу упоминания большого количества скота в завещаниях далеко не самых крупных сеньоров, особенно сообщения о стадах господского скота, перегоняемых с одних пастбищ на другие. Источники обычно умалчивают о том, кто должен был за ними присматривать, но сам характер работ, необходимых при перегонном скотоводстве, и размеры господских стад, достигавших иногда тысяч голов, делают маловероятным привлечение с этой целью крестьян-держателей. С другой стороны, непосредственные производители фигурируют в документах этого времени (и грамотах, и описях) главным образом в силу своего участия в поземельных отношениях. Отношения сеньора с не имеющими своей земли рабами или с наемными работниками могли получить ясное отражение в источниках либо при каких-то особых обстоятельствах, например, в случае отпуска раба на волю, либо в тот момент, когда эти люди превращались в держателей.

Так возникает заколдованный круг, выйти из которого удастся только с появлением в XII–XIII столетиях документации нового типа, фиксирующей уже не только переход земли из рук в руки, ее наличие и держащих ее зависимых людей, но также расходы, в том числе жалованье наемным работникам¹⁴⁷. Этим же временем датируются древнейшие городские и областные статуты, а также подробные судебные протоколы и нарративные тек-

¹⁴⁶ Béziers, 39 (a. 977): *in tale advenit pactum deliberationis, usque dum ipsa ecclesia totum sit facta atque cooperta, usum et fructum ita habeant ipsi operarii pro mercede laboris*; Marseille, 665 (a. 1040–1080, Avignon): *accipiebant homines mei de vineis supradicti sancti, pro custodiis que vulgo gardias dicunt, contra morem, quantum illis videbatur; sed et de villanis qui habitant in ipsa villa sancti consuetudines malas accipiebant.*

¹⁴⁷ Предвестником такой документации можно считать клюнийскую ренталь 1155 г. (Cluny, 4143), составленную жившим тогда в Клюни братом английского короля Стефана винчестерским епископом Генрихом. Составитель взял за образец английские описи, фиксировавшие, в отличие от континентальных, не столько владения вотчинника и живущих в них людей, сколько источники его доходов и статьи расходов. См.: Duby G. *Hommes et structures*. Paris; La Haye, 1973. P. 61–103.

сты городского происхождения, в которых неимущий люд, вынужденный продавать свой труд, получил наконец более адекватное отражение. Применительно к более раннему времени, из-за состояния источников, мы можем судить об этих процессах главным образом по косвенным данным, в лучшем случае — по случайным упоминаниям и обмолвкам вроде тех, что послужили материалом для данной статьи. Хотелось бы надеяться, что он все же позволит определить основные вехи этого процесса и составить некоторое представление о прямой трансформации рабства в наемный труд — в том виде, в каком он мог существовать в ту эпоху.

**SKÖR JARPR «ТЕМНЫЕ ВОЛОСЫ»,
JARPSKAMMR «ТЕМНЫЙ ЗАМОРЫШ»:
ЦВЕТОВЫЕ АТРИБУТЫ ИНОРОДЦЕВ В КОНТЕКСТЕ
ЭДДИЧЕСКИХ «РЕЧЕЙ ХАМДИРА»**

**1. Древнеисландские обозначения коричневого цвета
brúnn и *jarpr***

В древнеисландском языке мы находим два обозначения коричневого цвета, весьма близкие по цветовому фокусу и несколько расходящиеся по денотативной отнесенности: *brúnn* и *jarpr*. Прилагательное *brúnn* встречается как атрибут человеческих волос, лошадей, одежда, доспехов, оружия и цветов [Wolf 2006: 184]. По мнению К. Вольф, именно прилагательное *brúnn* является в древнеисландском языке «основным» обозначением¹ коричневого цвета: *jarpr*, второе фокусное обозначение «коричневого», имея предельно узкую сочетаемость, описывает главным образом цвет человеческих волос и, значительно реже (преимущественно в поздних текстах), масть лошадей (ср. имена коня *Jarpr* «Гнедой» и кобылы *Jörp* «Гнедая») [Ibid.].

Особым образом обстоит дело с обозначениями коричневого цвета в языке «Старшей Эдды». Притом, что в древнеисландской прозе цветообозначение *brúnn* имеет широкое хождение, его следует рассматривать как явление, нехарактерное для цветового лексикона «Эдды». Вместе с тем, *jarpr*, хотя и до крайности специализированный термин, занимает в языке «Эдды» куда более прочные позиции. Существенно, что *brúnn* встречается в «Эдде» лишь однажды, в атрибутивном комплексе *brúnn bera* «бурая медведица» (Gecc brúnni / bero hold steikia... «Жарил бурой / медведицы мясо ...» [Vkv. 9]), причем слово *bera* «медведица» также не употребляется ни в одной другой песни. Имена медведя (др. исл. *björn* «медведь», *bera* «медведица»), как показывает Я. де Фрис, в германских языках сродни обозначениям коричневого цвета (др. исл. *brúnn*). Слова из и.-е. **bher*

¹ О теории «основных цветообозначений» (basic color terms) см.: Berlin, Brent and Paul Kay. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

служили, по-видимому, для описания наружности диких зверей, и др.-исл. *brúnn* передавало изначально информацию о цвете зверя [Vries 1961: 41]. Это имя цвета, вероятнее всего, было образовано путем отвлечения признака от предмета, его воплощающего, и в дистрибуции этой лексемы проявляется отчетливая связь с «прототипическим» денотатом (дикий зверь). В атрибутивном комплексе *brúnn bera* «бурая медведица» этимологическая связь слов подкрепляется аллитерацией, что свидетельствует об устойчивости данного сочетания.

Существенно иную роль в сравнении с *brúnn* играет в эддических песнях прилагательное *jarpr*. Согласно этимологическим данным, цветообозначение *jarpr* «коричневый» родственно именам следующих зверей и птиц: *jarpi* «рябчик» ('nach der dunkelrötlichen farbe benannt' [Vries 1961: 291]; очевидно, вторичное образование уже от *jarpr*), *jerfr* «росомаха» ('das braune Tier' [Vries 1961: 292]), *refr* «лиса», *rá* «газель», *arfr* «бык» (также собирательное обозначение крупного рогатого скота) [Vries 1961: 291]. Есть основания предполагать, что в рассматриваемом случае, как и в случае с цветообозначением *brúnn*, имя цвета было образовано от имени материального объекта-прототипа (дикий зверь), и признак цвета в означаемом этой лексеме был отвлечен от других признаков денотата. Однако слово, описывавшее первоначально цвет звериной шерсти, было позднее применено к человеческим волосам. В «Эдде» *jarpr* употребляется почти исключительно для описания цвета волос персонажей (Gkv. II 19; Ндм. 20) и служит для индикации их иноземного (южного) происхождения, т.е. играет роль «эпитета чужеземца». Связь темного цвета волос с чужеземным происхождением денотата не мотивирована тем, что само цветообозначение могло быть отвлечено от имени дикого зверя, быка, козули, лошади, любого другого копытного. Присутствие признака «чужеродности денотата» в означаемом *jarpr* можно объяснить только тем, что некоторая культурная реалья нашла отражение в героическом предании «Эдды», и в последующем соответствующая информация в качестве нового семантического пласта была наложена на общезыковое значение *jarpr* при его трансформации в единицу поэтического языка.

2. Цветовой эпитет *jarpr* как средство реализации оппозиции «свой» — «чужой» в героических песнях «Эдды»

Цветообозначение *jarpr*, как представляется наиболее вероятным, служит в «Эдде» средством выражения одного из ключевых для героического

мира противопоставлений. В Gkv. II так говорится о наружности посланцев гуннского конунга Атли: *Valdarr Dönom / með Iarizleifi, // Eymóðr þriði / með Iarizkári // inn gengo þá / iöfrom líkir, // Langbarz liðar, / höfðo loða rauða, // skreyttar brynior, / steypþa hialma, // skálmom gyðoir, / höfðo skarar iarpar* «Вальдар датский, / и Ярицлейв с ним, // Эймод третий, / а с ними и Ярицкар // в палату вошли, / подобны князьям, // Лангбарда воины, / в красных плащах, // кольчуги их в золоте, / острые шлемы, // мечи у бедра, / волосы темные» (Gkv. II 19).

М. И. Стеблин-Каменский замечает: «Имена некоторых из персонажей [...] указывают на русско-скандинавские связи XI в. Ярицлейв — это явно Ярослав; Вальдар — возможно, Владимир; Эймод — Эймунд (об одном норвежце с этим именем в так называемой «Эймундовой саге» рассказывается, что он был предводителем варяжской дружины Ярослава Мудрого). Неясно, как эти имена попали в песнь» [Старшая Эдда: 244]. Оставляя за рамками рассуждения вопрос о действительной этнической принадлежности гонцов Атли, скажем, что цветовой эпитет служит здесь вполне определенной цели: вкупе с экзотическими именами, упоминание темных волос (*skarar jarpar*) создает образ «чужого», «пришлого» человека, т. е., в исторических реалиях песней о Гудрун и Атли, южанина². Характеристика внешности *skarar jarpar* «темные волосы» становится во «Второй Песни о Гудрун» одним из средств, позволяющих выстроить оппозицию «свой-чужой», и в других песнях «Эдды» есть примеры тому, как принадлежность субъекта группе «чужих» находит выражение в упоминании темного цвета волос этого субъекта и «черноты» его облика.

Наиболее последовательно оппозиция «свой» — «чужой» выражается при помощи цветových эпитетов в «Речах Хамдира», где некоторые элементы сюжета оттеняются, а во многом и мотивируются несходством генотипов. Историческая основа «Речей Хамдира», одной из древнейших

² Небезынтересно, как Аттила, действительный прототип Атли, и, следовательно, в некотором роде «прототипический гунн», описывается в исторических источниках: «По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения» [Getica: 102]. Как полагают комментаторы Иордана, кожа Аттилы потому отвратительна, что темна [Getica: 306], так что вид южных сватов в Gkv. II до некоторой степени переключается с наиболее ранними представлениями о том, как выглядел жених.

по содержанию героических песней «Эдды», хорошо известна. «Нечасто удается установить источник эддического сюжета с такой точностью, как в данном случае: перед нами героизированная версия исторического события» — пишет о «Речах Хамдира» Я. де Фрис [Vries 1964: 73]. В песни содержится реминисценция о происшествии, датируемом 375 или 376 г., единственное упоминание о котором сохранилось у готского историка VI в. Иордана: «Германарих, король готов, хотя [...] и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Амми, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного» (Getica: 91-92).

При сравнении «Речей Хамдира» с прозаическими источниками, в которых отразился тот же сюжет, обнаруживаются во многом различные «редакции» сказания. В наиболее общем виде, практически не отклоняясь от рассказа Иордана, сюжет «Речей Хамдира» можно представить следующим образом: Братья Сёрли и Хамдир пускаются в путь, чтобы отомстить готскому владыке Ёрмунрекку за постыдную смерть их сестры Сванхильды, растоптанной конями по его распоряжению. Братья наносят Ёрмунрекку тяжкие увечья, так что он едва ли останется жив. Сами же Сёрли и Хамдир погибают в битве с готской дружиной.

Вместе с тем, в «Подстрекательстве Гудрун» и «Речах Хамдира» присутствует загадочный персонаж, заключенный в своего рода «сюжетную петлю», в отношении которого неизвестно, появился он уже на скандинавской почве, присутствовал еще в готской песни (если она когда-либо существовала), или, наконец, был добавлен из гипотетической древневерхненемецкой песни, о которой говорит Я. де Фрис [Vries 1964: 75–76]. В композиции «Речей Хамдира» этот субъект занимает в полном смысле слова промежуточное положение: брат Хамдира и Сёрли отсутствует в зачине песни, к нему не обращается с бранными и распалюющими речами Гудрун; третьего брата нет и в финале, его не побивают камнями готские царедворцы.

Во вводной прозе к «Подстрекательству Гудрун», позднее в сравнении с «Речами Хамдира» песни, братья перечислены в произвольном порядке,

и все трое названы сыновьями Гудрун и Йонакра конунга: þeirra synir vóro þeir Sörli oc Erpr oc Hamðir «Их сыновей звали Сёрли, Эрп и Хамдир». Как сыновья Гудрун представлены они и в «Младшей Эдде» (Sn.E. iii. 39(2))³, и в «Саге о Волсунгах» (Völs. 41). Между прозаическими версиями существует композиционное различие: в рассказе Снорри братья выезжают из отчего дома вместе, и по пути Хамдир и Сёрли лишают жизни Эрпа, тогда как в «Саге о Волсунгах» Эрп встречается двум братьям на дороге.

«Речи Хамдира», песнь, признанная наиболее ранним из исландских источников предания, не предваряется вводным комментарием, из которого бы становилось ясно, кем приходятся друг другу Хамдир, Сёрли и Эрп. Их подлинные отношения раскрываются в одном примечательном эпизоде (строфы 12–15), который стоит рассмотреть в деталях. Братьям Хамдиру и Сёрли встречается на дороге Эрп, и Хамдир замечает: *Hvé mun iarpscammr / oc fultingia?* «<Чем нам поможет / чернявый заморыш?>» (Ндм. 12)⁴. Тот в иносказательном виде предлагает им свою помощь: *Svaraði inn sundrmæðri, / svá qvaz veita mundo // fulting frændom, / sem fótr öðrom* «<Сводный брат отвечал, / обещал такую // поддержку родичам, / какую нога бывает ноге>» (Ндм. 13). Хамдир высказывает сомнение: *Hvat megí fótr / fœti veita, // né holdgróin / hönd annarri?* «<Как может нога / ноге быть в помощь, // длань телесная / длани другой?>» (Ндм. 13). На предложение Эрпа и его неделикатные речи (*Illt er blaudom hal / brautir kenna* «<Не пристало робкому мужу / показывать дорогу>» (Ндм. 14)) братья отвечают оскорблением: *Kóðo harðan mioc / hornung vera* «Сказали, что очень уж смел / ублюдок» (Ндм. 14). Вслед за тем Хамдир и Сёрли расправляются с Эрпом.

По-видимому, мужем робким и женовидным (*blauðr halr*) Эрп называет Хамдира, поскольку именно с ним в основном беседует: из всех актантов в данной сцене Эрп может относить эти обидные слова либо к себе, что маловероятно, либо к собеседнику. Одно оскорбление влечет за собой другое, и существует слабая вероятность того, что слово *hornung* «ублюдок»

³ См. сс. 188–191 в издании Snorri Sturluson. Edda / Udg. af Finnur Jónsson. 2 udg. København, 1966.

⁴ Здесь и далее в угловых скобках представлен дословный или близкий к тексту перевод цитируемых строк, учитывающий существенные особенности оригинала.

употребляется здесь не в прямом, «генеалогическом» значении, а как очередной безосновательный упрек. Есть в этом контексте и собственно термин родства, стоящий вне речей. Прилагательное *sundrmæðr* употребляется для обозначения единокровных братьев и сестер, детей одного отца и разных матерей (антоним — *sammæðr* «дети одной матери»). «Сущностный» эпитет *inn sundrmæðri* в данном случае не оставляет сомнений в том, что Эрп изображен сыном Йонакра конунга вовсе не от Гудрун, а от какой-то другой женщины. Возможно, Эрп в «Речах Хамдира» представлен как сын наложницы, и, таким образом, за словом *hornung* «незаконнорожденный» есть какое-то генеалогическое основание.

Сцена встречи братьев представляет собой цепь оскорблений, своего рода «перебранку», которая оканчивается так, как и следует ожидать в подобных случаях, памятуя примеры «Перебранки Локи» и некоторых саг. Следует принять во внимание, что если в контексте «Речей Хамдира» Эрп не доводится Гудрун сыном, то и логика поступков здесь совершенно иная, чем в версии, представленной в «Младшей Эдде»: «Они <Хамдир и Сёрли> были так сердиты на свою мать за то, что она провожала их с речами, полными ненависти, что им хотелось бы причинить ей наибольшее зло, и они убили Эрпа, потому что она любила его сильнее всех» (Младшая Эдда: 78). В «Младшей Эдде» и в «Речах Хамдира» представлены два характерно-эддических, но принципиально различных мотива: 1. родич убивает родича, чтобы отомстить другому родичу (так поступает Гудрун со своими сыновьями от Атли (Атл. 77–79)); 2. герои ввязываются в перебранку и осыпают друг друга злыми словами вплоть до кровавой развязки (по этой модели выстроена композиция «Перебранки Локи»).

Действия Хамдира и Сёрли вполне согласуются с общим течением их с Эрпом беседы и встраиваются в известную модель «перебранки». Причина конфликта, однако, далеко не так очевидна, как его финал. Ссоре «полубратьев», следовательно, требуется объяснение или, по крайней мере, некоторое дополнительное обоснование. Важно отметить, что на протяжении всего обмена репликами Хамдир и Сёрли выступают в роли агрессоров, оставляя последнее слово за собой, и именно Хамдир и Сёрли обнажают мечи. Они же первыми наносят оскорбление Эрпу, называя его *jarpskammr* «чернявый заморыш». Сложное слово *jarpskammr* сообщает о двух свойствах референта: темном цвете его кожи или волос (*jarpr* «темно-коричневый») и его малом росте или неказистой наружности (*skammr* «маленький, низ-

корослый»). Таким образом, Эрп описан как выраженный носитель «южного» генотипа. Но из этого также следует, что братья противопоставляют себя смутлому родичу, причем, вероятно, на основании того, что сами являются носителями совсем другого генотипа.

Следует отметить, что в вопросах «генетики героического предания», так же как и в нюансах композиции, между «Речами Хамдира» и прозаическими источниками можно наблюдать существенные расхождения. В «Младшей Эдде» рассказ о братьях Сванхильд начинается так: «[...] Гудрун пошла к морю и кинулась в него, чтобы утопиться, но ее отнесло через фьорд к земле, которою правил конунг Йонакр. Увидев ее, он привел ее к себе и женился на ней. У них было трое сыновей: Сёрли, Хамдир и Эрп. У всех у них волосы были черные, как вороново крыло, так же как и у Гуннара, Хёгни и других Нифлунгов (Þeir váru allir svartir sem hrafn á hárs-lit sem Gunnarr ok Högni ok aðrir Niflungar)» (Младшая Эдда: 77).

Гудрун, дочь Гьюки, происходит из Нифлунгов, следовательно, ее волосы тоже должны быть «черны, как вороново крыло». Эта деталь, как может показаться, свидетельствует о том, что в «Языке поэзии» Снорри с большим тщанием воспроизводит «южно-германскую», «бургундскую» версию родословной Нифлунгов. Можно предположить, что Снорри отдает предпочтение, например, «бургундской» генеалогии Нифлунгов, стараясь сохранить некоторое историческое правдоподобие. Однако в этом случае кажется странным следующее: Снорри ведет рассказ, по возможности избегая топонимов и совсем не употребляя этнонимов, то есть предельно схематизируя повествование о Нифлунгах. Вместе с тем, он привлекает внимание к такой характерной детали внешности Нифлунгов, как цвет их волос.

Вполне возможно, что «черные волосы» детей Гьюки — деталь чисто мифопоэтическая, связанная с семантикой имени *Niflungar* от *nifl* «тьма». В «Гренландской Песни об Атли» Нифлунги Гуннар и Хёгни называются *bræðr berhardir* «братья медвежье-ярые» (Акв. 11), и Нифлунги же, по-видимому, в этой песни описываются как «медведи *темношкурые» *birnir blacfiállir* (Акв. 38). В связи со вторым случаем О. А. Смирницкая говорит следующее: «[...] значение «масти» медведей-Нифлунгов [...] предопределено поэтической этимологией самого родового имени *Niflungar* — «люди тьмы» (к *nifl* «тьма» в названиях преисподней *Niflhel*, *Niflheimr*) и находит соответствие в традиционных описаниях облика Нифлунгов» [Смирницкая 2004: 190].

3. Характеристика внешности *jarpskammr* «темнокожий заморыш» как причина распри в «Речах Хамдира»

Следует еще раз рассмотреть версии сюжета о Хамдире, Сёрли и Эрпе, представленные в «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде», обращая внимание на степень родства и характеристики внешности, приписываемые действующим лицам в каждом конкретном случае. У Снорри Хамдир, Сёрли и Эрп уравниены в правах как Нифлунги по матери, откуда происходит своеобразная логика повествования: трое единокровных братьев, не в силах сносить упреков матери, едут мстить за сестру; по пути двое братьев убивают третьего, того, который матери дороже всех, чтобы доставить ей наибольшее горе и сквитаться с ней за горькие слова. Сыновья Гудрун изображены черноволосыми (Sn.E. iii. 39(2)), так как это вообще родовой признак Нифлунгов (следовательно, присущий и самой Гудрун).

Совсем иные мотивы руководят поступками братьев в «Речах Хамдира», где конфликт уже перерастает пределы внутрисемейного. Гудрун, представленная в эддических песнях светловолосой *bjarthaddat* (Gkv. III 9), яснолицой *skírleita* (Akv. 35) и белокурой *bjartr lófi* (Gkv. III 9), достается в жены Сигурду, предположительно втязю со скандинавской родословной (*vikingr Dana* (Hr. 12)). Их дочь Сванхильд, чьи волосы белы (*inn hvíta hadd Svanhildar* (Ghv. 16)), выдают за готского владыку, представленного в «Речах Хамдира» так: [...] *scóc hann scör iarpa*, / *sá á sciold hvítan*, // *lét hann sér í hendi* / *hvarfa ker gullit* «[...] <темными он тряхнул волосами, бросил взгляд на белый щит, кубок в руках золотой повернул>» (Hðm. 20). Темноволосый южанин предает белокурую Сванхильд позорной смерти, и Гудрун подстрекает двух своих сыновей отомстить за сестру. Те выезжают на дорогу, где им встречается сводный брат по отцу (т. е. не из Нифлунгов) по имени *Erpr* (к *jarpr* «темно-коричневый»). Братья называют Эрпа «чернявым заморышем» (*jarpskammr*)⁵, прибавляя, что он им едва ли чем-нибудь способен помочь (*Hvé mun iarpskammr / ocr fulltingia?*), и тем самым дают понять, что сами они иной стати и, вероятно, иной белизны (противопоставление *jarpskammr* «чернявый заморыш» — *okkr* «нам» подчеркнуто

⁵ Г. Кун предлагает читать **jarp-sámr* (досл. «коричневый и темнокожий») [Kuhn 1968: 517]. Слово *sámr*, вероятнее всего, происходит от финского *sao-mi* и было первоначально заимствовано для обозначения цвета кожи финнов [Cleasby, Vigfusson 1957: 52]. Контекст «Речей Хамдира», однако, не предполагает никаких «саамских» импликаций.

аллитерацией). Если это так, то Хамдира и Сёрли следует присоединить к «северной» генетической линии (Гуарун → Сванхильд), тогда как Эрп и Ёрмунрекк, очевидно, примыкают к линии «южной».

Важно учесть, что дело, в котором «темный» Эрп братьям не помощник — это убийство «темного» же Ёрмунрекка. Вероятно, в чуждом облике Эрпа (*jarpskamnr*) Хамдир и Сёрли различают черты заклятого врага (ср. в описании внешности Ёрмунрекка: *skör jarpr* «темные волосы»), и это подобие, вместе с дерзостью «полубрата», толкает разгоряченных Хамдира и Сёрли на убийство. Из контекста песни не становится ясным, существовали ли между Эрпом и готским конунгом какие-либо личные, или, по крайней мере, отдаленные генетические связи, как не удастся судить и о прочих частностях эддической биографии Эрпа. Стоит, однако, привести существенное наблюдение Я. де Фриса, которое заставляет, по крайней мере, обратить внимание на вероятность существования подобных связей: «Эрпа, исходя из семантики его имени, можно было бы представить как гуннского метиса, однако свидетельство Иордана, упоминающего в перечне готских героев (V, 43) некоего Эрпа, позволяет предположить, что персонаж этот восходит ко временам более древним, чем годы владычества Аттилы, и присутствует еще в цикле героических песней об Эрманарихе» [Vries 1964: 76].

Те существенные подробности, что, во-первых, в «Речах Хамдира» Эрп представлен в специфической степени родства с Хамдиром и Сёрли (*sundrmæðri* «сын другой матери») и отличается от них иноземным обликом (*jarpskamnr* «темнокожий заморыш»), а, во-вторых, соответствующее имя встречается в именованном готских героев у Иордана, заставляют предполагать некий скрытый сюжет о готской родословной Эрпа, не нашедший прямого отображения в сохранившихся строках «Речей Хамдира». Единственную реплику Эрпа в прямой речи “*Illt er blaudom hal / brautir kenna*” следует, видимо, понимать так, как предложено в словаре Клисби-Вигфуссона: “*kenna e-m brautir, to shew one the way*” [Cleasby, Vigfusson 1957: 336], т. е., следуя переводу А. И. Корсуна, «Плохо дорогу / показывать трусам». Неясно, по какой причине Эрп должен знать дороги к Ёрмунрекку лучше братьев, и известна ли Хамдиру и Сёрли дорога вообще, в отличие от Эрпа. Тем не менее, конкретных оснований для того, чтобы соединять Эрпа с готским конунгом родственными или иными прочными узами, явно недостает. Остается прибавить все догадки о какой-либо непосредственной связи между двумя генотипически «темными» персонажами «Речей Хамдира» к тем

мотивам, которые, как предполагает М. И. Стеблин-Каменский, могли быть использованы в несохранившихся строфах песни [Старшая Эдда: 250].

Итак, можно отметить, что сюжет «Речей Хамдира» развивается в непосредственной связи с конфликтом генотипов, и есть основания предполагать, что в сюжете о трех братьях имя *Erpr*, восходящее к *jarpr* «темно-коричневый», служит знаком инакости одного из них. Причину враждебности двух братьев по отношению к третьему, предопределяющей развитие сюжета песни, можно усмотреть в том, что характерные черты внешности Эрпа (*jarpskammr* «смуглый и низкорослый»⁶) находят соответствие в облике Ёрмунрека, чужака и личного врага Хамдира и Сёрли (*skör jarpr* «темные волосы»). Цветовые эпитеты *jarpr* и *jarpskammr*, таким образом, связывают персонажей, представляющихся в «Речах Хамдира» «инородцами». К этим случаям следует прибавить и пример из «Второй песни о Гудрун», где о посланниках Атли сообщается, что у них были темные волосы (*höfðo scarar iarpar*) (Gkv. II 19). На основании всей совокупности контекстов употребления *jarpr* представляется возможным сделать следующий вывод: в героических песнях Эдды это цветообозначение связано исключительно с реализацией оппозиции «свой-чужой», и такая специализированность цветового эпитета выражается в существовании семантического признака «чуждости, инородности» в структуре значения *jarpr*.

СОКРАЩЕНИЯ

Akv.	—	Atlakviða in gröenlenzka	«Гренландская Песнь об Атли»
Am.	—	Atlamál in gröenlenzko	«Гренландские Речи Атли»
Gðr. II	—	Guðrúnarkviða II	«Вторая Песнь о Гудрун»
Gðr. III	—	Guðrúnarkviða III	«Третья Песнь о Гудрун»
Hlr.	—	Helreið Brynhildar	«Поездка Брюнхильд в Хель»
Hðm.	—	Hamðismál	«Речи Хамдира»
Vkv.	—	Völundarkviða	«Песнь о Вёлунде»
Sn.E.	—	Snorra Edda	«Младшая Эдда»
Völs.	—	Völsunga Saga	«Сага о Волсунгах»

⁶ Возможно, именно эти черты внешности и дали мотивировку имени *Erpr*. Так или иначе, Эрп по форме имени тождествен своей генотипической характеристике.

ЛИТЕРАТУРА

Смирницкая 2004 — Смирницкая О. А. О многозначности эпического текста (комментарий к строфам «Гренландской Песни об Атли») // Слово в перспективе литературной эволюции. М., 2004. С. 171–202.

Cleasby, Vigfusson 1957 — Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Init. by R. Cleasby, revised, enlarged and completed by G. Wigfusson. 2-nd ed. Oxford, 1957.

Kuhn 1968 — Edda. Die Lieder von Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. II. Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. Dritte umgearbeitete Aufl. Heidelberg, 1968.

Vries 1961 — Vries J. de. Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.

Vries 1964 — Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. Band I. 2 Aufl. Berlin, 1964.

Wolf 2006 — Wolf K. Some Comments on Old Norse Color Terms // Arkiv för nordisk filologi. 2006. 121. pp. 173–192.

ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ

Edda. Die Lieder von Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Heidelberg, 1983.

Snorri Sturluson. Edda / Udg. af F. Jónsson. 2 udg. Stockholm, 1966.

Völsunga — Saga. The saga of the Volsungs / Ed. and transl. by R.G. Finch. London: Nelson, 1965.

Старшая Эдда / Пер. А. И. Корсуна, ред. и комм. М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2005.

Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой, ред. и комм. М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2005.

Сага о Волсунгах / Перевод Б. И. Ярхо // «Корни Иггдрасиля». М.: «Терра», 1997.

Getica — Иордан. О происхождении и деяниях Гетов. Getica. / Пер., ред. и комм. Е. Ч. Скржинской. Изд-во восточной литературы. М., 1960.

ЖАННА Д'АРК, АФИНА ПАЛЛАДА И ДЕВА МАРИЯ: ДЕВСТВЕННОСТЬ НА ЗАЩИТЕ ГОРОДА*

Эпопея Жанны д'Арк по праву относится к тем историческим сюжетам, интерес к которым, похоже, не исчезнет никогда. Казалось бы, мы должны знать о французской героине уже решительно все: малейшие подробности ее короткой жизни, ее представления о мире и о своем месте в нем, отношение к ней современников... И тем не менее количество специальных работ, посвященных самым различным аспектам деятельности этой необыкновенной девушки, растет год от года.

Существует, впрочем, одна область, одна составляющая данной эпопеи, где бессильны любые исследования. Речь идет о таком простом на первый взгляд вопросе как *внешность* Жанны д'Арк. Конечно, из воспоминаний свидетелей эпохи, людей, лично знавших или хотя бы раз видевших ее, нам известно, что Орлеанская Дева была высокого роста и изящного телосложения, обладала короткой шеей, красивой грудью и решительным голосом, а за правым ухом у нее имелось большое родимое пятно. Однако время не сохранило ни одного прижизненного портрета Жанны: даже если они и существовали, мы уже никогда не узнаем, как она выглядела в действительности.

И все же отчаиваться не стоит. Ведь те изображения, которые дошли до нас, имеют не меньшую ценность в глазах исследователя, ибо, сколь фантастическими они ни казались, способны пролить свет на отношение к Жанне д'Арк тех, от кого, возможно, не осталось никаких письменных свидетельств — миниатюристов и художников, по-своему выразивших мысли и чувства по поводу столь удивительного персонажа французской средневековой истории.

В ряду этих специфических откликов на эпопею Жанны особое, как представляется, место следует отвести одному из наиболее ранних изображений — миниатюре из «Защитника дам» Мартина Ле Франка (Илл. 1). Имя ее автора неизвестно, однако мы знаем, что сам кодекс был создан в Па-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Американского Совета Научных Сообществ в области гуманитарных наук (ACLS Humanities Program).

1 – Жанна д'Арк и Юдифь. Миниатюра к «Защитнику дам» Мартина Ле Франка. 1451 г. Опубликовано: Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982

риже около 1451 г. и ныне хранится в Национальной Библиотеке Франции¹. Жанна представлена здесь рядом с Юдифью, выходящей из палатки с только что отрубленной головой ассирийского военачальника Олоферна. Это соседство — главное и единственное, на что обращали внимание исследователи, охотно рассматривавшие комплекс библейских ассоциаций, которые могло вызвать у человека XV столетия сопоставление французской героини со спасительницей ветхозаветной Ветулии и шире — всего израильского

¹ Bibliothèque Nationale de France (далее: B. N.). Ms. fr. 12476.

народа². Однако до сих пор, насколько мне известно, никто не придавал особого значения *внешнему виду* изображенной рядом с Юдифью Жанны-Девы — Jehanne la pucelle, как свидетельствует сопроводительная подпись.

На миниатюре девушка представлена с копьём в правой руке. Левой рукой она придерживает щит, на который опирается. Данный иконографический тип можно назвать крайне редким как для XV в., так и для более позднего времени. *Типичным* же по праву считается изображение Жанны д'Арк с мечом и знаменем³: они на самом деле являлись ее неотъемлемыми атрибутами, она всегда держала их при себе и использовала во всех военных кампаниях⁴ (Илл. 2).

Совсем другое дело — копьё и щит, известия о которых либо отсутствуют, либо крайне редки. На процессе 1431 г. сама Жанна решительно отрицала наличие у себя щита⁵. Ничего не говорится о нем и в других источниках по ее эпохее, а также в специальной литературе, посвященной ее вооружению и обмундированию⁶. Что же касается копья, то, как свидетельствуют дошедшие до нас документы, несколько раз за свою жизнь наша героиня в руках его все-таки держала (хотя сама никогда о нем не упоминала). Шестеро очевидцев в разное время видели ее с этим оружием. На процессе по реабилитации Жанны 1456 г. герцог Алансонский вспоминал, как девушка упражнялась с копьём в Шиноне, где он впервые увидел ее весной

² Подробнее см.: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 147–181. Там же указания на литературу по теме.

³ Подробный анализ этого типа изображения см.: *Тогоева О. И.* «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // *Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней* / Под ред. И. Н. Данилевского и О. И. Тогоевой. М., 2009 (в печати).

⁴ См. прежде всего показания самой Жанны д'Арк на обвинительном процессе в Руане 1431 г.: *Procès de condamnation de Jeanne d'Arc* / Ed. par P. Tisset. P., 1960. Т. 1. P. 49 (меч, подаренный Робером де Бодрикурром); P. 76–77 (меч из Сент-Катрин-де-Фьербуа); P. 77–78, 170–171 (меч, оставленный в Сен-Дени, и меч, взятый на поле боя у бургундского воина); P. 78, 96–97, 114, 171–174, 178 (штандарт). Далее: РС, том, страница.

⁵ РС, 1, 114.

⁶ *Harmand A.* Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure. Essai de reconstitution. P., 1929; *Ffoulkes C.* The Armour of Jeanne d'Arc // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 1909. Vol. 16. N 81. P. 141–147.

1429 г. Делала она это так ловко, что вызвала восхищение герцога, который подарил ей коня⁷. Позднее, в Селль-ан-Берри, в июне того же года, за упражнениями Жанны с неменьшим восторгом наблюдали только что прибывшие в распоряжение дофина Ги и Андре де Лаваль⁸ и придворная дама Маргарита Ла Турульд, отмечавшая позднее, что девушка обращалась с этим оружием превосходно, как истинный воин⁹. Таким образом, вполне вероятно, что копьё в распоряжении Жанны все же имелось, хотя использовала она его в основном на отдыхе, для физической подготовки.

Существует всего два свидетельства того, что копьё могло применяться в бою, и оба они относятся к орлеанской кампании. Местная жительница Колеет Миле поведала на процессе по реабилитации, что видела Жанну, вооруженную копьём, перед началом операции по освобождению форта Сен-Лу¹⁰. Второй рассказ принадлежит ее оруженосцу Жану д'Олону, в подробностях описавшего все в том же 1456 г. основные этапы снятия осады с Орлеана и, в частности, захват Сен-Жан-ле-Блан. Согласно д'Олону, англичане покинули это укрепление еще до прибытия французских войск. Увидев уходящего врага, Жанна и сопровождавший ее Ла Гир ринулись в атаку, бросив копьё, а затем принявшись сражаться мечами¹¹. Сообщение это, правда, вызывает определенные сомнения — прежде всего потому, что Жанна, если довериться ее собственным словам, никогда не участвовала в сражении лично и уж тем более никого не убивала, предпочитая мечу свой штандарт, с которым не расставалась¹².

⁷ Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. P., 1977–1988. 5 vol. T. 1. P. 381. Далее: PN, том, страница.

⁸ Lettre de Gui et André de Laval aux dames de Laval, leurs mère et aieule // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. P. 1849. T. V. P. 107.

⁹ PN, 1, 378.

¹⁰ PN, 1, 407.

¹¹ PN, 1, 481.

¹² PC, 1, 78. Следует упомянуть также сообщение «Журнала осады Орлеана», в котором речь шла о штурме Парижа и использовании копьё для измерения глубины рва: Journal du siège d'Orléans, 1428–1429, augmenté de plusieurs documents, notamment des Comptes de ville, 1429–1431 // Publ. par P. Charpentier et C. Cuissard. Orléans, 1896. P. 127). Однако то обстоятельство, что Жанна, по мнению автора, сидела при этом верхом на осле, ставит под сомнение достоверность информации. О негативных коннотациях образа осла

Представляется любопытным, что практически все источники, сообщающие нам о наличии у Жанны д'Арк копья (за исключением, пожалуй, письма де Лавалей), относятся к 50–70 гг. XV в. и, следовательно, возникли позже, нежели интересующая нас миниатюра из «Защитника дам» 1451 г. Какие-то иные французские свидетельства на сей счет отсутствуют: о копье, причем в весьма общих выражениях, упоминают в своих откликах исключительно иностранцы. Так, декан церкви Сен-Тибо в Метце ограничивается простым перечислением вооружения своей героини: по его сведениям, в ее распоряжении имелись «огромное копье, большой меч и штандарт»¹³. Прочие авторы обращают свое внимание, скорее, на то, насколько ловко, самым «удивительным образом» Жанна владела оружием и, в частности, копьем¹⁴, и, естественно, строят предположения, откуда у нее взялось подобное умение. Например, весьма критично настроенный автор «*Livre des trahisons de France*» полагает, что она могла научиться военному искусству от солдат, останавливавшихся в доме ее отца-трактирщика¹⁵. А итальянец Джованни Сабатино выдвигает и вовсе фантастическую версию, согласно которой Жанна еще в детстве, присматривая за деревенским стадом, завела себе огромную палку «похожую на рыцарские копья»¹⁶.

применительно к эпосе Жанны д'Арк см.: *Тогоева О. И.* Вольтер, Жанна д'Арк и осел. К истории одного мотива // Французский ежегодник — 2008. М., 2008. С. 25–46.

¹³ *Le doyen de Saint-Thibaud de Metz* // Quicherat J. Op. cit. T. IV. P. 322.

¹⁴ Например, анонимный автор «Хроники францисканцев»: *Quicherat J. Supplement aux temoignages contemporains sur Jeanne d'Arc* // *Revue historique*. 1882. T. 19. P. 60–83, здесь P. 73.

¹⁵ *Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne* // *Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne* / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 1–258, здесь P. 197). В тексте, созданном после 1464 г., чувствуется влияние «Хроники» Энгеррана Монстреле. В частности, именно у него автор заимствует и творчески развивает идею о том, что Жанна в юности служила в таверне, где научилась «такому, что не пристало знать юной девушке»: *Monstrelet E. de. La chronique en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440* / Ed. par L. Douët-d'Arcq. P., 1890. T. IV. P. 314.

¹⁶ *Gynevera de le Clare Donne di Joanne Sabadino de li Arienti* / A cura di Corrado Ricci e A. Bacchi della Lega. Bologna, 1888. Ch. X. P. 103.

К этим же, весьма вольно интерпретирующим историю Жанны д'Арк свидетельствам следует, как мне представляется, отнести и отклик Мартина Ле Франка. Конечно, как участник Базельского собора (1431–1439), он был хорошо осведомлен о событиях, происходивших еще совсем недавно в соседней Франции¹⁷, но, очевидно, этих познаний ему оказалось все же недостаточно, чтобы в подробностях описать вооружение своей героини. Перед нами вновь скорее обобщенный образ, нежели конкретный перечень имевшегося в распоряжении Жанны оружия. «Копья и доспехи» упоминаются Ле Франком исключительно потому, что он — как и другие авторы-иностранцы — спешит выразить свое глубочайшее изумление способностями девушки в ратном деле, а также объяснить, почему ей потребовалось переодеться в мужское платье¹⁸. Он строит собственные предположения относительно истоков знакомства Жанны с оружием, полагая, что в юности она служила в качестве пажа у «какого-то капитана» и от него научилась пользоваться копьем¹⁹.

Столь же вольной оказывается трактовка образа французской героини и на миниатюре, которая сопровождает данный текст. Впрочем, ее автор в качестве источника вдохновения, похоже, использовал не только «Защитника дам». Безусловно, его решение изобразить в руках Жанны копье опиралось на рассуждения Мартина Ле Франка. Однако указаний на наличие щита в тексте нет — как нет в нем и упоминания о гербе семейства д'Арк, воспроизведение которого на миниатюре идентично сохранившимся описаниям: две золотые лилии на лазурном поле, а между ними — меч, увенчанный короной²⁰. Очевидно, что данные сведения наш художник мог почерпнуть из каких-то иных источников²¹, хотя в целом изображение щита

¹⁷ См. об этом подробнее: Тогоева О. И. «Истинная правда». С. 213–214.

¹⁸ *Martin Le Franc. Le Champion des dames* / Publ. par R. Deschaux. P., 1999. Т. IV. P. 91. V. 16825–16828, 16985–16988.

¹⁹ *Ibidem*. P. 92. V. 16873–16880). Возможно, именно это предположение Мартина Ле Франка лежит в основе фантазий Монстреле и более поздних авторов относительно познаний Жанны д'Арк в военном искусстве (см. прим. 16).

²⁰ *Permission à la branche cadette de la famille du Lys de reprendre les armoiries de la Pucelle // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation*. Т. V. P. 227.

²¹ Например, из «Хроники» Энгеррана де Монстреле, который в свою очередь цитировал письмо, направленное после казни Жанны английским королем герцогу Бургундскому: *Monstrelet E. de. Op. cit.* Т. IV. P. 443.

с гербом являлось плодом его собственной фантазии, ибо, согласно показаниям самой Жанны, она никогда не использовала знаки отличия, дарованные Карлом VII ее семье²².

Еще одним несоответствием иллюстрации тексту представляется, на первый взгляд, уже отмеченное выше соседство Жанны с Юдифью, о которой в интересующем нас пассаже не говорится вроде бы ни слова. Однако здесь, безусловно, следует учитывать общий контекст IV книги «Защитника дам», откуда он взят. Весь этот раздел Мартин Ле Франк посвящает восхвалению способностей и достижений представительниц женского рода. Герой поэмы *Franc Vouloir* (Искреннее Намерение), в который раз пытаюсь защитить доброе имя женщин, берется перечислить имена тех, кто особо отличился в делах управления и в воинском искусстве. Он начинает с персонажей античной истории и вспоминает «мудрую и могущественную королеву» Семирамиду, сохранившую мир и спокойствие в своей стране после смерти мужа-императора; королеву Томирис, «чудесным образом» одержавшую победу над Крезом и его 200 тысячами воинов-персов; амазонок, значительно лучше мужчин справлявшихся с делами управления; их королев Пентесилею, в трудный час пришедшую на помощь троянцам; Таллетриду, оказавшую достойное сопротивление Александру; Артемис, сражавшуюся вместе с Ксерксом против его врагов; Камиллу, победившую Энея²³. Он добавляет к ним Беренику, «великую правительницу Каппадокии», отомстившую убийцам собственных сыновей; Изикратею, помогавшую своему мужу Митридаду, королю Понта; и Зенобию, царицу Пальмиры, с великим искусством управлявшую своей страной и приводившую в трепет всех соседей²⁴. Этот список достойнейших дам прошлого завершается именами библейских героинь: Деборы, которая не только предсказывала будущее и вершила справедливый суд, но возглавила войско и направила Варака против Сисары, «коннетабля могущественного короля»; Иаиль, убившей Сисару; и, наконец, Юдифи, убившей Олоферна²⁵.

Именно после этого экскурса в древнюю историю Мартин Ле Франк помещает рассказ о Жанне д'Арк, уподобляя ее таким образом всем пере-

²² На допросах в 1431 г. она даже не смогла точно описать «свой» герб, забыв, что на нем была изображена корона: РС, I, 114.

²³ *Martin Le Franc*. Op. cit. P. 74–85. V. 16417–16704.

²⁴ *Ibidem*. P. 85–87. V. 16705–16754.

²⁵ *Ibidem*. P. 88. V. 16761–16778.

2 – Дева со знаменем. Рисунок на полях «Журнала» Клемана де Фокамберга. 1429 г. Опубликовано: Warner M. *Joan of Arc. The Image of Female Heroism*. L., 2000

3 – Боттичелли. Возвращение Юдифи. 1484 г. Опубликовано: Sturton P. *Renaissance Painting*. Oxford, 1979

численным выше героиням. А потому ее изображение рядом с Юдифью на интересующей нас миниатюре выглядит совершенно естественно. Выбор этот оказывается тем более не случайным, что автор «Защитника дам» уделяет особое внимание снятию осады с Орлеана²⁶, который именовался во французских источниках XV в. второй Ветулией²⁷. Таким образом, ветхозаветная защитница израильского города и его народа как нельзя лучше подходила в данном случае в качестве аналогии для французской героини.

Однако как раз это сравнение и делает внешний вид «Жанны-Девы» на миниатюре столь странным. Копье и щит в ее руках никак не соответствуют

²⁶ Ibidem. P. 90. V. 16817–16824.

²⁷ Подробно эта тема рассмотрена в: Duparc P. *La délivrance d'Orléans et la mission de Jeanne d'Arc // Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement. Colloque d'histoire médiévale, Orléans, octobre 1979*. P. 1982. P. 153–158; Тогоева О. И. «Истинная правда». С. 160–164.

образу Юдифи: голову Олоферна, как известно, она рубила мечом, который во все времена оставался ее единственным значимым атрибутом²⁸ (Илл. 3). Откуда в таком случае появилось в руках Жанны *другое* оружие? С кого автор-иллюминатор мог срисовать данный «портрет»? Кто, иными словами, послужил для него прототипом?

Ответы на эти вопросы вновь, как мне кажется, дает собственно текст «Защитника дам». Завершив краткий обзор выдающихся воительниц и правительниц современными ему и вполне реальными графиней де Монфор и Жанной Баварской²⁹, Мартин Ле Франк переходит к прославлению тех, кто отличился своими изобретениями и способностями в различных «искусствах». Его главной героиней здесь оказывается Афина (или Минерва, как ее обычно именовали в средние века), которой, учитывая ее познания и возможности во всех без исключения науках, следовало бы, по мнению автора, воздвигнуть храм³⁰.

Самым главным, однако, искусством богини — искусством, которому она научила простых смертных — Ле Франк считает создание оружия³¹, причем в первую очередь оборонительного³². Умением возводить внутренние дворы, донжоны, барбаканы и укрепленные форты люди обязаны именно ее помощи³³. Таким образом Минерва в поэме выступает прежде всего как *защитница города*, т. е. наделяется теми же функциями, которые приписывались ей еще в античности. Греческая Афина *Полиада*, *Алалкомена*, *Полиухос* — «щитовая дева», «градохранительница», «градодержлица»,

²⁸ «Потом, подойдя к столбику постели, стоявшему в головах у Олоферна, она сняла с него меч его и, приблизившись к постели, схватила волосы головы его и сказала: Господи, Боже Израиля! укрепи меня в этот день. И изо всей силы дважды ударила по шее Олоферна и сняла с него голову» (Иуд. 13: 6–8).

²⁹ *Martin Le Franc*. Op. cit. P. 104–105. V. 17169–17182.

³⁰ *Ibidem*. P. 107. V. 17217–17220.

³¹ *Ibidem*. V. 17241–17244.

³² Тот же образ Минервы мы встречаем у Кристины Пизанской: *Pizan Ch. de Le Livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe*. Ed. par MM. Michaud et Poujoulat. P., 1836. Т. II. P. 3–145, здесь P. 38.

³³ *Martin Le Franc*. Op. cit. P. 108. V. 17253–17256.

«отражающая врагов» — охраняла посвященные ей города³⁴: неслучайно и у Мартина Ле Франка она описана как покровительница Афин, живущих по установленным ею лично законам³⁵. Защитой богини пользовались и другие греческие города: Аргос, Мегара, Спарта³⁶. Ее культ существовал и в Трое, где хранился так называемый палладий — статуя Афины Паллады, вооруженной щитом и поднятым копьём³⁷. Именно это оружие считалось в древности неотъемлемым атрибутом дочери Зевса, его значение сохранилось неизменным и позднее³⁸. (Илл. 4)

История Афины/Минервы была хорошо знакома французской средневековой культуре. Помимо «Защитника дам» Мартина Ле Франка, она встречается, к примеру, в “*Allegoriae super Ovidii Metamorphosin*” Арнуля Орлеанского (вт. пол. XII в.); в “*Voir-Dit*” (1364 г.) Гийома де Машо; “*De mulieribus claris*” Бокаччо, получивших особую популярность во Франции с конца XIV в.; в комментариях Эврава де Конти к “*Echecs amoureux*”, созданных в 1390-1400 гг.; в “*Epistre d’Othea*” (1400-1401 гг.), “*Livre de la mutacion de Fortune*” (1400–1403 гг.) и “*Livre de la Cité des dames*” (1404–1405 гг.) Кристины Пизанской³⁹. В «Морализованном Овидии», одном из самых известных произведений средневековой литературы, оказавшем ог-

³⁴ Лосев А. Ф. Афина // Мифы народов мира / Гл. ред. С.А.Токарев. М., 1987. Т. 1. С. 125–128; Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 236, 244, 319.

³⁵ *Martin Le Franc*. Op. cit. P. 107. V. 17235–17236.

³⁶ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 127.

³⁷ Словарь античности / Отв. ред. В. И. Кузищин. М., 1989. С. 62, 407, 589; Фуллертон М. Д. О чудотворящих образах в античной культуре // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 11–18.

³⁸ См., к примеру, у Вергилия описание того, как Одиссей и Диомед вносят в лагерь ахейцев украденный из Трои палладий: «В лагерь едва был образ внесен — в очах засверкало / Яркое пламя, и пот проступил на теле соленый; / И, как была, со щитом и копьём колеблемым, дева — / Страшно об этом сказать — на месте подпрыгнула трижды» (*Вергилий. Энеида*. 2, 172–175). Тот же образ Афины мы встречаем и у Апулея: «Быстро входит и другая, которую можно принять за Минерву: на голове блестящий шлем, а сам шлем обвит оливковым венком, щит несет и копьём потрясает — совсем как та богиня в бою» (*Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел*. 10, 30).

³⁹ Подробнее см.: *Blumenfeld-Kosinski R. Reading Myth: Classical Mythology and Its Interpretations in Medieval French Literature*. Stanford, 1997.

4 – Художник Андокида. Афина Паллада. Краснофигурная вазопись. Фрагмент. VI в. до н.э. Опубликовано: Beazley J. D. Attic Black-figure Vase-painters. L., 1956

ромное влияние на французских авторов⁴⁰, об Афине говорилось следующее: «Минерва... должна изображаться в виде вооруженной дамы, голова которой покрыта шлемом, а его гребень спускается назад. Она держит в правой руке копьё, а в левой — щит, на котором нарисована голова ужасной горгоны с тремя змеями вокруг»⁴¹ (Илл. 5). Копье и щит, таким образом, воспринимались здесь как одно целое и требовали *единой интерпретации*, при которой щит (с отпугивающей врагов головой Медузы Горгоны) маркировал границу территории (и, в частности, стену города), находящейся под защитой копья⁴².

Программа изображения Афины/Минервы, настоятельно рекомендованная автором «Морализованного Овидия» и предусматривавшая обязательное наличие у нее копья и щита⁴³, действительно постоянно воспроизводилась на средневековых миниатюрах. Вторым же по частоте использования являлся, пожалуй, сюжет с Арахной, превращенной в паука за дерзкую попытку превзойти саму богиню в ткачестве⁴⁴ (Илл. 6). Именно это умение на-

⁴⁰ Ibidem. P. 215–216.

⁴¹ Ovide. Métamorphoses. Bruges: Colard Mansion, 1484 // B. N. Res g Yc 1002 (курсив мой — О. Т.). То же строгое распределение оружия в правой и левой руках Афины соблюдалось и в античности, чего часто не замечают современные исследователи: Михайлин В. Ю. Указ. соч. С. 264–268.

⁴² Та же единая интерпретация копья и щита как оборонительного оружия была свойственна и греческой культуре. См., к примеру: «В негодовании ему отвечала Паллада Афина: / Горе! Я вижу теперь, как тебе Одиссей отдаленный / Нужен, чтоб руки свои наложил на бесстыдных пришельцев. / Если б теперь, воротившись, он встал перед дверью домовою / С парюю копий в руке, со щитом своим крепким и в шлеме» (Гомер. Одиссея. I, 252–256). Подробнее см.: Михайлин В. Ю. Указ. соч. С. 232–233, 235, 243–244, 264–268. Интересные размышления о копье и его связи с границей своей/чужой территории в западноевропейской и русской культурах см. в: Мурьянов М. Ф. «Слово о полку Игореве» в контексте европейского средневековья // Palaeoslavica. 1996. Vol. 4. P. 19–36; Бойцов М. А. В шурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» римской империи // Искусство власти. Сборник в честь Н. А. Хачатурян. М., 2007. С. 46–87, здесь С. 73–77.

⁴³ Эта программа слово в слово была повторена, к примеру, в «Морализованном Овидии» 1498 г.: La Bible des poètes, Métamorphoses / Ovide. Paris: A. Vérard, s.d. [1498] // B.N. Res g Yc 426.

⁴⁴ Французские авторы XIV–XV вв. видели в этой истории пример того, как не следует вести себя ученику со своим учителем. См., к примеру: Christine de Pizan. Epistre d'Othea / Ed. critique de G. Parussa. Genève, 1999. P. 289.

5 – Минерва. Гравюра к «Морализованному Овидию». 1484 г. Опубликовано: *Ovide. Métamorphoses. Bruges: Colard Mansion, 1484*

6 – Минерва и Арахна. Гравюра к «Морализованному Овидию». 1498 г. Опубликовано: *La Bible des poètes, Métamorphoses / Ovide. Paris: A. Vérard, s.d. [1498]*

звано в «Защитнике дам» следующим по важности искусством, которому Минерва научила людей — голых, замерзающих, страдающих от дождя, ветра и полной невозможности хоть как-то укрыться и согреться⁴⁵. Автор считает, что «кардиналы и папы» должны признать важность этой «науки», поскольку изготовлением вышивок, плащей, дулетов, скатертей и салфеток — всего, что используется во дворцах и монастырях, они также обязаны греческой богине⁴⁶. Ткачество таким образом напрямую связывается у Ле Франка с первой — военной — функцией Афины/Минервы, ибо также подразумевает защиту и покровительство, оказываемое ею роду людскому.

Странная на первый взгляд зависимость между ткачеством и защитой легко проясняется, стоит нам обратиться к греческой философии и, в частности, к «Политику» Платона: «Какой же можно найти самый малый удовлетворительный образец, который был бы причастен той самой — государственной — деятельности? Ради Зевса, Сократ, хочешь, за неимением лучшего, выберем ткацкое ремесло? Да и его — не целиком; быть может, будет достаточно ткани из шерсти: пожалуй, эта выделенная нами часть ско-

⁴⁵ *Martin Le Franc. Op. cit. P. 108. V. 17257–17264.*

⁴⁶ *Ibidem. V. 17265–17268.*

рее всего засвидетельствует то, чего мы ждем»⁴⁷. И далее: «Все, что мы производим и приобретаем, служит нам либо для созидания чего-либо, либо для защиты от страданий»⁴⁸. Подробно анализирующий данную любопытную аналогию между ткачеством и защитой (как одной из основных сфер государственной деятельности) в греческой культуре Михаил Ямпольский отмечает, что абсолютно все — ткани, покровы, ковры и накидки — относилось Платоном именно к защитным средствам⁴⁹. Аналогия эта становится особенно заметной при анализе состава так называемых *daidala* — произведений легендарного Дедала, включавших наравне с тканями, вышивками и украшениями колесниц, корабли, а также — что особенно важно — доспехи и щиты. Последние и являлись самым ярким выражением *daidala*: сделанные из шкур, натянутых на каркас, а лишь затем покрытые слоем бронзы, они прямо олицетворяли связь ткачества (плетения) и защиты⁵⁰.

Именно функция защиты, являвшаяся неотъемлемой частью образа греческой Афины и сохранившая свое значение как в римской античности, так и в средние века, дает все основания предположить, что с нее миниатюрист «Защитника дам» и рисовал свою Жанну д'Арк⁵¹. Тема спасительницы города получала у него таким образом универсальное звучание, поскольку в одном изображении обыгрывались сразу три темы — собственно античная, библейская и современная ему, французская. Близость Жанны и Афины/Минервы подчеркивалась прежде всего идентичными атрибутами — копьем и щитом — которые и в средневековой культуре вполне, как кажется, со-

⁴⁷ Платон. Сочинения. М., 1972. Т. 3(2). С. 33.

⁴⁸ Там же. С. 39 (курсив мой — О. Т.).

⁴⁹ Ямпольский М. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007. С. 54–57 (со ссылкой на специальное исследование аналогии между ткачеством и функцией защиты у Платона: Rosen S. Plato's Statesman. The Web of Politics. New Haven, 1995. P. 101–104).

⁵⁰ Ямпольский М. Указ. соч. С. 57, 176–177 (со ссылкой на: Frontisi-Ducroux F. Dédale. Mythologie de l'artisan en Grèce ancienne. P., 1975). См. также: Фуллертон М. Д. Указ. соч. С. 15.

⁵¹ Он, безусловно, опирался и на текст самой поэмы. У Мартина Ле Франка сравнение Жанны д'Арк с Афиной возникает в самом конце пассажа, посвященного французской героине: “Hé, cueurs de France en gentillesse / Concheus, vostre esprit reprenez / Et de Pallas et de Lucesse / L'usage et l'estat apprenez” (Martin Le Franc. Op. cit. P. 102–103. V. 17125–17128).

хранили свое значение символов защиты⁵². Достаточно вспомнить архангела Михаила, святого патрона и защитника Франции, часто изображавшегося именно с этим оружием — как во французских, так и в иностранных рукописях⁵³ (Илл. 7).

Безусловно, уподобление Жанны д'Арк Афине на миниатюре из «Защитника дам» на первый взгляд кажется весьма неожиданным. В текстах, посвященных французской героине, подобная аналогия встречается крайне редко. За исключением Мартина Ле Франка, единственным, пожалуй, кто обратился к данному сравнению, остается анонимный автор латинской поэмы «О пришествии Девы и освобождении Орлеана», созданной после 1456 г.⁵⁴ Однако, данная цепочка ассоциаций может проясниться, стоит до-

⁵² Именно в этом значении упоминались копье и щит в Библии: «Избрали новых богов, оттого война у ворот. Виден ли был щит и копье у сорока тысяч Израиля?» (Суд. 5: 8). См. также: Иез. 27: 10. Любопытно, что и в некоторых древнерусских источниках сохранялась, как кажется, та же символика копья и щита как защитного оружия. Подробнее об этом см.: *Добродомов И. Г.* О взятии города копьем // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2003. Р. 90–95; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 124, 152–153, 341; *Фомичева О.* Смерть Олега: Реконструкция предметного кода // Безумие и смерть. Интерпретация культурных кодов — 2004 / Под ред. В. Ю. Михайлина. Саратов–СПб., 2005. С. 74–118.

⁵³ Об архангеле Михаиле как о небесном страже, защищающем врата храма от грешников, в византийской традиции см.: *Лидов А. М.* Чудотворные иконы в храмовой декорации. О символической программе императорских врат Софии Константинопольской // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 44–75, здесь С. 50.

⁵⁴ “Rex igitur certus divino numine duci / Virginis officium, jussit revocare Puel- lam / Advenu cujus stipatur milite multo / Curia: fit strepitus, gaudent sperare salutem / Pro se quisque viri. Sic, primum Pallade visa, / Virgine belligera, circum Tritona sonorum / Africa gens fremuit.” (*Анониме.* Sur l'arrivée de la Pucelle et sur la délivrance d'Orléans // *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation. T. V. P. 24–43, здесь P. 33). Сравнение Жанны с Афиной в этой поэме дает возможность предполагать, что ее автор знал «Защитника дам» Мартина Ле Франка. Еще раз косвенное уподобление Жанны Афине встречается в «Орлеанской девственнице» Вольтера, опубликованной в 1762 г.:

бавить к ней всего одно связующее звено, одну, причем важнейшую героиню средневековой христианской культуры — Деву Марию.

Как защитница города и — шире — всего народа Богородица начала восприниматься в христианском мире очень рано. Уже в VII в. она стала официальным покровителем Константинополя⁵⁵. Здесь, во Влахернской церкви, хранилась привезенная из Палестины ее чудодейственная Риза, оберегавшая, как считалось, мир и покой горожан. В IV каноне на «Положение Ризы Богоматери» Иосифа Песнопевца (IX в.) последняя называлась «покровом», «светлым покрывалом», «стеной» и «укреплением» царствующего града всех градов⁵⁶. Уже с VI в. введение почитания Марии в гражданские и религиозные церемонии (в частности, еженедельная богородичная служба по пятницам, включавшая крестный путь из Влахерн в Халкопратию) сделало византийскую столицу истинным «градом Богородицы». Именно так полагал анонимный автор «Слова на положение Ризы», приписываемого Феодору Синкеллу (VII в.): «Сей царственный и богохранимый град, который говорящий и пишущий должен с похвалою называть «Градом Богородицы» ... Чисто восхваляется всечистое имя (Ее), и оно вполне считается стеною и забралом спасения»⁵⁷. Подобное восприятие отразила и более поздняя легенда о явлении Константину Христа, повелевшего им-

«Палладой смелой иль самой Иоанной / она бок о бок с д'Аронделем шла» (Вольтер. Орлеанская девственница. СПб., 2005. С. 193).

⁵⁵ Подробно эта тема рассмотрена в: *Limberis V. Divine Heiress: The Virgin Mary and the Creation of Christian Constantinople*. L.; N-Y., 1994 (там же — литература по теме).

⁵⁶ Службы положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахернах и Пояса Пресвятой Богородицы в Халкопратии // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. С. 123–126. См. также: *Этингоф О. Е.* Об иконе «Богоматерь Пирогощая» и 12 иконе (23 строфе) Акафиста Богоматери // *Этингоф О. Е.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII вв. М., 2000. С. 157–176; *Кондаков Н. П.* Иконография Богородицы. СПб., 1914–1915 (репринт: М., 1998). Т. 2, С. 56–60, 92–103.

⁵⁷ Положение Ризы Богоматери во Влахернах // Реликвии в Византии и Древней Руси. С. 217–224, здесь С. 217 (курсив мой — О. Т.).

ператору устроить Константинополь: «Иди и создай на месте сем город Матери Моей»⁵⁸. Эпитеты Девы Марии, вошедшие в ее Акафист, помимо общего поэтического и теологического смысла были связаны, как подчеркивает О. Е. Этингоф, с идеями *архитектурной* образности: Богородица называлась здесь «непоколебимой башней», «нерушимой стеной царства», «столпом непорочности», «убежищем», «дверью» и «вратами»⁵⁹. Важно и то, что служба Акафиста на пятую неделю Великого поста была введена в X в. в память о победе над аварами, осаждавшими Константинополь в 626 г.⁶⁰ Она также включала чтения, посвященные двум другим осадам: 674–678 и 717–718 гг.⁶¹ Таким образом, связь Богородицы с идеей защиты города постоянно подчеркивалась в византийских письменных источниках.

Та же связь прослеживается и по иконографическому материалу. К палеологовской эпохе (кон. XIII в.) сложилась устойчивая традиция историзованного иллюстрирования 12 икоса и 13 кондака (23 и 24 строф) Акафиста, отражавшая реальную практику процессий с иконами Богородицы, устраиваемых в Константинополе. В этих шествиях участвовали император, светские и духовные лица, а на изображениях фигурировали служба с литией или поклонение иконе Марии с молитвой о защите города от врагов⁶². Идея покровительства Богородицы получила воплощение и на монетах императоров из династии Палеологов: на них она представлена в типе Оранты

⁵⁸ *Террагонский аноним*. О граде Константинополе. Латинское описание реликвий XI в. // Там же. С. 174–189, здесь С. 189.

⁵⁹ *Этингоф О. Е.* Указ. соч. С. 159–160. См. также: *Limberis V.* Op. cit. 121–122, 149–158.

⁶⁰ Рассказ об этой осаде и спасении города при помощи иконы Богородицы приводит *Террагонский аноним*: «Взяв там (в церкви Богородицы — О. Т.) Ее святой образ, обнесли они весь город, и все следовали за [иконой] с песнопениями, слезно моля Богородицу смилостивиться, чтобы защитила она град свой от окружавшей его вражеской опасности» (*Террагонский аноним*. Указ. соч. С. 189). Как отмечает Л. К. Масиель Санчес, эта легенда была использована на рубеже XII–XIII вв. Готье де Коинси в его сборнике чудес Богородицы и стала, таким образом, известна в средневековой Франции (Там же. С. 189, прим. 28).

⁶¹ *Этингоф О. Е.* Указ. соч. С. 162–163.

⁶² Там же. С. 163–165.

7 – Архангел Михаил и дракон. Миниатюра к «Житиям святых». Франция, XIV в. Опубликовано: <http://mandragore.bnf.fr>

8 – Золотая монета императора Михаила VIII Палеолога (1258/9–1282). Опубликовано: <http://www.wildwinds.com/coins/sb/sb2242.html>

в центре замкнутой городской стены с мощными крепостными башнями⁶³ (Илл. 8).

Образ Богородицы как защитницы Константинополя опирался, в частности, на библейские, ветхозаветные прототипы, утвердившиеся в святоотеческой литературе в III–IV вв., для которых было характерно уподобление Марии «двери непроходимой», «вертограда огражденного», скинии, закрытых райских врат и т. д.⁶⁴ Для нас, однако, интерес представляют более ранние, античные истоки данного образа. С этой точки зрения, по мнению Василики Лимберис, культурным субстратом, породившим образ Марии-защитницы города, являлись культы греческих богинь, хорошо известных в Византии — Реи, Гекаты, Деметры, Персефоны и ... Афины⁶⁵.

Изначально Константинополь — вернее, Византий — был посвящен вовсе не Богородице, а Рее как Тюхе города. Богиня судьбы олицетворяла в данном случае городские постановления, законы и политическую са-

⁶³ Там же. С. 166–167; Кондаков Н. П. Указ. соч. Т. 2. С. 71–75.

⁶⁴ Этингоф О. Е. Иконография ветхозаветных прообразов Богородицы средне-византийского периода // Этингоф О. Е. Образ Богородицы. С. 13–38; Она же. Ветхозаветные иконографические типы Богородицы (по миниатюрам смирнского фрагмента Христианской топографии Космы Индикоплова) // Там же. С. 39–66. См. также: Ямпольский М. Указ. соч. С. 440–441.

⁶⁵ Limberis V. Op. cit. P. 122. Н. П. Кондаков отмечал, что образ «юной Афины» являлся прототипом для изображения Богородицы в мозаиках Палатинской капеллы в Палермо (XII в.) и, возможно, на мраморном рельефе из церкви св. Афанасия в Салониках (не ранее XIV в.): Кондаков Н. П. Указ. соч. Т. 2. 260.

мостоятельность того или иного греческого полиса. Многие города желали видеть Тюхе своей покровительницей: Эфес, Смирна, Никея, Тарсос⁶⁶. Однако первыми ей были посвящены Афины, где роль Тюхе исполняла сама Афина Паллада. Данное обстоятельство было хорошо известно византийским историкам: еще в V в. Зосима в своей «Новой истории» рассказывал, как гунны во главе с Аларихом не смогли в 396 г. захватить Афины, поскольку увидели на городской стене саму богиню в полном боевом доспехе⁶⁷. Неудивительно, что со временем Афина «подменила» собой Тюхе и в роли защитницы Константинополя. А в XII в. Никита Хониат уже сравнивал с «мнимой девственницей» Минервой «истинную» Деву Марию⁶⁸.

Те же изменения коснулись и Ризы Богоматери. Еще в VII в. в «Пасхальной хронике» приводилась легенда о том, что Константин якобы привез в свою новую столицу палладий, хранившийся до того в Риме, и поместил его рядом с колонной, на которой была установлена статуя Тюхе⁶⁹. Однако, в IX в. палладием, способным защитить Константинополь от врагов, уже совершенно явно считался покров Богородицы. В 860 г. во второй гомилии «На нашествие росов» патриарх Фотий с восторгом описывал последствия осады города Аскольдом и Диром: «Истинно облачение Матери Божьей это пресвятое одеяние! Оно окружило стены — и по неизреченному слову враги показали спины; город облачился в него — и как по команде распался вражеский лагерь; обрядился им — и противники лишились тех надежд, в которых витали. Ибо как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предсто-

⁶⁶ Ibidem. P. 123–125.

⁶⁷ *Zosimus* / Hrsg. von I. Bekker // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantiae*. Bonn, 1837. S. 252–253.

⁶⁸ «Когда наступило время проходить и самому императору, впереди его ехала серебряная, вызолоченная колесница, ... а на ней стояла икона Богоматери, непобедимой защитницы и неодолимой соратницы царя. И не трещала ось под этой колесницей, потому что она везла не мнимую девственницу богиню Минерву, но истинную Деву» (*Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. Т. 1. С. 171–172).

⁶⁹ *Chronicon Paschale* / Hrsg. von L. Dindorf // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantiae*. Bonn, 1832. Bd. 1. S. 527–528. Согласно легенде, палладий был спасен из пылающей Трои Энеем и доставлен в Италию, где был торжественно помещен в храм Весты в Риме (*Фуллертон М. Д.* Указ. соч. С. 14–15).

ящего плена и удостоились нежданного спасения»⁷⁰. В некоторых случаях Риза могла замещаться выносными иконами Богоматери, их же византийские императоры начиная с XI в. брали с собой в военные походы⁷¹.

Не менее важной оказывалась связь между Афиной и Марией через ткачество. Как греческая богиня считалась создательницей и лучшей мастерицей в данном ремесле, так и будущей матери Христа была уготована здесь исключительная роль. Об этом прямо говорится в «Протоевангелии Иакова» (II в.), апокрифическом, но крайне популярном в последующие столетия, в том числе и в средние века, произведении: «И сказал первосвященник: бросьте жребий, что кому прясть... И выпали Марии настоящий пурпур и багрянец, и, взяв их, она вернулась в свой дом... И окончила она прясть багрянец и пурпур и отнесла первосвященнику. Первосвященник благословил ее и сказал: Бог возвеличил имя твое, и ты будешь благословенна во всех народах на земле»⁷². С точки зрения византийских богословов, прядение Марией пурпура возвещало творение тела ее будущего Младенца из собственной крови. Уже у Прокла в слове о Богородице (V в.) рождение Спасителя уподоблялось тяжелой работе на ткацком станке⁷³. А у Иоанна Дамаскина (VIII в.) сам Иисус Христос сравнивался с тканью, произведенной его

⁷⁰ *Патриарх Фотий*. Гомилия (IV) вторая «На нашествие росов». 4.42 // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000. Проблемы источниковедения М., 2003. С. 45–68. (перевод П. В. Кузенкова). Та же информация содержится и в «Повести временных лет» под 866 г.: *Повесть временных лет* / Подг. текста, пер. и комм. Д. С. Лихачева. 2 изд. СПб., 1996. С. 13.

⁷¹ *Этингоф О. Е.* К ранней истории иконы «Владимирская Богоматерь» и традиции влахернского богородичного культа на Руси в XI–XIII вв. // *Этингоф О. Е.* Образ Богоматери. С. 127–156, здесь С. 141; *Колпакова Г. С.* Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2005. С. 17. Эта традиция была затем воспринята на Руси: *Этингоф О. Е.* К ранней истории иконы. С. 141, 144–149.

⁷² *История Иакова о рождении Марии* // *Апокрифы древних христиан* / Пер., прим., комм. И. С. Свенцицкой, М. К. Трофимовой. М., 1989. С. 121.

⁷³ *Laudatio in sanctissimam Dei genitricem Mariam / Sancti patris nostri Procli archiepiscopi Constantinopolitani orationes* // PG. T. 65. Col. 679–691, здесь Col. 681–682. Интересно, что чуть дальше у Прокла сказано о Марии как о матери, рожденной «неестественным образом» (*Ibidem*. Col. 711–712), что, по мнению В. Лимберис, также отсылает к образу Афины, появившейся на свет из головы Зевса (*Limberis V.* Op. cit. P. 88).

9 – Мария со щитом. Фреска из церкви св. Марии Антиквы в Риме. VI в. Опубликовано: Кондаков Н. П. Иконография Богородицы. СПб., 1914–1915 (репринт: М., 1998)

11 – Алтарь Альбрехта. Фрагмент. Вена, ок. 1439 г. Опубликовано: Schreiner K. Maria. Jungfrau, Mutter, Herrscherin. Wien, 1994.

матерью: «Вместе с Царем и Богом поклоняюсь и багрянице тела, не как одеянию и не как четвертому Лицу, — нет! — но как ставшей причастною тому же Божеству»⁷⁴.

Тема явления Христа как защитника, Спасителя всего человечества и роли в этом процессе Марии нашла и свое иконографическое воплощение. В VI–VII вв. в греко-восточной иконописи складывается так называемый тип Богородицы со щитом (медальоном), перешедший затем в византийское и западноевропейское искусство и сохранившийся вплоть до XVI в.⁷⁵ Особенность его заключается в том, что Богоматерь поддерживает здесь не сидящего у нее на руках Младенца (Спаса Эммануила), но некий белый или голубоватый ореол с его изображением — как будто металлический щит с рельефом, прообразом которого выступал, вероятно, «обетный щит» (сиреум) императора⁷⁶ (Илл. 9). Н. П. Кондаков не приводит никаких соображений относительно богословских истоков данного иконогра-

⁷⁴ Иоанн Дамаскин. Три слова в защиту иконописи. СПб., 2001. С. 32.

⁷⁵ Кондаков Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 304–319; Т. 2. С. 62–63, 109–123, 396.

⁷⁶ Там же. Т. 1. С. 308.

10 – *Virgo militans*. Костяная табличка из Аахена. VIII–IX вв. Опубликовано: Lewis S. A Byzantine “*Virgo Militans*” at Charlemagne Court // *Viator*. 1980. N 11. P. 71–110

фического типа, однако мне представляется, что мы имеем дело с развитием темы защиты рода человеческого — защиты, которая воспоследует не только от самого Христа, но и от его матери. Щит, который она сжимает в руках и который в греческой культуре являлся самым ярким выражением *daidalá*, не только подчеркивает эту мысль, но и связывает воедино идею покровительства и занятия Марией ткачеством.

Связь между этими двумя функциями в случае Богородицы подтверждается и изображением так называемой *Virgo militans* (рубеж VIII–IX вв.), на котором она представлена в доспехах римского воина, с крестом-скипетром (отсылающим к иконографическому типу *Christus militans*, символу не только победы над смертью, но и защиты грешников в сцене Сожествия в ад⁷⁷), но при этом сжимающей в левой руке два веретена (Илл. 10). Присланная, как известно, в подарок Карлу Великому от имени императрицы Ирины (797–802)⁷⁸, данная костяная табличка свидетельствует, что интересующая нас аналогия была известна и понятна не только в Византии, но и в Западной Европе. Образ воинствующей Богородицы редко, но фиксируется здесь по изобразительным источникам (Илл. 11). Бóльшее распространение получила сцена Благовещения, в которой Мария представлена с пряжей, веретеном или прялкой. Иногда она изображалась даже с ткацким станком, как на парной миниатюре из французского «Часослова» XV в. (Илл. 12–13). Этот иконографический тип, без сомнения, имел византийское происхождение и опирался на цитировавшийся выше пассаж из «Протоевангелия Иакова».

Тема ткачества/защиты нашла, как мне кажется, своеобразное отражение и в распротранившихся с XIII в. изображениях плата св.Вероники — одном из вариантов нерукотворных икон, к которым также относился Мандилион (плат с портретом Христа, якобы спасший Эдессу от нападения персов)⁷⁹ (Илл. 14). Как и на последнем, образ Спасителя оказывался впе-

⁷⁷ Подробнее см.: Колпакова Г. С. Указ. соч. С. 146; Тогоева О. И. «Портрет» Жанны д' Арк.

⁷⁸ Подробнее о ней: Lewis S. A Byzantine “*Virgo Militans*” at Charlemagne Court // *Viator*. 1980. N 11. С. 71–110. Н. П. Кондаков, отмечая, что данная костяная табличка, возможно, является подделкой, тем не менее возводил изображение на ней к более раннему и лучше документированному типу *María Regina* (Кондаков Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 276–297).

⁷⁹ О символической связи Мандилиона с литургическими тканями, используемыми в таинстве Евхаристии, см.: Герстель Ш. Чудотворный Мандилион.

12-13 – Благовещение и Мария за ткацким станком. Парная миниатюра к «Часослову». Франция, ок. 1425 г. Опубликовано: <http://sged.bm-lyon.fr/Edip.BML>.

чатан в саму ткань плата Вероники, составляя с ней единое целое, как будто в подтверждение слов, сказанных Иоанном Дамаскином⁸⁰. С точки зрения символики данного изображения, внимания заслуживают исследования Луи Марена, сопоставившего иконографический тип Вероники с мотивом Медузы Горгоны (чья отрубленная голова, как мы помним, была изображена на щите Афины/Минервы). Для французского ученого, которого в первую очередь интересовал эффект обездвиживания модели, выступание головы Медузы из щита оказывалось идентичным выступанию лика Христа из плата⁸¹ — как, впрочем, и выступанию фигуры Младенца на щите Бого-

Образ Спаса Нерукотворного в византийских иконографических программах // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. С. 76–89, здесь С. 80; Лидов А. М. Мандилион и Керамион как образ-архетип сакрального пространства // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 249–280, здесь С. 253. О функциональной близости Мандилиона и греческого палладия: Фуллертон М. Д. Указ. соч. С. 16.

⁸⁰ О «Веронике» см. прежде всего: *Il Volto di Cristo / A cura di G. Morello, G. Wolf. Roma, 2001. P. 103–111.* См. также: Нерукотворные образы в Византии // Реликвии в Византии и Древней Руси. С. 277–316.

⁸¹ Ямпольский М. Указ. соч. С. 452–463 (со ссылкой на: *Marin L. Détruire la peinture. P., 1977; Idem. Philippe de Champagne ou la présence cachée. P., 1995*).

- 14 – Ганс Мемлинг. Св.Вероника. Ок. 1470 г. Опубликовано: <http://www.rodon.org/art-080318132225>
- 15 – Мария как олицетворение города. Немецкая гравюра. XV в. Опубликовано: Schreiner K. Maria. Jungfrau, Mutter, Herrscherin. Wien, 1994

родицы в иконографическом типе, отмеченном Н. П. Кондаковым. Во всех трех случаях представляется возможным говорить о единой, наглядно демонстрируемой символике защиты.

Воспринятой оказалась на Западе и тема Марии-покровительницы города. С XII в., когда культ Богородицы обрел здесь особую популярность, европейские правители начали искать ее заступничества для своих подданных⁸². Уже у Алана Лилльского в проповеди на Благовещение Богородица

Любопытно, что в том же ряду Марен рассматривает и изображения отрубленной Юдифью головы Олоферна.

⁸² Возможно, впрочем, это произошло даже раньше. О. Е. Этингоф упоминает кодекс из Королевской библиотеки в Копенгагене (GKS 6, 2. Fol. 83v) конца X в., где выходная миниатюра к «Книге Притчей Соломоновых» изображает царя Соломона, за спиной которого позади стены помещена женская фигура персонифицированной Премудрости, представленная в богородичном вишневом мафории и явно наделенная чертами Богородицы (Этингоф О. Е. Иконография ветхозаветных образов. С. 19–20). Подробнее об этом см.: Schreiner K. Maria Patrona. La sainte Vierge comme figure des villes, territoires et nations à la fin du Moyen Age et au début des temps modernes // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne / Publ. par R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 133–153 (там же — обширная литература по теме).

называлась одним из городов, созданных Господом (два других представляли род людской и Церковь), и уподоблялась ему⁸³ (Илл. 15). Не удивительно, что именно к ее защите в средние века и Новое время обращались многие народы: жители Сиены именовали свой город “*civitas virginis*”, Людовик Великий, король Венгрии (1326–1382), называл свои владения “*Regnum Marianum*”, Максимилиан Баварский в нач. XVII в. назначил Марию “*Ratona Bavariae*”. Преданностью Богородице отличались и жители Франции, особенно в период Столетней войны. Так, Кристина Пизанская в «Письме королеве» 1405 г. призывала Изабеллу Баварскую стать «матерью и защитницей своих подданных» — такой же, какой была Мария для всего христианского мира⁸⁴. В 1414 г. в “*Prière à Notre-Dame*” она обращалась непосредственно к матери Христа, моля ее оказать помощь французскому королю и избавить страну от постигших ее бед⁸⁵. А в «Зерцале достойных женщин» конца XV в. анонимный автор в подробностях описывал страстную мольбу, с которой французский дофин Карл (будущий Карл VII) обращался к Богоматери, прося у нее заступничества перед ее Сыном, который может помочь ему победить своих врагов. Содержание этой молитвы затем якобы пересказала дофину Жанна д'Арк, явившаяся к нему в Шинон с обещанием спасти Францию: открытый девушкой его «секрет» убедил Карла в ее избранности и побудил его доверить ей войска⁸⁶.

То, что Жанну благосклонные к ней авторы сравнивали с Девой Марией, спасительницей человечества, и видели в ней прежде всего защитницу французского народа, факт хорошо известен. Важно, что эта аналогия впервые начала использоваться летом 1429 г. — после снятия осады с Орлеана⁸⁷, которое расценивалось большинством авторов как первое чудо Жанны д'Арк,

⁸³ Schreiner K. Op. cit. P. 138.

⁸⁴ *Pisan Ch. de. Epistre à la reine* / Ed. par A.J.Kennedy // *Revue des langues romanes*. 1988. T. 92. N 2. P. 253–264.

⁸⁵ *Pisan Ch. de. Prière à Notre-Dame* // Thomassy R. *Essai sur les écrits politiques de Christine de Pisan*. P., 1838. P. 171–181.

⁸⁶ *Le Miroir des femmes vertueuses* // Quicherat J. *Procès de condamnation et de réhabilitation*. T. IV. P. 267–276.

⁸⁷ О возникновении данной аналогии и ее судьбе в текстах XVв. см.: Тогоева О. И. Путешествие как миссия в эпоху Жанны д'Арк // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2010 (в печати).

наглядное подтверждение ее миссии⁸⁸. Необыкновенная привязанность самой девушки к Богородице также неоднократно отмечалась современниками событий⁸⁹. Для нас же в данном случае особый интерес представляют показания Жанны на обвинительном процессе 1431 г., где она, в частности, с гордостью заявила, что вряд ли найдется кто-то, кто сравнится бы с ней в умении прясть⁹⁰. Безобидные на первый взгляд слова наполняются совсем иным смыслом, стоит лишь вспомнить, что двумя непревзойденными мастерицами в данном ремесле в средние века считались Дева Мария (к ней, очевидно, и отсылали слова Жанны) и Афина/Минерва, для которых функции ткачества и защиты оказывались семантически близкими. С этой точки зрения, любопытно отметить весьма специфическое прочтение данной темы в источниках, авторы которых были настроены враждебно по отношению к Жанне д'Арк. Так, в уже упоминавшейся выше "Livre des trahisons de France" рассказывалось, что некий английский капитан, прослышав об успехах Девы, приказал изготовить для своего войска совершенно особый штандарт: его белое поле было покрыто изображениями пустых коклюшек, а в середине красовалась прялка со льном, с которой свисало веретено. Девиз, помещенный на полотнище, гласил: «Иди [к нам], красавица!». Слова эти, по мнению автора, означали, что англичане «снова засадят Жанну за пряжу — что они и сделали, послав ее на костер в Руане и обратив в пепел»⁹¹.

Впрочем, не одно лишь ткачество, пусть даже и связанное с защитой города и страны, объединяло Жанну д'Арк с Девой Марией, а через нее — и с Афиной Палладой. В их восприятии людьми античности и средневековья присутствовала еще одна общая составляющая — их настойчиво декларируемая

⁸⁸ Подробнее об этом: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». С. 160–164.

⁸⁹ См. об этом: *Тогоева О. И.* Король и ангел. Символическая составляющая репрезентации власти во Франции XV в. // *Русская Антропологическая Школа. Труды.* 2008. Вып. 5. С. 406–437.

⁹⁰ РС, 1, 46.

⁹¹ *Le Livre des trahisons de la France.* P. 198. То же соединение в одном контексте идеи защиты страны и мирного ремесла наблюдается и в поэме Октавиана де Сен-Желе (1489 г.), который отмечал, что Жанна выбрала меч, «пронзающий и защищающий», и именно его, а не прялку, носила на боку: *Octavien de Saint-Gelais. Séjour d'honneur // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation.* T. V. P. 91.

девственность. Важно при этом заметить, что данное отличительное свойство во всех трех случаях оказывалось связанным с темой охраны города.

Как известно, в Библии город наделялся женской сущностью, попеременно выступая в роли «матери», «вдовы» или «блудницы»⁹². В качестве антитезы последнему существовал также город-«дева», чья символическая чистота пребывала под защитой крепостных стен — гарантии от насилия, которое может исходить от захватчика⁹³. Впрочем, этот образ был хорошо известен большинству древних традиций⁹⁴, в том числе и античной: вечно девственная Афина выступала здесь прежде всего как покровительница *городской стены*⁹⁵. Та же взаимосвязь между сохранением девственности и защитой города прослеживается и в образе Девы Марии, ставшей для людей средневековья олицетворением самой непорочности и спасения. Любопытно, что Юдифь (рядом с которой, как мы помним, на миниатюре из «Защитника дам» Мартина Ле Франка изображена Жанна д'Арк), защищавшая свой родной город от войск Олоферна, часто уподоблялась Церкви, убежищу всех истинных христиан⁹⁶, и, тем самым, автоматически приравнивалась к Марии — другому воплощению Церкви⁹⁷.

Вместе с тем в еврейских мидрашах та же самая Юдифь описывалась совершенно иначе: считалось, что в лагере Олоферна она согрешила, а потому стража отказывалась пускать ее внутрь городских стен⁹⁸. Именно в этом

⁹² Франк-Каменецкий И. Г. Женщина-город в библейской эсхатологии // Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882–1932. Сборник статей. Л., 1934. С. 535–548; Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле (Из евангельской мифологии) // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 623–665.

⁹³ Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Топоров В. Н. Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121–132, здесь С. 126–127.

⁹⁴ Там же. С. 127, 130–131.

⁹⁵ Михайлин В. Ю. Указ. соч. С. 236.

⁹⁶ *Beati Rabani Mauri* Expositio in Librum Judith // PL. T. 109. Col. 539–615, здесь Col. 565; *Glossa ordinaria* // PL. T. 113. Col. 731–740, здесь Col. 736.

⁹⁷ Подробнее см.: *Bührer-Thierry G.* La reine adultère // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1992. № 35. P. 299–312.

⁹⁸ *Dubarle A.-M.* Judith. Formes et sens des diverses traditions. Rome, 1966. P. 80–102, 168.

ряду логично выглядит и Жанна д'Арк с ее обетом целомудрия и первым военным «чудом» — снятием осады с Орлеана, во время которой ее противники-англичане именовали ее не иначе как проституткой⁹⁹. Следует отметить, что сомнения в истинной девственности возникали на протяжении веков и в отношении Афины Паллады, по некоторым данным настоящей, а не приемной матери Эрихтония¹⁰⁰, и в отношении Девы Марии, возможно, родившей Христа «от прелюбодеяния»¹⁰¹. Данная традиция, безусловно, являлась в средние века маргинальной, а потому не вызывает особого удивления тот факт, что Мартин Ле Франк в «Защитнике дам» дает определение “*Vièrge*” (Дева), ставшее к тому времени неотъемлемой частью имени Богородицы, своей Минерве¹⁰², с которой чуть раньше сравнивает Жанну д'Арк¹⁰³.

⁹⁹ Данное общественное мнение послужило впоследствии основой для официального обвинения Жанны д'Арк в занятиях проституцией: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». С. 152–157.

¹⁰⁰ Следы этой традиции подробно рассмотрены в: *Протопопова И. А.* Афина-Коронида и третья птица из трагедии Еврепида «Ион» // *Arbor mundi*. 2002. Вып. 9. С. 9–34, особенно С. 17–20, 26–29. Не случайно, как кажется, и Никита Хониат называет Афины «мнимой девственницей» (см. прим. 69). С этой точки зрения, интерес представляет и следующее обстоятельство. По словам Жана д'Эстиве, прокурора трибунала на обвинительном процессе 1431 г., Жанна д'Арк якобы заявляла, что после окончания военных действий и изгнания англичан с территории французского королевства она станет матерью трех необыкновенных сыновей — короля, императора и папы: РС, 1, 204.

¹⁰¹ Эта идея развивается в «Протоевангелии от Иакова»: «И сказал первосвященник: Отдай деву, которую ты взял из храма Господня. Иосиф заплакал. Тогда сказал первосвященник: дам вам напиться водой обличения перед Господом, и Бог явит грехи ваши перед вашими глазами» (История Иакова о рождении Марии. С. 123. XVI). См. также в «Евангелии от Никодима». § 2: «Но отвечали старейшины иудейские и сказали Иисусу: «Что мы видим? Прежде всего, Ты рожден от любодеяния. Во-вторых, из-за Твоего рождения Ирод погубил в Вифлееме младенцев. В-третьих, отец Твой и Мать Твоя Мария бежали в Египет, ибо не доверяли им люди» (цит. по: <http://biblia.org.ua/apokrif/apocryph1/ev-nikodim.shtml.htm>).

¹⁰² “*Tant estoit ceste noble vierge / Plaine de sens et de prudence / Qu'on lui offroit chandaille et cierge / Par honneur et par reverence*” (*Martin Le Franc*. Op. cit. P. 109. V. 17273–17276).

¹⁰³ См. прим. 51.

В отношении уже *обеих* героинь тот же эпитет использован анонимным автором упоминавшейся выше латинской поэмы «О пришествии Девы»¹⁰⁴.

В заключение, возвращаясь к изображению из рукописи «Защитника дам» 1451 г., стоит, видимо, отметить, что связь, выстраиваемая между Жанной д'Арк, Афиной Палладой и Девой Марией, на первый взгляд может показаться в достаточной степени формальной. Действительно, у нас нет никаких *прямых* доказательств того, что неизвестный художник создавал данный образ в соответствии с античными и христианскими представлениями о девственнице на защите города. И все же именно эта мифопоэтическая традиция позволяет лучше понять, почему на миниатюре к «Защитнику дам» французская героиня вдруг получила в руки копье и щит, а ее прототипом оказалась именно Афина, а не какая-нибудь другая, не менее достойная дама прошлого...

¹⁰⁴ См. прим. 54. Эпитет “*Vièrge*” применительно к Жанне д'Арк и его связь с ее прозвищем “*Pucelle*” заслуживает отдельного исследования.

ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ И НАПОЛЕОН БОНАПАРТ: РОСТ ПРАВИТЕЛЯ В ЖИЗНИ И НАРРАТИВЕ

...Старик на мгновение точно оживился и даже немного выпрямился. Он откашлялся, и голос его стал тверже и яснее.

— Какой он был-то? — произнес он. — Наполеон тот? А вот какой он был: ростом вот с эту березу, а в плечах сажень с лишком, а бородача — по самые колени и страх какая густая, а в руках у него был топор огромнейший. Как он этим топором махнет, так, братцы, у десяти человек головы с плеч долой! Вот он какой был! Одно слово — ампирагырь!

А. И. Куприн. «Тень Наполеона»

Человеческая культура знает ряд универсальных моделей, которые присутствуют едва ли не в каждой традиции и находят различные воплощения на разных этапах национальной истории. К числу таких универсалий несомненно принадлежит способ измерения и сопоставления объектов внешнего мира с человеческим ростом или размером частей человеческого тела. Нет нужды лишний раз останавливаться на том, что частям тела были соразмерны древнейшие меры длины, или на том, что превосходство в росте служит средством доминирования во множестве различных культур, отнюдь не только архаических.

Во всем этом море «антропометрических» универсалий есть целый ряд более частных, культурно обусловленных обычаев и образов, которые встречаются далеко не у всех народов и могут свидетельствовать о крайней типологической близости двух традиций или о чрезвычайном сходстве двух удаленных во времени конкретных культурных ситуаций. Если удастся верно определить параметры таких совпадений, то лучше представленная доступными нам материалами традиция может помочь в понимании традиции более древней.

Нас будут интересовать случаи, когда рост человека, облеченного властью, правителя или военачальника, особым образом соотносится с ростом его предшественников или соперников, и это сопоставление кладется в основу краткого рассказа апофтегматического типа. При этом реальный, физический рост исторического лица и рост, так сказать, нарративный могут находиться в довольно сложном соотношении, иногда изменяющимся в зависимости от нужд повествования. В центре нашего внимания будет, тем самым, не столько миграция мотивов, сколько механизм восприятия и отбора фактов для построения образа в кратком рассказе.

В качестве отправной точки нашего анализа приведем два повествовательных эпизода, разделенные хронологической пропастью как минимум в полтысячелетия. Один из них принадлежит концу XVIII века и известен едва ли не каждому, кто так или иначе интересовался историей наполеоновских войн. В 1796 г. Бонапарт был назначен главнокомандующим Итальянской армией Республики. Это назначение было весьма неожиданным для высших армейских чинов, тем более что командующий оказался значительно моложе большинства дивизионных генералов и не имел такого опыта ведения военных кампаний, который мог бы искупить этот недостаток. Неудивительно, что поначалу Бонапарт был принят своими новоявленными подчиненными весьма враждебно, и ему необходимо было эту враждебность сломить. Меры для этого предпринимались разные: Бонапарт, как известно, сосредоточил свое внимание на борьбе с коррупцией и воровством. Он даже велел расстрелять нескольких офицеров-взяточников к немалому удовольствию рядовых и младших офицеров действующей армии.

Однако борьба за авторитет и безусловное подчинение велась и на другом, так сказать, вербальном уровне. Именно с этим уровнем и связан существенный для нас поворот исторического сюжета. В армии ходили слухи, что во время резкого объяснения, глядя снизу вверх на отличавшегося высоким ростом генерала Ожеро, Бонапарт сказал:

Генерал, вы выше меня как раз на одну голову, но если вы будете грубить мне, то я непременно устраню это отличие¹.

¹ Ср., например: Тарле 1996, с. 49. Трудно сказать, какой из разговоров между Ожеро и Бонапартом послужил основой для этих слухов, а тем более — имел ли место в действительности диалог, хоть сколько-нибудь напоминающий то, что было растиражировано молвой. Первая встреча между генералами и но-

Второй эпизод гораздо менее известен. Событийно он относится к середине XI в., когда Харальд Суровый, вернувшись из Византии в Норвегию, сделался соправителем своего племянника, конунга Магнуса Доброго. Согласно одному из древнейших кодексов королевских саг под названием «Гнилая кожа» (Morkinskinna), Харальд стал слишком усердно добиваться выплаты налогов, а люди предпочитали платить не ему, а конунгу Магнусу, который в это время пользовался куда большей популярностью в народе.

В сложившемся противостоянии защитником интересов Магнуса стал знаменитый норвежский бонд, Эйнар Брюхотряс, который был не только ближайшим советником молодого правителя, но и одним из его приемных отцов². На тинге при большом стечении народа завязался спор между Эйнаром и Харальдом. Эйнар и его сторонники выступили с речами о том, что избранный конунгом ранее и утвержденный на Эйратинге Магнус пользуется преимуществами по отношению к тому, кто стал его соправителем позднее. Харальд же, в ответ на очередной оппозиционный выпад Эйнара, сказал следующее:

Теперь ты могущественен (букв. 'высоко носишь шлем'), Эйнар, и ныне, как и прежде, напрямик выказываешь свое несогласие со мной. Блажен тот день, когда твоя спесь будет растоптана! *И так же, как ты сейчас на голову выше, чем кто-либо другой, вскоре станешь ты на голову ниже*³.

Сходство двух этих эпизодов из совершенно разных исторических эпох тем более разительно, если учитывать тот исторический и нарративный кон-

вым командующим описана, например, в мемуарах Массена, и здесь мы не находим никаких следов столь резкого и прямого столкновения двух противников при встрече лицом к лицу, хотя недовольство и горячность Ожеро накануне и после первого приема у командующего в этом источнике отмечается. См.: Шиканов 2002, с. 80; Тэн 1997, с. 28; Кастело 2004, с. 138–139.

² Об Эйнаре и его прозвище см. подробнее: Успенский 2008.

³ Hatt berr þv nv hialminn Einarr. oc mioc synir þv þic ímotgongo við mic nv sem fyrr. oc goþr veri sa dagr er þinn ofsi steypiz. oc *sva sem nv ertv hoffi heri en aprir. scyldir þv bratt hoffi legri* (Mork., s. 108–109). Здесь и далее курсив наш. Физическая мощь, владение воинскими искусствами и мудрость Эйнара, позволявшие ему превосходить не только противников, но и тех конунгов и ярлов, которых он поддерживал, не раз описаны во многих саговых текстах. См., в частности: Успенский 2008.

текст, в который они включены. В самом деле, речь и в том, и в другом случае идет о военачальнике или правителе, недавно приобретшем этот статус, их авторитет так или иначе обладает некоей неполнотой, и именно ее-то им и следует преодолеть. Соперник, которому адресуется реплика, — человек, на чьей стороне определенная власть, влияние, возраст и наглядное физическое преимущество. Соотношение сил между оппонентами, в сущности, весьма неустойчиво, недавно приобретенная власть вполне может частично, а то и полностью, уйти из рук правителя или военачальника, если он не продемонстрирует, что умеет ею пользоваться. Правда, в рассказе о Наполеоне как будто бы речь идет о персональном противостоянии генерала и главнокомандующего, тогда как в истории из «Гнилой кожи» конунг своей репликой демонстративно уравнивает себя в росте со всеми остальными, противопоставляя им Эйнара. Но прагматика двух эпизодов и в этом отношении более близка, чем может показаться с первого взгляда: правитель должен преодолеть сопротивление многих, посрамив одного, самого недовольного или самого могущественного. В тексте об Эйнаре более очевидна традиционная метафорическая связь высокого роста и высокого общественного положения. Однако в обоих случаях речь, как нетрудно убедиться из контекста, идет не о том, чтобы лишить противника его места в социальной иерархии, а о лишении жизни путем устранения преимущества в росте⁴.

⁴ Остроты, где высота положения, но в ином качестве, сохраняется человеком и после смерти, были вообще достаточно популярны в средневековой Скандинавии. Приведем один эпизод из источника совсем иного типа, нежели саги, эпизод, который несомненно близок к истории Харальда и Эйнара, но в то же время существенно отличается от нее по многим параметрам. В церковных чтениях, посвященных датскому герцогу Кнуту Лаварду, причисленному к лику святых, описывается, в частности, как он избавлял свою страну не только от воров и разбойников на суше, но и от морских пиратов. Верша правосудие, он не пощадил и некоего весьма знатного и могущественного датчанина, промышлявшего морским грабежом и распорядился его повесить. Перед смертью датчанин говорил, что он состоит с герцогом в родстве и принадлежит с ним к одному кругу, а потому его позорная казнь нанесет ущерб всей знати и самому правителю. Однако Кнут Лавард ответил, что чем выше слой, к которому принадлежит виновный, тем выше всех остальных преступников он будет повешен (*Cum michi sis propinquus ceteris in pena es preferendus, quia quanto alijs es genere alcior. tanto alijs alcius eleuaberis*). Со-

Более того, каждая из кульминационных зловещих острот была отнюдь не пустым звуком — Наполеон не только располагал возможностью казнить своих подчиненных, но активно пользовался этой возможностью. Что же касается Харальда, то он попросту исполнил свое обещание, так как Эйнар и его сын Эйндриди были убиты по прямому приказу конунга. Правда, подразумеваемый способ расправы всюду соответствовал действительности не буквально. По приказу Наполеона не отрубались головы («приходится часто расстреливать», доносил главнокомандующий в Париж Директории), иначе погиб и Эйнар Брюхотряс — его зарубили набросившиеся из засады люди Харальда⁵. Здесь сюжетные совпадения, таким образом, в значительной степени заключаются в сходном риторико-нарративном построении, а не только в простом сходстве происшествий.

Чем же, однако, порождено интересующее нас сходство? Можно ли считать ли его результатом чистой случайности? Ведь перед нами, подчеркнем, не только чрезвычайная близость двух высказываний, близость смысловая и даже структурная, но и заметная общность в описании ситуации. Для того, чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, следует, как кажется, попытаться понять, какое место тема роста в «личном тексте» Харальда Сурового и в «личном тексте» Наполеона.

В жизнеописаниях каждого из них рост оказывается значимым, специально выделенным параметром. Что касается Наполеона, то ситуация здесь, в силу большего количества свидетельств, представляется довольно ясно очерченной. Малорослость императора вошла в легенду, стала своего рода общим местом. Люди, видевшие Наполеона в течение короткого времени, почти всегда успевали это отметить в своих воспоминаниях. Достаточно вспомнить, например, свидетельство Дениса Давыдова, которому посчаст-

орудив из корабельной мачты виселицу на холме, Кнут исполнил свое обещание (Chesnutt 2003. P. 93–94 <Lectio tertia>).

⁵ Немаловажно, разумеется, что практика обезглавливания была хорошо известна как во Франции XVIII в., так и в Скандинавии эпохи викингов. Нет нужды лишний раз упоминать о том, что было источником подобной осведомленности у современников Ожеро и Бонапарта. Что же касается древней Скандинавии, то здесь именно таким способом нередко умерщвляли побежденных и захваченных в плен (ср., например, описание расправы над йомсвикингами в «Круге Земном»).

ливилось рассматривать Бонапарта в упор в течение нескольких минут: «увидел человека малого роста, ровно двух аршин шести вершков»⁶.

Эта реплика замечательна тем, что объединяет в себе два подхода — эмоциональность восприятия, свойственную историческим анекдотам, и сухую фактографичность. Благодаря этому сочетанию мы сразу же наталкиваемся на весьма характерное противоречие: Д. Давыдов не только называет рост Бонапарта малым, но и производит его оценку в цифрах, как оказывается, достаточно точную, во всяком случае, она практически совпадает с теми, что дают личный камердинер императора, Констан Вери, и врач, измеривший тело Наполеона после его кончины⁷. Все эти показания колеблются между 168 и 169 см., что, подчеркнем, совсем не так мало для мужчины той эпохи. Во всяком случае, рост, минимально допустимый для солдата французской армии в ту пору, был куда меньше: с 1804 г. он составлял 154, 4 см., однако многие французы и до этого не дотягивали⁸. В наполеоновской армии периода 1805–1815 гг. средний рост солдат линейной пехоты был около 165 см., а лёгкой — всего 162 см. Солдаты ростом более 173 см. встречались очень редко⁹.

Таким образом, Наполеон, судя по всему, ничем особенно не выделялся среди своей армии, но это-то, по-видимому, и создавало своего рода эффект обманутого ожидания. Великий человек, а тем более великий полководец должен был обладать незаурядной наружностью, незаурядным телосложением и не в последнюю очередь — незаурядным ростом. В том, что касается роста, главную роль здесь играют, по-видимому, не тонкие культурные механизмы, связанные с идейными или эстетическими предпочтениями эпохи, а более прямые, архетипические универсалии, закрепленные в первую оче-

⁶ Давыдов 1982, с. 101–102. Авторы благодарны за указание этого и других свидетельств, относящихся к росту Наполеона, Л. И. Агронову и В. А. Мильчиной.

⁷ Наполеон... 2001, с. 151; Соколов 1999, с. 62.

⁸ Так, в 1807 г. из 351 призывника департамента Крез 171 человек был забракован, так как их рост не достигал отметки 154, 4 см. из них 66 человек были ростом менее 150 см.

⁹ Из 3 503 французских солдат армии Наполеона призыва 1805–1811 гг., личные дела которых были изучены О. В. Соколовым, только четыре человека имели рост 190 см. и выше (Соколов 1999, с. 575).

редь в обиходном сознании, в фольклоре и лишь затем просачивающиеся в литературу.

Специфика эпохи проявляется, скорее, в предоставлении этой «наивной» универсалии большего или меньшего культурного пространства. Наполеоновские войны — время смешения и перемещения огромных человеческих масс, — когда император так или иначе лично предстал перед тысячами собственных солдат и десятками европейских народов, весьма способствовали актуализации такого критерия. В восприятии многочисленных очевидцев, ожидавших лицезреть перед собою гиганта, рост императора уменьшался.

Замечательно, что мифологема, порождающая такую метаморфозу, имела власть над сознанием не только солдат и крестьян, но и над умами людей просвещенных, и это мы можем наблюдать в эпоху, гордящуюся своими успехами в области точных описаний, классификаций и измерений, в эпоху становления регулярной статистики и антропометрии. Именно этой вполне рациональной точности мы обязаны нашим обширным фактическим знаниям как о росте самого Наполеона, так и о физических данных французских новобранцев той поры, и именно такая привычка к точно измеренному солдатскому росту позволила русскому офицеру Денису Давыдову мгновенно на глаз оценить рост императора. Не исключено, что такого рода столкновение подчеркнутой рациональности и необоримых архаических универсалий, связанных с фигурой правителя, создавало почву для острот, подобных той, что молва приписывала Наполеону. Низкорослость, в этом случае, становилась его личной особенностью, своего рода оксюморонным знаком величия, который был выгодным предметом обыгрывания в мемуарах и исторических анекдотах. С точки зрения практики военного дела, высокий рост был уже решительно не нужен полководцу, лично не участвовавшему в рукопашных схватках, однако традиционные представления по-прежнему провоцировали чувство некоторой ущербности у людей невысокого роста, претендовавших на эту роль. Для преодоления такого положения вещей образ Наполеона весьма и весьма пригодился, и чем меньше оказывался рост этого эталона воинской гениальности, тем больше он соответствовал прагматике определенного рода текстов.

Что касается Харальда Сурувого, то с ним дело обстояло не столь очевидным образом. Норвежские правители XI в. нередко начинали свой путь

в качестве предводителей небольшого войска, сражавшихся наравне с собственными людьми, да и получив престол, продолжали участвовать в битвах с оружием в руках. В сагах их рост, вообще говоря, упоминается очень часто наряду с другими характеристиками личной доблести или личных недостатков. Рост конунга сравнивается с ростом предшественников, современников и потомков, он может особым образом фиксироваться в церковном пространстве. Существенно, что в центре всей этой иерархии измерений и сравнений зачастую оказывается именно фигура Харальда. Всюду, где в саговом тексте речь заходит о его росте, неизменно отмечается, что конунг был высок.

Однако прежде чем переходить к сопоставлению конкретного материала, следует вспомнить, что эпоха записи королевских саг (а именно отсюда мы черпаем подавляющее большинство сведений о средневековых норвежских королях) более чем на полтора столетия отстоит от того времени, когда жил этот правитель. Никто из составителей письменных кодексов не мог видеть конунга Харальда воочию, они вынуждены были, пользуясь переходившими из поколения в поколение устными рассказами, так или иначе воссоздавать его облик собственными силами. Мы же тем более не располагаем, — в отличие от случая с Наполеоном, — никакими точными антропометрическими данными, и потому можем сравнивать не факты и их интерпретацию в текстах, а лишь одни тексты с другими.

Отметим сразу же, что характеристика правителя в саге, хотя и могла строиться по определенным схемам, оставалась всегда достаточно индивидуальной. Иначе говоря, отнюдь не все конунги описываются как идеально сложенные красавцы, тем более что в текстах сохраняются их аутентичные прозвища, иногда прямо намекающие на какие-то изъяны или характерные особенности в их внешности¹⁰. Кроме того, здесь необходимо помнить о специфическом пристрастии саг к точным указаниям различных разме-

¹⁰ Ср., например, о конунге Эйстейне (+ 1123 г.), сыне Магнуса Голоногого: «Он был среднего роста (*ekki hár meðalmaðr*), умен, сведущ в законах и в сагах...» (Hkr., bnd. III, s. 286; КЗ. с. 488), или о конунге Сверрире (+ 1202 г.): «Он был невысок ростом и плотен...» (*hann var laagr maðr a voxt ok þykk*) (Sv., s. 194; ССв., с. 183). Ср. также такие прозвища норвежских средневековых правителей, как Олав Толстый, Инги Горбун, Магнус Слепой, Хакон Широкоплечий, Сигурд Рот и др.

ров, сочетающееся с общим стремлением как можно чаще сообщать, благодаря какой цепочке надежных свидетелей или каким сохранившимся объектам те или иные данные попали в поле зрения составителя текста¹¹.

Какая же роль в саговом повествовании отводится росту Харальда Сурового?

Если мы обратимся к «Кругу Земному», то без труда обнаружим здесь несколько нарративных приемов, позволяющих оценить рост правителя. Сравнение же нескольких саговых кодексов позволяет хотя бы отчасти увидеть, как формируется своеобразный стереотип роста Харальда Сурового и насколько по-разному их составители «работают» с этой темой. Все основные кодексы саг («Гнилая кожа», «Красивая кожа», «Круг Земной») равно внимательны к «материальным знакам», запечатлевающим реальный рост конунгов. Так, всюду практически без изменений включается рассказ о Магнусе Голоногом, где опосредованно говорится о росте его предков, в том числе и Харальда.

О самом Магнусе напрямую сказано, что тот «был очень высок ростом»¹². Здесь же приводится и набор прозвищ этого правителя, среди которых имеется одно, связанное с его ростом, «Долговязый» (Magnús háva). Кроме того, согласно сагам, рост этого конунга оказывается специальным образом отмечен в церкви:

Была сделана отметка его роста в Церкви Марии в Каупанге, в той, которую Харальд конунг велел построить. Там, у северных дверей, на каменной стене было прибито три креста, один отмечал рост Харальда <дед Магнуса Голоногого>, второй — рост

¹¹ Ср., например, замечания Снорри о могиле объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого (X в.): «В Хаугасунде стоит церковь, и у самого церковного двора, к северо-западу, расположен курган Харальда Прекрасноволосого. К западу от церкви лежит могильная плита Харальда конунга, которая лежала на его могиле в кургане. Эта плита тридцати с половиной стоп в длину и почти два локтя в ширину. Могила Харальда конунга была в середине кургана. Один камень был поставлен у него в головах, другой — в ногах, а сверху положена плита, и с обеих сторон снизу навалены камни. Камни, которые стояли раньше в кургане, стоят теперь на церковном дворе» (КЗ, с. 66).

¹² Hann var manna hæstr (Hkr., bnd. III, s. 256; КЗ, с. 476).

Олава <отца>, а третий — Магнуса. Они показывали, на какой высоте им было всего удобнее прикладываться¹³.

Согласно этой системе помет, рост Магнуса Голоногого, только что объявленного высоким, неожиданно уменьшается на фоне роста его предков, причем уменьшение это идет в строго хронологическом порядке: дед оказывается выше отца, а отец — выше сына, минувшее превосходит настоящее, во всяком случае, то, что является настоящим в рамках соответствующего фрагмента повествования («Выше всего был крест Харальда, ниже всего — крест Магнуса, а крест Олава был посредине»).

Это свидетельство является очень любопытным со многих точек зрения. В частности, оно могло бы быть особенно значимым потому, что церковь св. Марии, о которой здесь идет речь, играла особую роль в прижизненной и посмертной биографии Харальда — она была возведена по его приказу и в ней же он первоначально был погребен. Существенно, однако, что «материальные свидетельства», фиксирующие рост ряда поколений норвежских правителей, ко времени записи по крайней мере двух из интересующих нас кодексов успели утратить всяческую материальность. Церковь св. Марии была снесена по распоряжению архиепископа Эйстейна не позднее 1188 г. Видеть своим глазами ее мог разве что составитель «Гнилой кожи», хотя и это несколько сомнительно. Так или иначе, Снорри Стурлусон, автор «Круга Земного», прекрасно осознавал, что имеет дело не с меркой роста конунга как таковой, а лишь с преданием о ней.

Однако сохранить это предание в своем тексте для него, по-видимому, достаточно важно, потому что именно в «Круге Земном» наиболее последовательно строится образ Харальда Сурового не как просто высокого человека, но как правителя, значительно превосходившего ростом всех современников и потомков. Только у Снорри мы находим указание на точный рост Харальда, и указание это заметно выходит за рамки антропометрических стандартов — в «Круге Земном» сообщается, что рост конунга «был

¹³ Mark var gört til um hæð hans á Máriukirkju í kaupangi, þeiri, er Haraldr konungr hagði gera látit; þar á norðrdurum váru klappaðir á steinveggjum krossar iii., einn Haraldz hæð, annar Óláfs hæð, iii. Magnús hæð, ok þat markat, hvar þeim var hægst kyssa á; ofarst Haraldz kross, en lægst Magnús kross, en Óláfs mark jafnær báðum (Hkr., bnd. III, s. 256; K3, c. 476).

пять локтей»¹⁴, т. е., принимая во внимание различные современные оценки этой древнескандинавской меры длины, как минимум 2 метра и 29 сантиметров¹⁵.

Разумеется, нельзя полностью исключить, что Харальд Суровый и в самом деле был столь патологически высок. Однако молчание других источников относительно подобной патологии делает такое допущение маловероятным. Скорее, Снорри оперирует здесь комбинацией подходящих для этой цели преданий и собственных логических выкладок о том, каков же мог быть человек, превосходивший ростом своих и без того долговязых потомков.

Характерным образом, ни в какой из своих саговых текстов Снорри не включил тот рассказ о Харальде и Эйнаре Брюхотрясе, который интересует нас больше всего, хотя «Круг Земной» совпадает с «Гнилой кожей» (где, напомним, этот рассказ содержится) во многих деталях повествования о правлении Магнуса Доброго и Харальда Сурового. История, где хотя бы на мгновение Харальд уравнивается со всеми присутствующими и вместе с ними уступает в росте другому персонажу, прославленному своей мощью и статью, не укладывается в ту нарративную перспективу, которую выстраивает Снорри.

Хотелось бы подчеркнуть, что мифологема роста Харальда, которую мы обнаруживаем в «Круге Земном», ничем не противоречит, на наш взгляд, общему настрою повествователей конца XII — первой половины XIII столетия, у Снорри данный мотив лишь очищен от «ненужных» отступлений и оговорок. Как кажется, одна только история о трех крестах, не говоря уже о россыпи более мелких идентичных указаний на рослость Харальда, позволяет говорить о существовании единого «интертекста» роста, связанного с этим конунгом¹⁶. Без преувеличения можно сказать, что мотив незауряд-

¹⁴ ...v. álna er hátt mál hans (Hkr., bnd. III, s. 220; K3, с. 462).

¹⁵ По другим расчетам, эта величина могла достигать 235 или 245 см. Столь экстраординарные цифры даже вынуждают комментаторов саги предположить, что под «локтем» здесь имеется в виду какая-то другая мера длины, однако о существовании такой меры ничего доподлинно не известно (K3, с. 656 <примеч. 122>; Bjarni Aðalbjarnarson 1979, bls. 199).

¹⁶ Возможно, это хотя бы отчасти объясняется тем, что мы имеем дело со столь излюбленной составителями саг скрытой, имплицитной *figura etymologica*, заставляющей коррелировать между собой личное имя Haraldr и прилага-

ности его роста становится одним из сюжетообразующих элементов в рассказах о правлении этого государя. Во всяком случае, весьма характерно, что в трех основных кодексах королевских саг описание роковой для Харальда Сурового битвы при Стэмфордбридже (1066 г.) предваряется очередным упоминанием этой физической незаурядности, вложенным в уста его противника, английского короля Харальда Годвинсона. Накануне сражения к Тости, мятежному брату короля Англии, выступающего на стороне норвежского конунга, прибыл отряд посланников. Харальд Годвинсон предлагал своему брату треть державы, если тот перейдет в его лагерь. Когда же Тости спросил, что же в таком случае король сулит его союзнику Харальду Суровому, посланники отвечали:

он мог бы предоставить ему в Англии кусок земли в семь стоп длиной или несколько больше, раз он выше других людей¹⁷.

В этом едином взгляде саг и следует искать один из источников увлекшего нас сюжетного сходства между историей Харальда и историей Наполеона. Упрощая дело, можно сказать, что Наполеон был человеком, чей рост был чуть ниже среднего, но поскольку это противоречило образу императора, молва при жизни сделала его чуть ли не карликом. Харальд же был, по-видимому, заметно выше среднего роста, что как нельзя лучше подходило к представлениям его эпохи о правителе. Однако в его окружении находились люди и повыше, и чтобы нагляднее закрепить преимущество конунга, саговый текст со временем превращают его в гиганта. Большой Харальд и маленький Наполеон — это образы, обслуживающие, в сущности, одну и ту же

тельное *hár* ‘высокий’. С точки зрения этимологии научной, эти лексемы никак между собой не связаны (de Vries 1977, s. 210), но для средневекового автора имело куда большее значение подобие и созвучие, создающее особый тип родства между словами. Существенно при этом, что такие антропониические упражнения отнюдь не были образчиком лингвистической схоластики. В самом деле, это имя носило множество скандинавских правителей до и после Харальда Сурового, но именно по отношению к нему, к его запечатленному в традиции облику представлялось, по-видимому, уместной подобная этимологизация.

¹⁷ ... hann mun honum unna af Englandi: sjau fóta rúm eða því lengra sem hann er hæri en aðrir menn (Hkr., bnd. III, kap. XCI, s. 205; K3, c. 457; ср. Mork., s. 275; Fask., bls. 283). Один локоть (ок. 47 или 49 см.) равен двум стопам (Bjarni Aðalbjarnarson 1979, bls. 199).

культурную парадигму. Способность же в качестве окончательного довода употребить свою власть, чтобы выйти победителем из соревнования в росте, оказывается залогом того, что власть эта досталась правителю по праву и по заслугам. Не случайно, власть и жизнь Харальда обрываются тогда, когда обнаруживается шутник, способный представить его рост чрезмерным.

Одна и та же острота, таким образом, оказывается равно уместной в предельно удаленных друг от друга традициях — отчасти потому что и в той, и в другой в определенный момент происходит столкновение двух начал, стремления к фактографичности, исторической точности повествования и рефлекса архаического представления о росте правителя.

Исключает ли сказанное существование общего, еще более древнего источника, послужившего образцом для двух приведенных нами апофтегматических историй? Не может ли, с другой стороны, отыскаться аналогичный рассказ, принадлежавший той обширной эпохе, что разделяет время Харальда и время Наполеона, рассказ, который послужил бы своего рода передаточным звеном между XIII и XVIII веком, свидетельством непрерывности некоей европейской нарративной традиции? Оговоримся сразу: такие истории нам не известны, но мы крайне далеки от того, чтобы отрицать возможность их существования. Однако мы надеемся, что если такие тексты будут обнаружены, то предложенные нами параметры сопоставления окажутся работоспособными и для них.

Существует и еще одна характеристика культурной ситуации, необходимая для того, чтобы интересующая нас фабула, связанная с ростом, могла создаваться заново или переживать очередную «реинкарнацию». Такой характеристикой является продуктивность, живость апофтегматического жанра в отдельно взятой традиции, но это, по-видимому, должно быть предметом самостоятельного исследования.

СОКРАЩЕНИЯ И ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Давыдов 1982 — Д. В. Давыдов. Военные записки. М., 1982.

Кастело 2004 — А. Кастело. Бонапарт. М., 2004.

КЗ — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Наполеон ... 2001 — Наполеон. Годы величия. 1800–1814. В воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констана. М., 2001.

Соколов 1999 — О. В. Соколов. Армия Наполеона. СПб., 1999.

ССв. — Сага о Сверрире / Изд. подгот.: М. И. Стеблин-Каменский, А. Я. Гуревич, Е. А. Гуревич, О. А. Смирницкая. М., 1988.

Тарле 1996 — Е. В. Тарле. Наполеон. Ростов на Дону, 1996.

Тэн 1997 — И. Тэн. Наполеон Бонапарт. М., 1997.

Успенский 2008 — Ф. Б. Успенский. Из истории непристойного: Явные и скрытые смыслы одного прозвища в средневековой Норвегии XI–XIII вв. // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика (К дню рождения Ольги Александровны Смирницкой): Сборник научных статей. М., 2008.

Шиканов 2002 — В. Н. Шиканов. Созвездие Наполеона. СПб., 2002.

Bjarni Aðalbjarnarson 1979 — Snorri Sturluson, Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út, bnd. III, Reykjavík, 1979. (Íslenzk fornrit, bnd. XXVIII).

Chesnutt 2003 — M. Chesnutt, The Medieval Danish Liturgy of St Knud Lavard // Opuscula, vol. XI / Ed. Britta Orlík Frederiksen, Hafniæ, 2003 (Bibliotheca Arnamagnæana a Jón Helgason, vol XLII.).

Fask. — Ágrip af Nóreghskonunga sögum, Fagrskinna, Nóreghskonunga tal / Bjarni Einarsson gaf út, Reykjavík, 1985. (Íslenzk fornrit, bnd. XXIX.)

Hkr. — Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1893 — 1900/1901. Bnd. I–IV. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 23).

Mork. — Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1932. (Samfund(et) til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bnd. 53).

ÓHLeg. — Ólafs saga hins helga / Udg. ved O. A. Johnsen. Kristiania, 1922.

ÓTOdd. — Saga Óláfs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1932.

Sv. — Sverris saga / Utg. ved G. Inderbø. Kristiania, 1920.

de Vries 1977 — J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА И ПРЕДАНИЯ О КИЕ

Предание об основании Киева принадлежит к одному из ранних пластов киевского летописания. А.А. Шахматов относил появление этого предания на страницах летописи к Древнейшему своду [Шахматов 2002: 359]. По мнению А. А. Гиппиуса, с рассказа об основании Киева начинался летописный памятник, легший в основу свода 1072 года [Гиппиус 2006: 91]. Предание дошло до нас в разных летописях, наиболее ранние из которых — Лаврентьевский список Повести временных лет и списки Новгородской первой летописи младшего извода (далее НПЛ м. и.), которая сохранила чтения Начального свода 1090-х годов, предшествующий ПВЛ. Приведем текст предания полностью по Лаврентьевскому списку ПВЛ¹:

«... [и] быша 3 братья, единому имя Кии, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, [и] сестра их Лыбедь.

Съдьяше Кии на горѣ, гдѣже нынѣ увозъ Боричевъ; а Щекъ съдьяше на горѣ, гдѣже ныне зовется Щековица; а Хоривъ на третьеи горѣ, от негоже прозвася Хоревица.

И створиша градъ, во имя брата своего старѣишаго, и нарекоша имя ему Киевъ.

[И] бяше около града съсъ² и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь. Бяху мужи мудри и смыслени, [и] нарицахуся Поляне, от них же есть Поляне в Киевѣ и до сего д(ь)не» [ПСРЛ. Т. 1. 1924: 9].

В гипотезах о происхождении предания об основании Киева, представленных в научных исследованиях, можно выделить две основные:

1) «Оттопонимическая» или отаппелятивная. Согласно данной гипотезе, легенда об основании Киева была или продуктом народного творчества, или была сконструирована летописцем на основании названий киевских гор (Киевица, Щековица, Хоривица)³. Т. е. исходя из географических на-

¹ Тексты приведены в упрощенной орфографии с сохранением ятя.

² В списках НПЛ м.и. и в остальных списках ПВЛ читается 'лъсъ'.

³ Правда, сразу же возникает трудность в принятии данной гипотезы, так как в летописном сказании не фигурирует название горы Киевица, существуют лишь Хоревица и Щековица.

званий местности, были выведены имена трех братьев и создано предание, согласно которому эти персонажи были основателями Киева [к примеру: Роспонд 1968: 105, 107; Петрухин 2001: 98].

2) «Мифологическая» или отантропонимическая. По этой гипотезе предание об основании Киева есть локальный вариант приспособления схемы основного мифа о поединке Громовержца с его противником [Иванов Топоров 1976: 109].

Как считают В. В. Иванов и В. Н. Топоров, «известное летописное сообщение об основании Киева тремя братьями может рассматриваться как переосмысление более старого мифа о победе над змеем или тремя змеями на трех холмах» [Там же: 119].

Интерпретация В. В. Иванова и В. Н. Топорова с одной стороны объясняет имя старшего брата Кья, которое исследователи возводят к праславянской форме *Kǫjъ, производное от корня *kov- 'ковать' с основным значением 'палица', 'молот', 'жезл', что связывает Кия с «... Божьим Ковалем украинских преданий ... и Громовержцем основного мифа...», а с другой стороны не противоречит и происхождению названия Киева из какого-нибудь термина, [Там же: 120], так как «исконные апеллятивы, обозначавшие элементы ландшафта, по мере включения их в конкретный локальный вариант мифа доводились до уровня собственных имен, которые в значительной мере и составили основу позднейших историко-географических описаний уже вполне научного характера» [Там же: 109]. Таким образом, «мифологическая» гипотеза не противоречит «оттопонимической».

Но как представляется, не обязательно прибегать в объяснении предания об основании Киева к помощи «основного» мифа, так как способ формирования данного нарратива мог быть и несколько другим. С. Роспонд предполагает, что название города произошло, к примеру, из физиографического термина *kujava* «место, поросшее травой, камышом» [Роспонд 1968: 107], а впоследствии название города Киева было переосмыслено как посессивное образование, т. е. аффикс -ев- стал «восприниматься» как суффикс обозначающий принадлежность. Схожим образом было переосмыслено название города Канева, происхождение которого возводится преданием к татарскому *хану*, который **сидел на перевозе в том месте Днепра, где ныне располагается Канев (!)** [Словник 1985: 67]. Данное предание об основании Канева, может свидетельствовать как о влиянии на него предания о Кие-перевознике, так и о сходной нарративной стратегии объяснения топонимов с суффиксом -ев-.

В разбираемом нами предании, имена двух других братьев Кия, которые также произошли из названий киевских холмов, были сконструированы по той же модели: Хорив из Хорив-ицы и Щек — от Щек-ов-ицы, т. е. в случае с происхождением имени Щека явным оказывается понимание суффикса –ов- как поссесивного.

Остается неясным наименование жителей Киева, которые должны бы были называться *киевлянами* или *киевичами*, но на страницах летописи они везде именуются *кыянами/кыянами*. Как считается, название жителей Киева (*kijane*) происходят от имени *Кий* - **kij*, а не от названия города, соответственно, и сама словоформа *Киев* — **Kij-evъ* является ‘городом Кия’, где аффикс -ev- обозначает поссесивность. Данную гипотезу поддерживало множество исследователей (к примеру: Соболевский 1910: 188–189, Фасмер II: 230, Лер — Славинский 1965:197–198, Трубачев 1997: 52), но данная, всеми принятая этимология, вызывает серьезные возражения.

С. Роспонд пишет, что летописец переделывает «*Kujava* на *Kijevъ*, чтобы таким образом установить племенного предка полян Кия» (Роспонд 1968: 107). Вряд ли следует уличать в данном изменении самого летописца, так как довольно сложно представить, чтобы летописец сам придумал другое название городу, об истории которого повествовал. Скорее следует рассматривать, как указывалось выше, преобразование под влиянием антропонимической модели. Но в таком случае возникает новая сложность, так как на данный момент не зафиксированы случаи, указывающие на возможность перехода суффикса –av- в –ev- в славянских топонимах под влиянием антропонимической модели. А также остается не вполне ясным, на каком этапе этот переход должен был состояться, чтобы до нас не дошло исконное название жителей Киева?

Не так давно Н. Голбом и О. Прицаком была предложена иная этимология Киева, которая возводит Киев к иранскому по происхождению имени *Kūya* (*Kūye*), развившегося из **kaoua* (ср. младоавест. *kaoua-*, Adj. от названия известной иранской династии Каянидов)» [Голб, Прицак 1997: 75]. Данная гипотеза основана на том факте, что иностранные источники, включая еврейское «Киевское письмо», которое первым по времени (930-е гг.) фиксирует названия города Киева как *qiyu-ōb*, отражает «характерный как раз для восточно-иранских языков суффикс –*awa* (еврейское –*ōb* письма)», что согласуется с тем, что именно хорезмийцы возглавляли вооруженные силы хазар. [Топоров 1997: 516]. Одного же из визирей, возглавлявшего хазарское войско по свидетельству Аль-Масуди звали Ахмадом бну Куи, т. е.

сын Куи, а так как должность визиря наследственна то, по мнению исследователей, это может говорить о правлении в Киеве отца Ахмада [Голб, Прицак 1997: 75–76; Топоров 1995: 516–517; Топоров 1989: 30–31].⁴

Трудно согласиться с такой «иранской» этимологией, хотя бы на том основании, что у Аль-Масуди не сказано, что Ахмад, а тем более его отец, имеют хоть какое-то отношение к Киеву, а то, что отец Ахмада возглавлял хазарское войско (что доподлинно неизвестно) не объясняет для чего главному военачальнику страны надо было основывать Киев или быть «начальником киевского гарнизона» — города, являющейся для Хазарии самой удаленной точкой их владений на северном рубеже. [Убедительную на наш взгляд критику «иранской» этимологии см. Трубачев 1997: 56 и сл., а также Петрухин 1997: 210–212].

Оставив в стороне «экзотичную» версию Голба и Прицака, вернемся к объяснению поставленных вопросов. В.Л. Васильев, изучая архаическую топонимию новгородской земли, на территории которой встречаются топонимы сходные с названием города на Днестре: это деревни Киево, Киевичи, Киясова гора и др., показал, что большинство из них имеют отантропонимическое происхождение. «Географические названия Киево, Кийково, Киясова гора... обусловлены древнерусским личным именем Кыи и его дериватами Кыико, Кыясь, смягченными позднее до Кии, Кийко, Кыясь. Исходным апеллятивом для этих имен является древнерусское Кыи (< праслав. *kyjъ), лексема, знакомая всем славянским языкам во взаимосвязанных значениях 'палка, дубина; посох; молот; трость; батог'» [Васильев 2005: 209].

Несмотря на данный факт, исследователь сомневается в антропонимическом генезисе интересующего нас топонима. Как считает исследователь, название жителей Киева — *кияне* свидетельствует об апеллятивном происхождении топонима. «Вся совокупность многочисленной древнерусской катойконимии и этнонимии на — 'ане убеждают в том, что это образование от топонимов с апеллятивными основами, если же считать имя легендарного воеводы Кия мотивирующим началом названия днепровского Киева, то мы вправе ожидать появление патронимически оформленного *киевичи*, которое означало бы 'люди рода Кия' или несколько шире 'люди Кия' и параллельно было бы воспринято в качестве катойконима — наименования

⁴ Н. Голб и О. Прицак полагают, что Куя мог быть основателем Киева (Голб, Прицак 1995: 77).

жителей вообще, закономерно соотнесенного с географическим названием Киев поссессивного типа. По отношению к днепровскому Киеву такого рода образований как раз и нет, зато присутствует форма *кыяне*, убедительно подразумевающая первичный аппелятив, а не личное имя». [Там же: 210].

Каким же мог быть первичный аппелятив? В. Л. Васильев придерживается в этом отношении мнения С. Роспонта, о котором было написано выше. Мы попробуем высказать свою точку зрения по данному вопросу.

В дискуссиях по поводу происхождения топонима Киев никогда не поднимался вопрос о правомерности названия жителей города — *кыяне*, от названия города *Киева*. Возможно ли присоединение суффикса — 'ане, при образовании катойконима, напрямую к основе топонима? Помимо Киева нам удалось найти еще восемь подобных случаев.

1) украинский город Глухов (Сумская область). Под 1552 годом в документах зафиксирован некий Скоруба Глушенин. [указано в ННСССР: 434] Модель образования единичного жителя та же, что и в случае с названием жителя Киева — *кыянин*. Правда, для Глухова катойконим *глушане/глушене* документами не фиксируется.

2) город Трубчевск (Брянская область). Одно из наименований жителей, по всей видимости, наиболее раннее — *трубчане*, фиксируется в Лаврентьевской летописи под 1223 годом. [ННСССР: 47-48].

3) город Зубцов (Тверская область). В документе под 1631 годом жители этого города названы — *зубчане*. [Там же: 100].

4) жители Межевского района Костромской области назывались *межанами*.

Остальные четыре случая, в которых при образовании катойконима наблюдается подобная модель имеют более позднюю фиксацию (XIX–XX вв.): это жители деревни Софиевки Днепропетровской области — *софияне* [Там же: 114]; одно из названий жителей города Череповца — *черепане* [Там же: 67]; жители села Теньгушево в Мордовии — *теньгушяне* [Там же: 75]; жители села Ухолово Саратовской области — *ухляне* [Там же: 244].

Приведенный данные показывают, что для небольшого числа древнерусских топонимов с формантом –ев-, происхождение которых, по всей видимости, не связано с каким-либо антропонимом(?), характерно образование катойконима путем присоединения форманта 'ане к голой основе топонима.

Какого же природа форманта -ев- в названии города Киева? Во всех топонимических справочниках все топонимы с формантом -ев- возводят к какому-либо имени или прозвищу человека, и характеризуют формант -ев- как поссессив, хотя отантропонимическое происхождение некоторых топонимов и вызывает серьезные сомнения. К примеру, топоним *Барсуков перевал* вряд ли стоит связывать с деятельностью человека по прозвищу Барсук, когда более логичным кажется видеть за этим названием простую фиксацию факта обитания барсуков в данной местности.

Формант -ев- в праславянских/древнерусских топонимах мог употребляться как для указания принадлежности человеку или места обитания животного, так и мог указывать на распространенность в данном месте какого-либо неодушевленного предмета (например, растения). Правда, как правило, для обозначения распространенности какого-либо растения или животного в определенном месте использовался, как правило, суффикс -н /-ин, что отражено в большинстве топонимов такого типа: село Мышиное, Гусиное озеро, село Ягодное, село Грибное и т. д.

В некоторых случаях ту же функцию мог выполнять суффикс -ев-/-ов, который был в некотором роде синонимичным -н-/-ин-. Такая синонимия формантов, вероятно, была характерна для дописьменного периода славянского и/или древнерусского языка. К этому периоду, без сомнения, относится и появление названия города Киева.

На наш взгляд, топоним Киев следует возводить к слову *кий* в значении 'палка'; вероятно, 'болотная трава'; 'камыш'; 'рогоз'. Отсюда Киев — «место, заросшее камышом, болотной травой», что подтверждается и названием украинского озера Киёво, и словинским названием болота K'ijevo [ЭССЯ. 13. С. 256–257]. Возможно, изначально данное название местности состояло из двух элементов: **kujev-ъ/о* + вид географического пункта (болото, место, село), где **kujev-ъ/о* следует рассматривать как краткое притяжательное прилагательное. Ср. чешское прилагательное «*kujovi*», «*kujevi*» — 'палочный', 'от удара палкой', старо-польское «*kijowu*» — 'палочный'. Впоследствии, второй элемент в топониме был элиминирован.

В связи с вышеизложенным, можно заключить, что предание носило оттопонимический характер, так как существовали устные нарративы о каком-то легендарном персонаже, что подтверждается и тем фактом, что только на страницах летописи мы встречаемся сразу с четырьмя такими преданиями: предание об основании Киева, свидетельство о Кие-перевознике, предание

о Кие — основателе Киевца и о поездке Кия к византийскому императору (правда, некоторые из них, видимо, были сконструированы летописцем).

Сложнее обстоит с вопросом о «статусе» двух других братьях Кия Хорива и Щека. Имя Щек возводится к общеславянскому *Skēk- (*Skok-) и (*Skik), со значением 'водный уступ', 'щека', что сродни «глаголам 'ско-чить', 'щекотать' в славянских эпических формулах, относящихся к персона-жам, так или иначе связанными с продолжениями героев основного мифа» [Иванов Топоров 1976: 120].

Недавно Ф. Б. Успенский предложил новую трактовку названия Щеко-вища. Исследователь сопоставляет скандинавское название Киева — *Konungardr*, где первый элемент в названии восходит к древнеисландскому существительному *kin*, этимологически соответствующему славянскому слову *щека* со значением 'склон, возвышенность'. Данное соответствие славян-ского названия Киевской горы и скандинавского названия Киева, по мнению исследователя, может свидетельствовать о восприятии скандинавами горы Щековицы как центра зарождающегося Киева. [Успенский 2008: 73–81]

Имя Хорив возводится Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым к авестийско-му *haraiva*, как названию области Арианы, а также авест. *harā*, *hara(i)ti* как обозначение горы. Данная этимология сближает Хорив с этнонимическим иранизмом хорваты, того же времени и того же места [Там же: 121].

М. Фасмер предлагал другую этимологию названию Хорив, возводя его к финскому *kor* — гора, остров (см. о Хортица на Днестре) [Фасмер III: 317].

И та, и другая этимология имеет своих приверженцев, но какую бы эти-мологию не принять, возникает проблема с объяснением совпадения назва-ния киевской горы Хоривицей с названием восточного отрога Синая Хо-рив (= брату Хориву предания), где по библейскому тексту Моисей увидел «неопалимую купину». Эту очевидную параллель отмечал еще Е. Г. Барац [см. Барац 1924/I: 482 и сл.]. Дальнейшую разработку она получила в тру-дах В.Я. Петрухина, с которым, видимо, следует согласиться. В.Я. Петрухин утверждает, что «имя Хоревича закрепилось за киевской горой в дохри-стианский период, и было заимствовано славянскими жителями Киева у ев-рейско-хазарской общины, которая приурочивала легендарные топонимы к киевской реалии» [Петрухин 1997: 211]. Как мы знаем, из дошедшего до нас так называемого «Киевского письма», еврейская религиозная общи-на проживала в Киеве в начале X века. А.А. Архипов в своей работе отме-

чает, что еврейское название Киева происходит из названия легендарной реки Самбаион, которая, по талмудическому преданию, протекает где-то на границе иудейского мира, за которой живут 10 потерянных колен Израилевых [Архипов 1995: 75]⁵. В многочисленных упоминаниях в еврейских источниках эта река, не имеющая точной географической привязки, располагается на периферийных для еврейского народа территориях. По всей видимости, одним из таких географических пунктов для хазарских евреев был и Киев, находившейся в крайней северной точке хазарской ойкумены. Само название реки Самбаион происходит от названия праздничного дня субботы (Самбата/Шаббат). Для нашего исследования важным будет являться тот факт, что названия реки/города Самбаиона типологически тождественно личным именам «Киевского письма» Песах, Ханука и Синай [Архипов 1995: 96]. Данные имена не входят в обычный еврейский именослов, но имеют еврейское происхождение: первые два происходят из названий еврейских праздников, а Синай — библейский топоним. [Там же: 95–96]. Личные имена, происходящие от названия праздников характерны как раз для еврейских диаспор, удаленных от митрополии [Там же: 96]. Следовательно, собственные имена иудеев, проживающих на периферии еврейского мира, могут происходить из названий праздников, а также из библейских топонимов. Для географических объектов могли существовать названия, происходящие от праздников (Самбаион). На наш взгляд если географические названия, встречающиеся в Библии, могли становиться личными именами людей, то название библейских топонимов тем более могли даваться географическим объектам новой обживаемой территории, что и подтверждает название киевской горы Хорив.

Как кажется, нет никаких оснований говорить о фольклорном происхождении, как Щека, так и Хорива, во всяком случае, столь раннем, как у Кия. Вопрос о том, когда были все три брата «собранны» воедино в предание об основании Киева, в устной или письменной среде, практически не решаем, так как такого вида конструирования возможны как под пером летописца, так и в народном творчестве. На наш взгляд, конструирование такого предания самим летописцем следует признать весьма вероятным, так как он мог, исходя из предания о Кие, по аналогии с ним, сконструировать «не достающих» братьев.

⁵ Благодарю Георгия Ахилловича Левинтона за возможность ознакомиться с этой книгой.

В армянской хронике «Истории Тарона» Зеноба Глака, создание которой относят к VIII веку [Абегян 1948: 347, 348] читается рассказ о трех братьях Куаре, Мелтее и Хореане, который впервые был сопоставлен с преданием о Кие, Щеке и Хориве академиком Н. Я. Марром [Марр 1928: 257–287]. Приведем текст этого предания:

«И дал власть трем сыновьям Куару, Мелтею и Хореану. Куар построил город Куары, и назван он был Куарами по его имени, а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтей; а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его Хореан. И по прошествии времени, посоветовавшись, Куар, Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место с благорастворением воздуха, так как был там простор для охоты и прохлады, а также обилие трав и деревьев. И построили они там селение и поставили они двух идолов: одного по имени Дисанея, а другого по имени Деметра» [цит. по: Марр 1928: 280].

Н. Я. Марр, а за ним и некоторые другие исследователи, обращавшиеся к вопросу о сходстве двух сюжетов, говорили как о тождественности элементов предания, так и о тождестве имен трех братьев. Рассмотрим сходства в сюжетах преданий. Они следующие:

— наличие трех братьев-строителей в армянском и киевском предании. Но если в ПВЛ братья совместно строят город и называют его в честь старшего брата Кия, то каждый из братьев из «Истории Тарона» сам строит свой город, причем не на горах, а уж потом они сообща воздвигают капище уже на горе Каркея.

— совпадает описание природы на горе: «обилие трав и деревьев» соотносится с «лесом и бором великим» ПВЛ. Как и в армянском предании, так и в предании о Кие, упоминается, что на горе хорошее место для охоты. Все что объединяет оба предания — это наличие леса на горе, в котором можно охотиться.

Теперь перейдем к именам братьев, сначала, отметив географическую область, в которой по преданию Хореан построил свой город. Это область Палуни (Palunikh). Исследователи, начиная с академика Н. Я. Марра, сопоставляют названием области Палуни племенем полян ПВЛ. Как пишет С. Т. Еремян, Хореан являлся вотчиной нахарарского дома Палуни, образован же был гавар Палуни в конце IV века после раздела царства Великая Армения [Еремян 1965: 157. Нам удалось найти упоминания Палуни у Елишэ

в его «Слове о войне армянской», созданной в V веке [Юзбашян 2001: 258], но у Елишэ Палуни упоминается как княжеский род. Можно сделать вывод, что исторически достоверен тот факт, что был некий нахарарский род, который назывался Палуни. Возможно, та местность, на которой представители этого рода проживали, получила название Палуни, или, наоборот, род получил свое «имя» по названию той территории, на которой он проживал. Для нашей работы это не существенно, так как в любом случае приведенные свидетельства доказывают только тот факт, что название рода и/или местности имеет четкую географическую локализацию уже в V веке, а появление полян на исторической сцене вряд ли можно отнести ко времени ранее VII–VIII веков.

Топонимов Хореан на территории Армении представлено достаточно много. Считается, что Мовсес Хоренаци, живший в V веке, был родом из одного из таких селений, поэтому и являлся обладателем фамилии Хоренаци. Интересен также тот факт, что у армянского историка Мовсеса Каланкатуацы в «Истории страны Алунак» (XIII век) фигурирует имя персидского военачальник с именем Хореан. [Каланкатуацы 1984: 67].

Сопоставлять же имена Щека и Мелтея, вообще, строго говоря, невозможно. В. В. Иванов и В. Н. Топоров, следуя Н. Я. Марру, говорят о «семантической близости» персонажей [Иванов, Топоров 1980: 121], но эта семантическая близость остается загадкой, так как топоним Мелти в Армении известен еще ассиро-вавилонским текстам, и, видимо, получил свое название от протекающей здесь реки Мел [Еремян 1965: 156].

Куар — этот городок являлся владением Мамиконянов в области Тарон, который так же, как и аван Мелти, находился на реке Мел. Как пишет Г. А. Меликишвили, имя Куар восходит к имени урартского божества Куера [Меликишвили 1954: 370].

Как можно видеть из представленного материала, армянские топонимы, на основании которых сложилось предание о Куаре, Мелтее и Хореане, существовали уже в V веке, а появление микротопонимов Киева следует отнести к VIII–IX веку. Как представляется, оба предания имели оттопонимическое происхождение, абсолютно независимое друг от друга, а отмечаемое сюжетное сходство, имеет явно типологический характер. Что касается имен главных героев, то перед нами лишь отдаленное фонетическое сходство: первый слог в имени первого брата (Кый / Куар) и первый слог

в имени третьего брата (Хорив / Хореан). Но этого совершенно не достаточно для сопоставления имен собственных армянского и русского преданий⁶.

Остальные предания о Кие, расположенные в летописном тексте вслед за преданием об основании Киева, рассмотренном нами выше, были внесены в ПВЛ на первом этапе ее составления в 1113 году. Следует говорить сразу о четырех преданиях о Кие, зафиксированных летописцем.

Первое из них — это скорее свидетельство о локальном киевском предании, считающем Кия перевозчиком через Днепр: «**Ини же не сведуще рекоша**, яко Кии есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оная стороны Днепра. Темь глаголаху: “На перевозъ, на Киевъ”» [ПСРА Т. 1. 1924: 9–10]/ Так как данное свидетельство внесено летописцем как теза, которой противопоставляется другое предание, показывающее, по его мнению, несостоятельность точки зрения о том, что Кий был перевозником, то летописец начинает свой «пересказ» предания с вводной фразы, которая призвана убедить читателя в несправедливости подобной точки зрения на «профессию» Кия: “Ини же не сведуще рекоша”. Предание о том, что Кий был перевозником, впервые попало в текст летописи в 1090-е годы. Составитель Начального свода во Введении, которое отразилось в НПЛ мал.изв., пишет о Кие следующие: «Его же [Кия] нарицають тако перевозника бывша; иней же: ловы деяше около города». Т. е. Начальный свод свидетельствует о бытовании преданий о Кие, а автор ПВЛ объясняет данное утверждение, снабдив его пояснением, откуда оно могло появиться. Перевод этого летописного пассажа у Д. С. Лихачева звучит следующим образом: «Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: “На перевоз на Киев”». [ПВЛ 1997: 9]. Если принять данный перевод, рассматривая фразу: «на перевоз на Киев» как указание на направление перевоза, т. е. в Киев, то остается не совсем понятным, что хотел сказать летописец. С другой сто-

⁶ Конечно, можно предположить какое-нибудь фантастическое объяснение, одно из которых принадлежит Н. Я. Марру, который сходство преданий объяснял в рамках своей яфетической теории, считая, что общность преданий о построении Киева и Куара — есть «наследия предания об исторической жизни кимеров и сарматов» [Марр 1935: 208], но вряд ли такое объяснение можно признать научным.

роны можно предложить рассматривать «на Киев» не как указание на направление перевоза — «перевоз на Киев», а как принадлежность перевоза, т. е. «перевоз Кия», В этом случае ясной становится причина, по которой летописец называет тех, кто придерживается версии о Кие-перевознике, несведущими. «Несведущие» воспринимали фразу «на перевоз, на Киев» неправильно, как указание на принадлежность перевоза, а не как направление движения. Из-за этого непонимания, и появилось предание о том, что Кий был перевозником, как это представляет нам летописец.

Если наше предположение верно, то перед нами свидетельство, принадлежащее перу летописца начала XII века, пытающегося «охарактеризовать» механизм появления предания в народной среде, причиной которого является ложное восприятие расхожей фразы, происходящее из-за ее двойственности.

Далее летописец поясняет, по какой причине невозможно принять версию «иных».

«Аще бо бы перевозникъ Кии, то не бы ходилъ Царюгороду, но се Кии — княжаше в роде своемъ. Приходивши ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику честь прияль от царя, при которомъ приходивъ цари» [ПСРЛ. Т.1: 10].

Предание о визите Кия к царю для летописца является бесспорным доказательством несостоятельности предыдущей точки зрения на статус Кия, так как, по мнению летописца, быть князем и перевозником одновременно невозможно.

В современной историографии высказывалось мнение о том, что рассказ о визите Кия к византийскому императору и предание об основании Киевца-на-Дунае, которое следует за рассказом о визите к императору Византии, — это выдумка летописца [Мельникова 2002: 68–69, Петрухин 2001: 38–39]. Данное утверждение базируется на том факте, что сообщение летописи о визите Кия к византийскому василевсу, а также построение «малого градка» на Дунае сюжетно совпадает с деятельностью Святослава Игоревича, который также основал Переяславец-на-Дунае. Т. е. как Кий, который по аналогии с Киевом «назвал» городок Киевец, так и Святослав называл Переяславец в честь Переяслава. Обратимся к тексту летописи:

«Идущую же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби место и сруби градокъ малъ, и хотяше сести с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии, еже и доньне наречють Дуици, городище “Киевецъ”. Киеви же пришедшию

въ свои градъ Киевъ, ту животь свои сконча, а братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра их Лыбедь ту скончашася».

Как пишет В. Я. Петрухин: «Дунай был для славянства и Руси не только границей, но и центром, местом начала и завершения самых существенных событий» [Петрухин 2001: 39]. Можно рассматривать три сюжета, связанных в летописном повествовании с Дунаем, как этапы истории славян и Руси, завершенных одним летописцем — первым составителем ПВЛ.

Данные сюжеты можно условно разбить на три части, которые будут представлять в первом случае исход славян с Дуная, а в последующих — безуспешные попытки там закрепиться: начальную (упоминание о прародине славян на Дунае) — серединную (возвращение Кия на Дунай и безуспешная попытка закрепиться на Дунае) — конечную (основание Переяславца на Дунае Святославом Игоревичем и дальнейшее его фиаско).

Как отмечает Е. А. Мельникова, история русских дохристианских князей строится по одной и той же схеме, где поход на Византию предшествует смерти князя. Так было с Олегом, Игорем и Святославом, а вот Ольга и Кий «великую честь прияли», так как в случае Ольги и Кия это был визит, а не военный поход [Мельникова 2002: 69].

Летописец пытается ввести Кия в общую схему повествований о дохристианских князьях, но вот базируется ли он на собственной реконструкции, или же на устных источниках, ответить довольно сложно. Нам представляется, что указание на устное происхождение предания о визите Кия к василевсу, вводимое в летописное повествование фразой «якоже сказают», говорит о каком-то фольклорном источнике летописца, который он, возможно, преобразил в угоду общему «правилу» построения сюжетов о деятельности князей.

Что касается вопроса о происхождении предания о возведении городка Киевца-на-Дунае, можно согласиться с мнением о конструировании данного сюжета самим летописцем по образу предания о возведении Киева.

ЛИТЕРАТУРА

Абемян 1948 — Абемян М. История армянской литературы Т. 1. Ереван, 1948.

Архипов 1995 — Архипов А. А. По ту сторону Самбатииона. Berkeley, 1995.

Барац 1924/1 — *Барац Г. М.* Собрание трудов по вопросам о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Т. 1. Берлин, 1924.

Былинин 1992 — *Былинин В. К.* К вопросу о генезисе в историческом контексте летописного «Сказания об основании Киева» // Герменевтика древнерусской литературы. С. 14–44.

Васильев 2005 — *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли. Великий Новгород., 2005.

Гипшиус 2006 — *Гипшиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

Голб, Прицак 1997 — *Голб Н., Прицак.* О Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997.

Еремян 1965 — *Еремян С. Т.* О некоторых историко-географических параллелях в ПВЛ и «Истории Тарона» Иоанна Мамиконяна // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Вып. 2. Киев, 1965. С. 151–160.

Иванов, Топоров 1976 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: методология и историография. М., 1976. С. 109–128.

Иванов, Топоров 1980 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. С. 11–44.

Каланкатуауци 1984 — *Мовсес Каланкатуауци.* История страны Алуанк. В 3-х книгах. / перевод с древнеармянского Ш. В Смбатяна. Матенадаран, Ереван, 1984.

Лер-Сплавинский 1965 — *Лер-Сплавинский Т.* Еще раз о названии города Киев // Проблемы современной филологии М., 1965. С. 197–198.

Марр 1928 — *Марр Н. Я.* Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси // Известия ГАИМК. Т. III. Л., 1928. С. 257–287.

Меликишвили 1954 — *Меликишвили Г. А.* Напри-Урарту. Тбилиси, 1954.

Мельникова 2002 — *Мельникова Е. А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглин-

гах) // Древнейшие государства восточной Европы. 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.

ННСССР — Название народов СССР. М., 1975.

ПВА 1997 — Повесть временных лет / перевод Д. С. Лихачева, СПб., 1997.

Петрухин 1997 — *Петрухин В. Я.* Комментарии // Н. Голб, О. Прицак. Хазарско-еврейские документы X века М., Иерусалим, 1997. С. 201–223.

Петрухин 2001 — *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия / Из истории русской культуры. Том. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 9–440.

ПСРА. Т. 1. 1924 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1924.

Роспонд 1968 — *Роспонд С.* Значение древнерусской ономастики для истории // Вопросы языкознания. № 1 1968. М., 1968. С. 103–110.

Словник 1985 — *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі.* Київ, 1985.

Соболевский 1910 — *Соболевский А.* Русские местные названия и язык скифов и сарматов // РВФ. Т. 94, 1910.

Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор 1989. М., 1989.

Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Трубачев 1997 — *Трубачев О. Н.* В поисках единства. М., 1997.

Успенский 2008 — *Успенский Ф. Б.* Новый взгляд на этимологию древнескандинавского названия Киева *Konigardr* (по поводу статьи Э. Мелин) // Вопросы языкознания № 2. 2008. М., 2008. С. 73–81.

Фасмер — *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка.* В 4-х тт. М., 1964–1972.

Шахматов 2002 — *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1.: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков.* М., 1974. Вып. 1.

Юзбашян 2001 — *Юзбашян К. Н.* Армянская эпопея V века. М., 2001.

ЛЕГЕНДА О ВЛАДИМИРЕ И РОГНЕДЕ И СКАНДИНАВСКАЯ ТРАДИЦИЯ (К ПАРАЛЛЕЛИ С ЛЕГЕНДОЙ О СЫНОВЬЯХ ХЕЙДРЕКА)*

В Начальной летописи под 6488 (996) годом и в Лаврентьевской летописи под 6636 (1128) годом рассказывается о сватовстве Владимира Святославича к полоцкой княжне Рогнеде и о покорении Владимиром Полоцка.¹ В обеих версиях Рогнеда отвечает на сватовство Владимира отказом, говоря: «не хочу розути робичича, но Ярополка хочю». Версия статьи 1128 года более пространна: здесь добавлен мотив помощи Владимиру со стороны его воспитателя и дяди по матери Добрыни, а также продолжение истории о Владимире и Рогнеде: попытка Рогнеды убить Владимира во сне и ее последовавшая опала.

В «Круге Земном» Снорри Стурлусона можно найти по крайней мере пять параллелей к летописному сюжету о сватовстве князя Владимира к Рогнеде и о покорении им Полоцка. Четыре параллели обнаруживаются в «Саге об Инглингах». При различии в конкретных деталях все эти четыре сюжета строятся вокруг отмщения женщины своему мужу или жениху за измену и / или за убийство родичей.² В 13-ой главе «Саги об Инглингах» конунг Ванланди бросает свою жену Дриву и за это его губят при помощи колдовства. В 14-ой главе рассказывается о сыне Ванланди и Дривы — Висбуре. Он бросает жену, после чего она уезжает с их сыновьями к своему отцу. Сыновья требуют от отца вернуть матери по праву принадлежащее ей вено (три больших двора и золотую гривну), но он не возвращает, и сыновья сжигают отца в его доме. В 19-ой главе конунг Агни побеждает ко-

* Данная работа была представлена в виде доклада «Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция» на втором круглом столе «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе», проведенном Центром славяно-германских исследований 10 июня 2008 года.

¹ См. Лавр. 6488, л. 23 об.–24 (стб. 75–76); Ипат. 6488, л. 30 (стб. 63–64); Радз. 6488, л. 42–42 об.; НовгІмл 6488, л. 42–42 об. (с. 125–126); Лавр. 6636, л. 99 об.–100 (стб. 299–301).

² Подробнее см. [Михеев 2009: 235–241].

нунга финнов и хочет взять в жены его дочь Скъяльв, но она убивает Агни, мстя ему за гибель отца. Люди Скъяльв вешают Агни на дереве за золотую гривну, доставшуюся ему от предков. В 48-ой главе «Саги об Инглингах» и в первой главе следующей саги «Круга Земного», «Саги о Хальвдане Черном», рассказывается о Гудрёде и его жене Асе. Гудрёд сватается к Асе, получает отказ, побеждает ее отца, который погибает вместе с сыном, захватывает Асу и женится на ней. Вскоре после того, как у них рождается сын, Гудрёд погибает ночью от руки слуги Асы. Аса уезжает с маленьким сыном на родину и правит в бывших владениях своего отца.

Примечательно, что в истории о Висбуре мы встречаем мотив выступления сыновей против отца. В других королевских сагах этот мотив отсутствует, но находит себе параллель в эпизоде защиты Рогнеды малолетним Изяславом. В рассказе о Гудрёде также обнаруживаются уникальные параллели к истории Владимира и Рогнеды: здесь есть мотивы неудачного сватовства и отъезда сына и жены на родину их предков.

Легенда о гибели Агни, судя по всему, была прототипом для описания убийства Бориса Владимировича, сына Владимира Святославича. Основаниями для такого вывода является наличие ряда необычных мотивов в русском и скандинавском рассказах о гибели Бориса (Бурислава «Эймундовой пряди»): в описании гибели Бориса упоминается золотая гривна, а в рассказе об убийстве Бурислава — подвешивание шатра на дереве. Это причудливое сочетание, вероятно, объясняется тем, что убийство Бориса было изначально уподоблено убийству Агни, повешенному на дереве за золотую гривну.³

Оба сюжета, в которых упоминается золотая гривна Инглингов — легенды о Висбуре и об Агни — построены на мести женщины своему мужу или жениху, что сближает эти рассказы с легендой о Владимире и Рогнеде.

Все вышеизложенное дает нам основания заключить, что для окружения Владимира Святославича и его наследников одним из продуктивных приемов построения повествования было введение аллюзий на легенды о древних свейских конунгах.

В данной заметке легенда о Владимире и Рогнеде будет рассмотрена под другим углом зрения — как возможный источник германской традиции.

³ Подробнее см. [Михеев 2009: 212–254].

Сведения о деятельности Владимира Святославича (Вальдмара) и его сына Ярослава Владимировича (Ярислейва) дошли до нас во многих скандинавских источниках.

Знатные люди по имени *Вальдар* и *Ярислейв* упоминаются в одной из песен Старшей Эдды, где они входят в состав посольства Гьюкунгов к вдове Сигурда Гудрун:

Вальдар датский	Valdar Dönom
с Ярислейвом,	með Iarizleif,
Эймод третий	Eymóðr þriði
с Ярискаром	með Iarizkári
вошли тогда [в палату],	inn gengo þá,
похожие на князей,	iöfrom líkir,
воины длиннобородого.	Langbarz liðar. ⁴

Как отметил в комментарии к Старшей Эдде М. И. Стеблин-Каменский, «[и]мена некоторых из персонажей <...> указывают на русско-скандинавские связи XI в. Ярислейв — это явно Ярослав; Вальдар — возможно, Владимир; Эймод — Эймунд» [Стеблин-Каменский 1963: 244]. Имя *Вальдар* здесь, судя по всему, действительно является искажением имени *Вальдимар*. Этот же сюжет имеется в «Саге о Вельсунгах», где упоминаются «Вальдмар Датский и Эймод и Ярислейв» («... þar var Valdamar af Danmörk, ok Eymóðr ok Iarisleifr»)⁵

Почему Вальда(ма)р назван и в Старшей Эдде, и в «Саге о Вельсунгах» *Датским*? Первым известным носителем этого имени в Дании является король Вальдемар I Великий, правивший во второй половине XII века. Вальдемар I был назван в честь Владимира Мономаха, своего прадеда по женской линии.⁶ Судя по всему, в скандинавской литературной традиции предок и его далекий потомок превратились в одного героя. То же самое произошло на Руси с Владимиром Святым и Владимиром Мономахом, сросшимися в образе былинного Владимира Красного Солнышка. Ярислейв в паре с Вальда(ма)ром *Датским* упоминается уже в Codex Regius, рукописи второй половины XIII века с текстом Старшей Эдды. Таким образом, русские

⁴ Gðr. II, 19 (S. 221). Перевод А. И. Корсуна

⁵ Völsunga s., k. 32 (34) (s. 206).

⁶ Успенский 2002: 34–35.

князя Владимир и Ярослав оказались в скандинавской традиции XII–XIII веков включены в рассказы о древних героях, среди которых были Аттила и Эрманарих.⁷

Перейдем теперь к германской легенде о Хеадорике (Хейдрекке), Хлиде (Хлэде) и Ингентеове (Ангантюре), которая обнаруживает некоторое сходство с легендой о Владимире и Рогнеде.

В англо-саксонской поэме «Видсид» VII–IX веков говорится:

[П]отом я пустился
по старым готским
исконным землям
искать содружинников —
и это были
Эрманрика приближенные:
Хэтку нашел я, Беадеку,
и херелингов,
Эмерку нашел я, Фридлу
и Эастготу,
добромудрого
родителя Унвене,
Секу нашел я, Беку,
Сеаволу и Теодрика,
Хеадорика и Сивеку,
Хлиде и Ингентеова;
Эльсу нашел я, Эадвине,
Эгельмунда и Хунгара,
и войско отважное
вит-мюрингов;
Вульфхере нашел я и Вюрмхере;
воевало там непрестанно
войско хредов

Donan ic ealne geondhwearf
eþel Gotena,
sohte ic á [ge]siþa
þa selestan:
þæt wæs innweorud
Earmanrices.
Heðcan sohte ic *ond* Beadecan
ond Herelingas
Emercan sohte ic *ond* Fridlan
ond East-Gotan,
frodne *ond* godne
fæder Unwenes.
Seccan sohte ic *ond* Beccan,
Seafolan *ond* Peodric,
Heaþoric *ond* Sifecan,
Hliþe *ond* Incgenþeow.
Eadwine sohte ic *ond* Elsan,
Ægelmund *ond* Hungar,
ond þa wloncan gedryht
Wiþ-Myrginga.
Wulfhere sohte ic *ond* Wyrmhære:
ful oft þær wig ne alæg,
þonne Hræda here

⁷ Ср. также проанализированные А. Н. Веселовским [1906: 9–10] упоминания Вальдемара в «Саге о Тидреке Бернском».

в лесах у Вистлы,	heardum sweordum
мечами точеными	ymb Wistlawudu
часто обороняя	wergan sceoldon
древний трон свой	ealdne eþelstol
от народа Этлы;	Ætlan leodum.
Рэдхере нашел я, Рондхере,	Rædhere sohte ic <i>ond</i> Rondhere,
Румстана и Гисльхере,	Rumstan <i>ond</i> Gislhere,
Видергильда, Фреодерика,	Wiþergield <i>ond</i> Freoþeric,
Вудью и Хаму.	Wudgan <i>ond</i> Haman. ⁸

Легенды о Хеадорике, Хлиде и Ингентеове отразились и в скандинавских текстах. В первую очередь это так называемая «Сага о Хервёр» или «Сказание о мече Тюрфинге», как эту сагу называл издававший ее И. В. Шарвольский [1906].

Согласно саге, Хейдрек был королем Рейдготаланда (то есть страны хредготов, упоминаемых и в «Видсиде»). Хейдрек пошел в поход на Хуналанд (страну гуннов), победил там конунга Хумли и взял его дочь в наложницы, однако потом отправил ее домой, где у нее родился сын Хлэд. Хлэд воспитывался у своего деда Хумли. После смерти Хейдрека хредготами стал править его сын Ангантюр.

В «Саге о Хервёр» цитируется «Песнь о Хлэде», написанная эддическим размером и сходная с самыми древними песнями Старшей Эдды:

Хумли, как слышно,	Ár kváðu Humla
гуннами правил,	Húnum ráða,
а гаутами — Гицур,	Gizur Gautum,
Ангантюр — готами,	Gotum Angantý,
данами — <u>Вальдар</u> ,	<u>Valdarr</u> Dönum,
а валами — Кьяр	en Völum Kjár,
и Альрек Храбрый –	Alrekr inn frækni
англов народом.	enski þjóðu. ⁹

Далее в саге рассказывается о том, что после смерти Ангантюра Хлэд решил потребовать у брата половину владений. Он приехал ко двору правителя

⁸ Widsith, 109–124 (p. 218–222). Перевод В. Г. Тихомирова.

⁹ Hervar., k. 11 (p. 52). Перевод А. И. Корсуна.

готов во время тризны по Хейдреку. Согласно «Песни о Хлёде», Хлёд попросил отдать ему:

и лес знаменитый,	Hrís þat it mæra,
что Мюрквид зовется,	er Myrkviðir heita,
на готской земле	gröf þá ina helgu,
могилы священные,	er stendr á gotu þjóðar;
камень чудесный	stein þann inn mæra,
в излучинах <u>Данпа</u> ,	er stendr á stöðum <u>Danpar</u> ,
кольчуг половину,	hálfar herváðir,
у Хейдрека бывших,	þær er Heiðrekr átti,
земель и людей	lönd ok lýða
и блестящих колец.	ok ljósa bauga. ¹⁰

В ответ Ангантюр предложил Хлёду треть своего государства в управление, большие сокровища, много воинов и рабов.

Далее в саге читаем:

При конунге Ангантюре был тогда Гицур Грютингалиди, воспитатель конунга Хейдрека (fóstri Heiðreks konungs). Он был тогда очень стар. Когда он услышал слова конунга Ангантюра, ему показалось, что тот предлагает слишком много, и он сказал:

Щедро сулишь ты	Þetta er þiggjanda
<u>рабыни отродью,</u>	<u>þýjar barni,</u>
<u>сыну рабыни,</u>	<u>barni þýjar,</u>
от князя рожденному.	þótt sé borinn konungr;
Этот <u>ублюдок</u>	þá <u>hornungr</u>
сидел на кургане,	á haugi sat,
в то время как конунг	er öðlingr
наследство делил.	arfi skipti.

Хлёд очень рассердился на то, что его назвали сыном рабыни и ублюдком (er hann var þúbarn ok hornungr kallaðr) после посулов брата. Он сразу же уехал со всеми своими людьми и направился домой в гуннскую землю к конунгу Хумли, отцу его матери. И он рассказал Хумли, что его брат Ангантюр не дал ему равной доли наследства.

¹⁰ Hervar., k. 11 (p. 56). См. там же некоторые разночтения. Перевод А. И. Корсуна.

Конунг Хумли спросил, что произошло между ними, и очень рассердился, узнав, что Хлёд, сын его дочери, был назван сыном рабыни (ef Hlöðr, dóttursonr hans, skyldi ambáttarsonr heita).¹¹

Затем в саге рассказывается, что Хумли собрал большое войско и вторгся в Рейдготаланд, пройдя пограничный лес Мюрквид. Гунны победили в первой битве сестру Ангантюра Хервёр, которая погибла в сражении. Следующая битва произошла на Дунхейд: Ангантюр победил, а Хумли и Хлёд пали в бою.

Легко заметить, что легенда о Хейдреке и Хлёде является еще одной параллелью к легенде о Владимире и Рогнеде, при этом — параллелью наиболее близкой. Только в этих двух сказаниях говорится о борьбе между единокровными братьями, упоминается воспитатель конунга и наконец — что самое важное — конунг называется «сыном рабыни».

Ниже в виде таблицы дается сопоставление состава мотивов легенды о Владимире и Рогнеде со всеми выявленными на сегодняшний день скандинавскими параллелями.

Уникальные параллели к мотивам легенды о Владимире о Рогнеде отмечены восклицательным знаком.

Кроме обозначенных ниже в списке литературы в таблице используются следующие условные обозначения:

ПВЛ — Начальная летопись;

ÓТ — «Сага об Олаве Трюгвасоне» по «Кругу Земному».

Данное сопоставление выявляет следующую интересную особенность: мотив именованного Хлёда сыном рабыни располагается в фабуле «Саги о Хервёр» *после* мотива захвата Хейдреком дочери Хумли, матери Хлёда. В легенде о Владимире и Рогнеде все иначе: *сначала* говорится об оскорблении Рогнедой Владимира, а уже затем следует рассказ о ее захвате Владимиром.

Это структурное отклонение не может быть случайным. Мечь за оскорбленную честь женщины и убийства близких родичей происходят и в роду Инглингов, и в роду Хейдрека, и в роду Владимира Святославича *из поколения в поколение*. Как бы перевернутая фабула легенды о Хлёде наиболее ярко отражает это обстоятельство. Показательна и история Ван-

¹¹ Hervar, k. 12 (p. 58). Перевод А. И. Корсуна.

Таблица 1. Сопоставление близости скандинавских аналогий к сюжету о Владимире и Рогнеде

	ПВА 6488	Лавр. 6636	Yngl. s. 13-14		Yngl. s. 19	Yngl. s. 48, Halfdan. 1	ÓT 71	Hervar.	
	Владимир и Рогнеда		Ванланди и Дрива	Висбур и дочь Ауди Богатого	Агни и Скьяльв	Гудрёд и Аса	Олав и Гудрун	Хейдрек и дочь Хум- ли	Ангантюр и Хлёд
неудачное сватовство		+							
«робичич»		+							+ (!)
воспитатель конунга			+						+ (!)
противостояние единокровных бра- тьев		+							+ (!)
победа		+			+	+	+	+	
взятие города			+			+	+	+	
гибель отца невесты		+			+	+	+		+
захват невесты		+			+	+	+	+	
наличие детей			+	+ (Вис- бур)		+		+ (Хлёд)	
пренебрежение же- ной		+	+	+				+	
неудачная месть		+					+		+
ночная месть жены		+					+ (!)		
сын против отца		+		+	(!)				
отъезд жены и сына		+				+	(!)		

ланди и Висбура — отца и сына, умерших почти одной и той же смертью, и древнерусские легенды о Владимире и Рогнеде, о Ярополке, Олеге и Владимире, о Борисе и Глебе.¹²

Рассмотрим теперь имена интересующих нас героев. В древнерусском рассказе и в легенде о Хлёде мы встречаем несколько сходных имен.

Во-первых, в «Песни о Хлёде», как и во «Второй песни о Гудрун», упоминается *Вальдар*. Нельзя исключать, что это имя в эддических текстах восходит к именам персонажей русской легенды о Владимире и Рогнеде — Владимира / *Вальдамара* и Рогволода / *Рагнвальда*.

Во-вторых, один из корней имени Хейдрека звучит и в имени Рогнеды / *Ragnheiðr*. Как уже отмечалось, Хейдрек / Хеадорик фигурирует в «Видсиде», то есть этот персонаж не мог быть выдуман в XII–XIII веках. Не исключено, что связанный с ним легендарный сюжет об именовании брата конунга сыном рабыни был отчасти перенесен на историю полоцкой княжны Рогнеды, имя которой было созвучно с именем Хейдрека.

Итак, легенда о Хейдреке, Хумли, Хлёде и Ангантюре является наиболее близкой параллелью к русскому сказанию о Владимире и Рогнеде. Вероятно, русская легенда сначала испытала влияние со стороны скандинавской, а затем сама оказала на нее опосредованное влияние.

Таким образом, русская скандинавоязычная литературная традиция, очевидно, некоторое время не просто сосуществовала с собственно скандинавской, но и являлась ее неразрывною живою частью. Благодаря этой общности в песнях Эдды мы находим отголоски русских событий конца X века.

Безусловно, в скандинавской литературе опосредованно отразились и более ранние русские события — эпохи Олега, Игоря, Ольги, Святослава, и более поздние рассказы о святом Борисе и о слепом Якуне.¹³ Вывод о бытовании легенды о Владимире и Рогнеде в скандинавской традиции позволяет лучше понять и историю других легенд. Так, теперь вряд ли можно сомневаться в том, что легенда об Олеге отразилась в «Саге об Одде Стреле».¹⁴

¹² Согласно древнерусским источникам, и Ярополка Святославича, и Бориса Владимирича убивают двое варягов, подсланных братом жертвы.

¹³ О Хаконе / Якуне см. мою статью [Михеев 2008] (здесь следует отметить, что раньше меня сходство между описаниями Хакона Эйрикссона и Якуна Слепого заметил М. Г. Ларссон [1993: 80], с наблюдениями которого я не был знаком и невольно повторил их в своей статье).

¹⁴ См. [Мельникова 2000] с указанием литературы.

Очевидно, что все эти сюжеты, больше известные нам по русскоязычным текстам, были изначально включены в скандинавский культурный контекст. Это означает, что они не только испытали на себе влияние скандинавских прототипов, но и сами влияли на них.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский 1906 — Веселовский А. Н. Русские и вильгины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук: 1906 г. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 3. С. 1–190.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е / [Пригот. к печати А. А. Шахматовым]. (Репринтные издания: М., 1998; М., 2001.)
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е / [Под ред. Е. Ф. Карского]. Вып. 1: Повесть временных лет. (Репринтные издания: М., 1997; М., 2001.)
- Ларссон 1993 — Larsson M. G. Rusernas rike: Nordborna och Rysslands födelse. [Stockholm, 1993.]
- Мельникова 2000 — Melnikova E. The death in the horse's skull: The interaction of Old Russian and Old Norse literary traditions // Gudar på jorden: Festskrift till Lars Lönnroth. Stockholm, 2000. S. 152–169.
- Михеев 2008 — Михеев С. М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2008. № 2 (32). С. 27–32.
- Михеев 2009 — Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. (Славяно-германские исследования. Т. 4.)
- НовГмЛ — Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова]. М., 1950. (Репринтное издание: М., 2000.) С. 101–427.
- Радз. — Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1983.
- Стеблин-Каменский 1963 — Стеблин-Каменский М. И. Комментарии // Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. Ред., вст. ст. и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963. С. 214–257.

- Успенский 2002 — Успенский Ф. Б. Скандинавы · Варяги · Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Шаровольский 1906 — Сказание о мече Тюрфинге (*Hervarar saga ok Heiðreks*). Киев, 1906. [Вып.] I: Старо-исландский текст с введением И. Шаровольского.
- Gðr. II — *Guðrúnarkviða II* // *Edda: Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*. 3. durchgesehene Aufl. / Herausgegeben von G. Neckel. Heidelberg, 1936. (Germanische Bibliothek. Abteilung 2: Untersuchungen und Texte. Bd. 9.) I: Text. S. 218–225.
- Hervar. — *Hervarar saga ok Heiðreks* / With notes and glossary by G. Turville-Petre. Introduction by C. Tolkien. L., [1956].
- Völsunga s. — *Völsunga Saga* // *Fornaldar sögur Nordrlanda eptir gömlum handritum* / Útgefnar af C. C. Rafn. Kaupmannahöfn, 1929. Bd. 1. S. 149–234.
- Widsith — Text of Widsith, with notes // Chambers R. W. Widsith. A study in Old English heroic legend. Cambridge, 1912. P. 187–224.
- Yngl. s. — *Ynglinga saga* // Snorri Sturluson. *Heimskringla* / Udgivne ved Finnur Jónsson. København, 1893–[1900]. Bd. I. (Samfund til utgivelse af gammel nordisk litteratur. XXIII: 1.) S. 9–85.

О РЕАКЦИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ НА ПОСТАВЛЕНИЕ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА*

Дошедшие до нас исторические источники не содержат информации о реакции Константинополя на поставление (в 1051 г.) Ярославом Мудрым и собором русских епископов Илариона, первого киевского митрополита из местных славян. Некоторые исследователи использовали это молчание источников как *argumentum ex silentio* для вывода о том, что поставление состоялось при взаимном согласии Киева и Константинополя¹. Сторонники такой интерпретации ссылаются на отсутствие не только негативной реакции Византии на назначение Илариона², но и явной антигреческой направленности принадлежащего ему *Слова о законе и благодати*.

Все же мы вправе предполагать некоторую напряженность в русско-византийских отношениях середины XI в. С одной стороны, с приходом к власти Константина IX Мономаха (1042–1055) „константинопольский двор стал демонстрировать по меньшей мере политику пренебрежения к сохранению традиционных дружественных отношений со своим давним русским союзником <... >“³. С другой стороны, в *Слове о законе и благодати*

* Искренне благодарю М. А. Джонсон, сотрудницу Хиландарского исследовательского центра (The Hilandar Research Library) Университета штата Огайо в г. Колумбус (США), Л. А. Герд, С. Румшаса и Т. Шумейко за неоценимую помощь в работе с публикациями, недоступными в Литве, а также Ф. Б. Успенского за плодотворное обсуждение предварительного варианта работы.

¹ Obolensky D., *Byzantium and the Slavs*, New York, 1994. P. 139–142, 148–149; Мюллер Л., *Понять Россию: историко-культурные исследования*, Москва, 2000, с. 88–124; Подскальски Г., *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, издание второе, исправленное и дополненное для русского перевода, Санкт-Петербург, 1996 (Subsidia Byzantinorossica, t. 1), с. 148–155.

² Подобной той, что последовала после поставления в 1147 г. второго киевского митрополита русского происхождения — Климента Смолятича.

³ Литаврин Г. Г., *Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–начало XII в.)*, Санкт-Петербург, 2000, с. 325.

Иларион, совершенно нетрадиционно возлагая ответственность за еврейское рассеяние не на иудеев, а на иудео-христианское руководство ранней Иерусалимской Церкви, в аллегорической форме, но все же „довольно ясно указывает на противление греков против поставления епископов русского происхождения“⁴.

Эти данные позволяют считать, что поставление Илариона отражает борьбу Ярослава Мудрого с константинопольским патриархом за большую самостоятельность киевской митрополии, которая отнюдь не оспаривала церковного подчинения Константинополю. Последнее обстоятельство позволило избежать острого конфликта и способно объяснить молчание источников.

Ниже я постараюсь показать, что позицию византийской столицы по вопросу о поставлении Илариона можно реконструировать, основываясь на косвенных, но вполне конкретных данных. Дело в том, что в 1057 г. Антиохия подняла вопрос о том, где именно должны поставляться грузинские каталикосы — в самой Грузии или в Византии, что вполне аналогично проблеме, возникшей в константинопольско-киевских отношениях в связи с поставлением Илариона.

В предыдущей работе я стремился показать, что такое совпадение не случайно и что в середине XI века Антиохийская Церковь, вероятно, следила за развитием событий в Киеве и использовала их результаты в своих внешних сношениях, преследуя собственные интересы⁵. Основанием для этого вывода послужило то, что киевская коллизия, связанная с митрополитом Илари-

⁴ Георгий Вагнер, „Киевский митрополит Иларион и русская митрополия в правление Ярослава Мудрого“, in *Православная мысль*, вып. 14, Paris, 1971, с. 35 (французская версия: Georges Wagner, *La Liturgie, Expérience de l'Église: Études liturgique*, Paris, 2003. P. 19–31). Ср. также: Дикстра Т., „Слово о законе и благодати митрополита Илариона как три изначально самостоятельных произведения“, in Дворниченко А. Ю., Майоров А.В. (ред.), *Rossica Antiqua 2006: Исследования и материалы*, Санкт-Петербург, 2006, с. 142–144.

⁵ Подробнее см.: Темчин С. Ю., „Поставление киевского митрополита Илариона в свете грузинского *Жития Георгия Святогорца*“ in Christians D., Stern D., Tomelleri V. S., (eds.), *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rhotе zum 80. Geburtstag*, München-Berlin, 2009 (*Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, Bd. 3), S. 345–358.

оном, отразилась в церковных делах Антиохии по крайней мере дважды — сначала при патриархе Петре III (после июня 1052 — после августа 1056), а затем при Феодосии III Хрисоверге (до 30.08.1057 — после 1059):

1. Антиохийские патриархи, начиная с Иоанна III (рукоположен 4 октября 996 г.), рукополагались константинопольскими патриархами, и суверенность Антиохийской Церкви была восстановлена лишь во время краткого правления патриарха Петра III, взошедшего на антиохийский престол вскоре после рукоположения в Киеве митрополита Илариона (1051 г.). Петр, вероятно, знал о недавнем киевском событии и потому считал, что если даже отдельная митрополия константинопольского патриархата предпочла самостоятельное поставление своего архиерея, то суверенные права тем более пристали антиохийским патриархам.

2. После отставки Илариона в 1054/1055 г. и восстановления старого порядка рукоположения киевских митрополитов Константинополем антиохийский патриарх Феодосий III попытался в 1057 г. подобным же образом ограничить ставшую к тому времени уже традиционной автономию Грузинской Церкви в деле поставления каталикосов, потребовав, чтобы последние поставлялись не в самой Грузии, а в Антиохии (именно такой порядок существовал до 750 г.).

Повторяемость хронологических совпадений свидетельствует об их неслучайном характере, а это в свою очередь позволяет думать, что, взойдя на антиохийский престол в 1057 г., патриарх Феодосий III Хрисоверг, живший до этого в Константинополе, сразу же поднял вопрос об автокефальности Грузинской Церкви, потому что знал о победе константинопольского патриархата в споре о большей самостоятельности Русской Церкви, завершившимся в 1054/1055 г. восстановлением обычного порядка поставления киевских митрополитов и назначением грека Ефрема на смену Илариону. Вдохновленный примером Константинополя, Феодосий попытался таким же образом восстановить былую зависимость Грузинской Церкви от антиохийского патриархата.

Последняя ситуация подробно описана в грузинском *Житии Георгия Святогорца* († 1065 г.), написанном его учеником Георгием Мцире в 1060–1065 гг. на основании информации, полученной из первых рук. Это сообщение, подробно рассмотренное в предыдущей работе, излагает позицию греческой стороны, доказывавшей Георгию необходимость вернуться к ста-

рому порядку поставления грузинских каталикосов антиохийским патриархом (цитируется в новейшем русском переводе с древнегрузинского)⁶:

Ибо мужи некоторые, изворотливые и злокозненные, доложили и сообщили патриарху: [„]как это, Владыко, что-де церкви и архипастыри картлийские под властью никакого патриарха не находятся, и все церковные чины ими правятся, и сами себе посаждают католикосов и епископов, и несправедливо это, ибо из двенадцати апостолов никто не приходил в их страну; и надобно, дабы они граду этому Божьему и престолу главы апостолов подчинились и под властью его пребывали, ибо они род невежественный и паства малая и близ нас находятся, и надобно, дабы под властью антиохийского патриарха они окормлялись, и здесь благословлялся католикос их, и были мы одно стадо и один пастырь“.

Так все рассудили и утвердили, как бы по невежеству нашему, но супротивное им приключилось, ибо стал патриарх держать слово к старцу [Георгию Святогорцу — С. Т.], как это описано нами, и говорил нечто льстя и нечто правдиво:

„Ты, о блаженный отче, хотя родом и грузин, но ученостию и знанием нам же равен, надобно, чтобы церкви и архипастыри ваши под рукою апостольского этого престола окормлялись; и должно этому быть по причине близости, и это тебе возможно, ибо ведаю, что послушает тебя царь ваш, если напишешь ему и известишь его о лучшем, если же не послушает, напишу четырем патриархам, сопрестольным нам, и извещу о самочинии и жестоковыйности рода вашего и что вопреки апостольскому канону, сами окормляются и из апостолов никто не приходил в их страну, и так многим подвергну вас страстям, пока сам царь ваш не придет к нам и не подчинится власти нашей“.

Как видим, антиохийская позиция основана на четырех положениях:

1) правом самостоятельного поставления архиереев могут обладать лишь церкви, основанные непосредственными учениками Иисуса Христа, т. е. кем-либо из двенадцати апостолов;

⁶ Данный перевод, выполненный Иосифом Затеишвили по изданию грузинской рукописи XI в., максимально дословно передает древнегрузинский оригинал, см.: Георги Мцире, „Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Георги Святогорца“, in *Символ*, т. 38, Париж, 1997, с. 253–317 (цитируемый фрагмент на с. 285–287).

- 2) невежественный народ не может претендовать на это право;
- 3) малочисленная церковная организация таким правом не обладает;
- 4) географическая близость к апостольскому престолу является одним из оснований для подчинения последнему.

Если верно предположение о том, что в 1057 г. Антиохия затеяла спор с Грузией, имея в виду успех Константинополя, сумевшего в 1054/1055 г. нейтрализовать стремление Руси к большей церковной самостоятельности, то похожих взглядов и тактики мог придерживаться и константинопольский патриарх в своих сношениях с Киевом в связи с поставлением Илариона.

Действительно, изложенная выше антиохийская позиция вряд ли выработана в самой Антиохии, поскольку по крайней мере в двух пунктах из четырех она противоречит реальной ситуации: греки не считали Грузию малой страной, географически близкой к Антиохии. Примечательно, что глава 37 *Тактикона* Никона Черногорца (книга писалась в 1080–90-х гг.)⁷, описывая предоставление антиохийским патриархом Феофилактом бар Канбарой (744–750) протрeптикана (разрешительной грамоты) на право Грузинской Церкви иметь избранного на месте католикоса без утверждения его Антиохией, так излагает соответствующие обстоятельства: „В другой же исторической книге говорится: при императоре Константине Копрониме и антиохийском патриархе Феофилакте из Иверии прибыли двое монахов и сообщили блаженному Феофилакту, что христиане иверийских сел пребывают в нужде, не имея соборного епископа. Потому что со времени блаженного Анастасия, священномученика и патриарха Антиохии, для них не был рукоположен соборный архиепископ *по причине трудности пути, и поскольку никто не смеет через земли агарян пройти*“⁸ [выделено мной —

⁷ Об этой датировке см.: Герд Л. А., „‘Тактикон’ Никона Черногорца как источник по истории харистикариата в Византии“, in *Византийский временник*, т. 55 (80), 1994, с. 114. Ср. также датировку Леонида (Кавелина) — после 1072 и не позже 1088 г., см.: Леонид (Кавелин), „Материалы для истории Патриархов Иерусалимского и Антиохийского XI века (Из Тактикона Никона Черногорца)“, in *Православный палестинский сборник*, т. 6, вып. 1 (16), Санкт-Петербург, 1889, с. 39.

⁸ Здесь и далее глава 37 *Тактикона* цитируется в новом русском переводе, см.: Герд Л. А., „Из Тактикона Никона Черногорца“, in Лихачев Д.С. и др. (ред.),

С. Т.]. Последнее предложение свидетельствует о том, что Грузия считалась страной, достаточно отдаленной от Антиохии и отделенной от нее мусульманскими землями.

Далее в той же главе Тактикона сообщается: „<...> в житии святого господина нашего Симеона Чудотворца говорится, что, когда однажды святой находился в исступлении, он увидел *большие толпы мужчин, женщин и детей с отцами* [выделено мной — С. Т.], идущих к нему с востока, воссылающих к Богу молитвы и славословия, и Святой Дух осенял множество и шел с ними. Когда они приблизились к святой Дивной Горе, Святой Дух сказал своему угоднику Симеону: «Знаешь ли ты, кто есть эти пришедшие к тебе? Это народ иверов, который возлюбит тебя имени Моего ради и придет к тебе со временем с верой и многими известиями и искушение возьмут на себя дарованной тебе благодатью исцелений, провозгласят о тебе во всей своей стране и устроят на пользу всех в ней верующих. Некоторые из них поселятся в твоей благочестивой обители и будут полезны и верны». Спустя немного дней после этого видения явилось к нему *множество иверов* (выделено мной — С. Т.), молящихся с крестами, и многих из них он излечил, мучимых нечистыми духами и одержимых различными страстями“. Данное здесь описание грузинского народа сильно отличается от упоминания *паствы малой* в качестве аргумента антиохийско-грузинского спора.

Тактикон Никона Черногорца отражает греческое видение грузинского народа, ссылаясь при этом на третьи источники — некую историческую книгу и *Житие Симеона Чудотворца*, что придает ему вполне объективный характер. На этом фоне третий и четвертый аргументы, выдвинутые Антиохией в споре 1057 г., кажутся противоестественными и не соответствующими реальной ситуации. Этот вывод показателен ввиду близкой хронологии сопоставляемых источников: 1060–1065 гг. для *Жития Георгия Святогорца* и 1080–1090-е гг. для *Тактикона* Никона Черногорца.

Сформулированный только что вывод позволяет предполагать, что аргументы, использованные в 1057 г. Антиохией в споре с Грузией, могли быть переняты (полностью либо частично) из предыдущего спора Константино-

поля с Киевом 1051–1054/55 гг. Данное предположение можно проверить документально, сопоставив антиохийские аргументы с текстом *Слова о законе и благодати*, написанного Иларионом в 1050 (мартовском) году, т. е. накануне его поставления киевским митрополитом⁹. Во время создания этого произведения Иларион уже знал как о своем будущем назначении¹⁰, так и о негативной реакции на него греческой стороны¹¹, что нашло непосредственное отражение в *Слове*.

Ниже антиохийские аргументы сопоставляются с теми местами *Слова о законе и благодати*¹², которые могут условно, в порядке научного эксперимента, рассматриваться как реакция киевской стороны на подобные заявления Константинополя.

1 тезис: никто из двенадцати апостолов не приходил в вашу страну. Иларион признает справедливость этого („Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою...“), но в противовес выдвигает положение о равноапостольном статусе князя Владимира („Радуйся, апостол среди владычествующих...“), доказывающее причастность Руси к апостольской традиции даже при отсутствии кого-либо из двенадцати апостолов — благодаря просвещению Владимира самим Иисусом Христом („Все народы помиловал преблагой Бог наш, и нас не презрел он: восхотел — и спас нас и привел в познание истины!“).

⁹ О датировке см.: Темчин С. Ю., „«Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона и Провѣрїа Николая Андидакого“, in Мельникова Е. А. (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье*, вып. 21: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 14–17 апреля 2009 г.): Материалы конференции, Москва, 2009, с. 318–323.

¹⁰ Подробнее см.: Темчин С. Ю., „Слово о законе и благодати киевского митрополита Илариона и раннехристианская полемика“, *Ruthenica*, т. 7, Київ, 2008, с. 40; он же, „О литургическом смысле названия и датировке *Слова о законе и благодати* киевского митрополита Илариона“ (в печати).

¹¹ См. прим. 4 стр. 181.

¹² Здесь и далее *Слово о законе и благодати* цитируется в переводе Андрея (Юрченко), см.: „Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона“, in Лихачев Д. С. и др. (ред.), *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 1: XI–XII века, Санкт-Петербург, 1997, с. 26–61.

2 тезис: вы народ невежественный. Иларион парирует: „<...> не несведущим мы пишем, но с преизбытком насытившимся книжной сладости...“

3 тезис: вы паства малая. Уклоняясь от спора, Иларион стремится обратить этот недостаток в преимущество, обращаясь к Иисусу Христу: „<...> не возгнушайся, хотя и малое стадо <мы>, но скажи нам: «Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш небесный благоволил дать вам Царство»!“

4 тезис: вы близ нас находитесь. Не вдаваясь в полемику, Иларион повествует о Владимире, как „<...> непрестанно слушал он о православной Греческой земле <...>“, что не подразумевает близкого соседства (доступного непосредственному видению)¹³.

Сконструированный нами виртуальный диалог показывает, что, если таковой действительно состоялся, то Иларион, скорее всего, старался отразить все четыре довода греческой стороны, избегая при этом прямой конфронтации.

Чтобы дополнительно верифицировать полученный результат, посмотрим, что, по грузинскому Житию, ответил на аргументы антиохийского патриарха Георгий Святогорец:

И таковые высказал слова патриарх старцу, а блаженный этот покойно и медля сказал патриарху: „О, святыи владыко, для чего ты так легко взялся великое это и высокое дело придумывать и исполнять? И кто неразумные те умышленники твои или что так неразумным почислил ты род грузинский, правый и невинный? Вот, я, негоднейший и смиреннейший из всех братьев моих, я дам тебе за всех их ответ, дай достать книгу «Хождения апостола Андрея» и оттуда известишься о искомом вами“.

Патриарх же велел Теофилэ, родом грузину, который потом в Тарсе стал митрополитом, достать книгу ту. И как достали, прежде прочтения сказал старец патриарху: „Святыи владыко, ты говоришь, что-де на престоле главы апостолов Петра сижу, мы же первозванного и брата своего призвавшего — часть и паства, и им обращенные и просвещенные, и один из святых двенадцати апостолов — о Симоне говорю Кананите — в нашей стране похоронен в Абхазии, которая Никопси называется. Этими святыми апостолами мы просвещены. А как Единого познали мы Бога, уже не отрекались, и никогда в ересь не уклонялся род наш, и всех отступников и еретиков мы

¹³ Ср. высказывание Илариона о Руси, которая „ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли“.

анафематствуем и проклинаем. На этом основании православия и на заповедях и проповедях святых тех апостолов мы тверды. Ныне, если подобает, подчинимся вам“. И, как бы забавляясь, сказал патриарху: „Святой владыко, прилично, дабы призванный призвавшему подчинился, ибо Петру подобает, дабы подчинился призвавшему и брату своему Андрею и дабы вы нам подчинились“. И это прибавил: „Святой владыко, <вы>, которые нас незнающими и легкими видите, а себе мудрыми и тяжкими сделали, было время, что во всей Греции не сыскать было православия, и Иоанн, готский епископ, в Мцхета был рукоположен в епископа, как написано в Великом Синаксаре“.

Когда это все высказал блаженный тот, удивился патриарх с епископами своими остроте ума его, ибо, как река непрерывно, так текли слова святых писаний из уст его. Улыбнулся патриарх и сказал архипастырям тем и народу: „Видите старца этого, как он один такое множество нас одолевает? Остережемся его, как бы не навел на нас противное и не только что словом, но и делом обличил поражение наше и преуменьшил нас и в приход свой обратил“.

С того дня так возлюбил патриарх и все антиохийцы как отца и наставника духовного. И сам патриарх о помыслах своих его начал спрашивать, так как и прежде него бывший блаженный патриарх Иоанн того же святого старца спрашивал, как мы выше сказали, и так со мною честию и даром держал святого старца, пока был он в стране Антиохийской.

Обобщим суть агиографической беседы:

1 тезис: никто из двенадцати апостолов не приходил в вашу страну. Георгий представил доказательства того, что в Грузии проповедовали двое из двенадцати учеников Иисуса Христа — апостол Андрей и Симон Кананит.

2 тезис: вы народ невежественный. Георгий парирует: „<... > что так неразумным почислил ты род грузинский, правый и невинный? Вот, я, негоднейший и смиреннейший из всех братьев моих, я дам тебе за всех их ответ <... >“.

3 тезис: вы паства малая. Отсутствие реакции.

4 тезис: вы близ нас находитесь. Отсутствие реакции.

Как видим, Георгий ответил всего на два аргумента из четырех¹⁴, причем лишь один из них — проповедь в Грузии двух апостолов — сыграл ре-

¹⁴ Примечательно, что без ответа остались именно те два положения, которые, как было показано выше, явно не соответствовали реальной ситуации.

шающую роль. Примечательно, что святой выдвинул дополнительное (не связанное напрямую с позицией Антиохии) положение — о последовательном правоверии грузин, демонстрирующее их превосходство над греками: „А как Единого познали мы Бога, уже не отрекались, и никогда в ересь не уклонялся род наш, и всех отступников и еретиков мы анафематствуем и проклинаем. На этом основании православия и на заповедях и проповедях святых тех апостолов мы тверды. <...> было время, что во всей Греции не сыскать было православия, и Иоанн, готский епископ, в Мцхета был рукоположен в епископа, как написано в Великом Синаксаре“.

Это дополнительное положение представлялось Георгию важным доказательством собственной правоты. Любопытно, что сходные мысли высказаны и в *Слове о законе и благодати*: „И не воздеваем мы «руки наши к богу чужому», и не последуем некоему ложному пророку, и не держимся еретического учения, но тебя призываем, Бога истинного <...>“, хотя здесь, как и в прошлый раз, не видно открытой конфронтации с греками.

Сравнивая описанную в грузинском Житии позицию Георгия Святогорца с гипотетической позицией Илариона, следует отметить концентрацию первого на одно, но самое безупречное доказательство правоты грузинской стороны и предполагаемое стремление второго ответить абсолютно на все (реконструируемые нами) претензии оппонентов. Эта полнота предполагаемых ответов Илариона может служить знаком того, что в 1050 г. он действительно был знаком с константинопольскими аргументами, подобными тем, что высказывались Антиохией в беседе с Георгием Святогорцем в 1057 г.

Однако рассмотренные выше греческие аргументы могут восходить к еще более раннему времени. Дело в том, что тезисы № 2–4, видимо, были сформулированы Константинополем, когда тот стремился закрепить за собой исключительное право рукополагать епископов для близлежащих византийских диоцезов Понта, Азии (Каппадокии) и Фракии.

Это право закреплено 28-м канонем IV Вселенского (Халкидонского) собора (451 г.): „Следуя во всем постановлениям святых Отцов и канону 150 епископов, любезных Богу, собиравшихся в имперском городе Константинополе при бывшем его императоре, Феодосии Великом, мы решили и постановили такой же канон в отношении почитания святой церкви того же Константинополя, нового Рима. Ибо Отцы признали правила почитания престола старого Рима, как имперского города, и движимые теми же причинами, 150 епископов, любезных Богу, отдали те же права почитания

святейшему престолу нового Рима, в котором они справедливо судили и который прославлен присутствием в нем императора и сената, и как он обладает теми же правами в почете и управлении государством, так и имперский город, старый Рим следует почитать в церковных делах, а потому должен новый Рим занимать второе место после старого Рима. Поэтому митрополиты диоцезов Понта, Азии и Фракии, и только они, а также епископы вышеупомянутых диоцезов, чьи престолы находятся в землях варваров, должны рукополагаться вышеупомянутым святейшим престолом святейшей Константинопольской церкви, в то время как в действительности каждый митрополит из вышеупомянутых диоцезов, вместе с епископами своей провинции, посвящает епископов провинции так, как это было установлено святым каноном. Однако митрополиты вышеупомянутых диоцезов должны будут, как утверждается, посвящаться архиепископом Константинопольским, после того как мирные выборы будут установлены согласно традиции и они их пройдут¹⁵.

Этот канон лишь закрепил за византийской столицей права, завоеванные им ранее, поскольку „во время Халкидонского собора епископы Константинополя уже обладали фактически прямой властью над митрополиями не только Фракии, но также Каппадокии и Понта“¹⁶. Именно этой ситуации больше всего соответствует смысл аргументов № 2–4, поскольку, с точки зрения Константинополя, указанные византийские диоцезы были: а) невежественными (по сравнению со столицей); б) малыми; в) близлежащими (к Константинополю). По ряду причин 28-й канон Халкидонского собора впервые зафиксирован только в конце VI в. в *Синтагме канонов XIV титулов*¹⁷.

Что же касается аргумента № 1 (о праве самостоятельного поставления архиереев лишь апостольским престолом), то он мог быть применен к византийской столице не ранее рубежа VII–VIII вв., когда „важность апостольского происхождения в Константинополе была полностью осознана“¹⁸.

Ситуация вырисовывается следующим образом:

¹⁵ Цитируется по изданию: Дворник Ф., *Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее*, Санкт-Петербург, 2007, с. 99–100.

¹⁶ Там же, с. 111.

¹⁷ Подробнее см.: там же, с. 121.

¹⁸ Там же, с. 194.

1. Когда в середине XI в. в византийской столице стало известно о предстоящем поставлении Илариона в киевские митрополиты, Константинополь, разумеется, вспомнил о том, как еще несколько веков назад сумел закрепить за собой право рукоположения митрополитов для близлежащих византийских диоцезов Фракии, Каппадокии и Понта, и теперь взял на вооружение соответствующие аргументы, ссылаясь на 28-й канон Халкидонского собора в составе *Синтагмы канонов XIV титулов*, известной в Киеве в славянском (болгарском либо древнерусском) переводе¹⁹ со времен Ярослава Мудрого²⁰ (кстати, в Древней Руси 28-й канон Халкидонского собора бывал по крайней мере в двух славянских переводах)²¹. Старая аргументация была приспособлена Константинополем к новой ситуации путем введения несколько более позднего (не по происхождению, а по применению к византийской столице) тезиса, которому теперь отводилась решающая роль, — о праве самостоятельного поставления архиереев лишь апостольским престолом. Новшеством было и то, что вопрос о поставлении Константинополем митрополитов для иных диоцезов, давно уже решенный на национальном (внутривизантийском) уровне, теперь переносился в международную плоскость. Греки чувствовали себя вправе это сделать, ведь 28-й канон Халкидонского собора закрепил исключительное правило Константинополя на поставление не только митрополитов для Фракии, Каппадокии и Понта, но и епископов „вышеупомянутых диоцезов, чьи престолы находятся в землях варваров“, к которым византийцы традиционно относили и территорию Киевской Руси²².

¹⁹ См. недавний обзор мнений: Милтенова А. (ред.), *История на българската средновековна литература*, София, 2008, с. 199–201.

²⁰ Шапов Я. Н., *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.*, Москва, 1978, с. 101 (предположительная датировка); Милов Л. В., „Устав Ярослава (К проблеме типологии и происхождения)“, in Ангелов Д. (ред.), *Руско-български връзки през вековете*, София, 1986, с. 86–88 (аргументация).

²¹ Шапов Я. Н., указ. соч., с. 87.

²² В 28-м каноне Халкидонского собора говорится лишь о варварских землях, входивших в митрополии Фракии, Азии и Понта, к которым территория Киевской Руси, разумеется, не относилась, но вряд ли это обстоятельство могло удержать греков от ссылок на данный документ в связи с поставлением Илариона.

2. Во время написания *Слова о законе и благодати* (1050 г.) Иларион, уже знакомый с аргументами греческой стороны, сознательно или подсознательно имел их в виду, хотя данное произведение и не преследовало полемических целей. Доводы Константинополя не подействовали на Ярослава Мудрого († 1054 г.), но после его смерти грекам удалось восстановить старый порядок назначения киевских митрополитов византийской столицей.

3. Вдохновленная победой Константинополя над Киевом, в 1057 г. Антиохия безуспешно пыталась подобным же образом вернуть свои старые права путем упразднения традиционной (существовавшей еще с 750 г.) автономии Грузии в деле поставления каталикосов. Для этого были взяты на вооружение тезисы, использованные Константинополем в споре с Киевом, без учета грузинской специфики и какого бы то ни было приспособления к конкретной ситуации, что в конечном счете и предопределило исход дела.

Неудачная попытка Антиохии важна для нас тем, что она, получив подробное освещение в грузинской агиографии, дает нам возможность понять аргументацию греческой стороны, стремившейся в середине XI в. к восстановлению своей монополии на поставление архиереев для Грузии и Киевской Руси.

**DYNASTIC MARRIAGE IN ACTION:
HOW TWO RUSIAN PRINCESSES CHANGED
SCANDINAVIA**

Recent changes in the study of women in the Middle Ages and their influence have reinvigorated the study of medieval marriage. Though the number and class of women being studied has expanded, the majority of the evidence, and thus the majority of the scholarship, still explores royal women, and thus the marriages are largely dynastic marriages. These new currents in medieval scholarship suggest that women, especially queens, were not impotent decorations at men's courts, but rather figures of power in their own right who were often able to exercise their own as well as their husbands' power. Key to this argument is an idea developed by John Carmi Parsons that royal daughters were valued by their parents and were reared to be loyal to their families in order to sustain their connection to their home state and natal family even in the foreign land to which they traveled upon marriage.¹ Such familial loyalty has been implied when discussing sons, but for daughters the assumption has traditionally been that they were chattel to be disposed of, rather than valuable partners or participants in the dynastic marriage process. Parsons's idea, which has been discussed by others as well,² changes the way dynastic marriages are examined. This theoretical framework of an empowered and educated (at least in how to rule) royal woman as not only wife but also as ambassador has been used here to construct a picture of two Rusian women and their lives in Scandinavia. Building on this framework

¹ John Carmi Parsons, «Mothers, Daughters, Marriage, Power: Some Plantagenet Evidence, 1150–1500,» in *Medieval Queenship*, ed. John Carmi Parsons (Gloucestershire: Sutton Publishing, 1994), 69.

² Such as Jane Tibbetts Schulenberg, who writes that “daughters were definitely valued by their families, particularly as players of major roles in the formation of marriage alliances and extended connections, as childbearers, and as abbesses of family monasteries, interceders for their families' souls, etc.” Jane Tibbetts Schulenberg. *Forgetful of Their Sex: Female Sanctity and Society ca. 500–1100*. (Chicago: University of Chicago Press, 1998), 240.

are key primary sources, mainly from Scandinavia, and modern interpretation. The modern interpretation is essential, but also requires a caveat, as the inferences made here are built on a solid foundation, but are themselves speculative. Motives and thoughts are rarely recorded in medieval chronicles, even less so for women, and thus to truly tell a tale, we must make reasonable assumptions in order to expand on the evidentiary base.

This article focuses on two Russian women, daughters of Mstislav/Harald Vladimirich³ and his wife Christina, and their dynastic marriages. Malfrid and Ingeborg both married into Scandinavian royal houses. Their marriages were designed to advance the interests of Rus', particularly of the Monomakhovichi line, but they also used their positions as Scandinavian royalty to help each other and their families when needed. Their lives and marriages demonstrate the continued interconnectivity between Russians abroad, family ties between sisters, and how two Russian women changed Scandinavian history.

The story of these two Russian women and their marriages creates a web of genealogical relationships that can often seem confusing, thus I have included a genealogical table at the end of the article as a reference tool. In the following narration and discussion, please refer to the genealogical table as necessary.

The story begins, then, with Malfrid Mstislavna, presumably the elder sister based on marriage dates, who is an enigma in the Russian sources, in which she does not appear.⁴ Latin and Old Norse sources tell us that she married King

³ Mstislav, son of Vladimir “Monomakh” was often referred to as “Harald” in Scandinavian sources, a clear reference to his maternal grandfather, Harald Godwinson. I. M. Ivakin, *Kniaz' Vladimir Monomakh i ego pouchenie* (Moscow: Universitetskaya tipografia, 1901), 208; A. V. Nazarenko also devotes a whole chapter to Mstislav/Harald. *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kulturnykh, torgovykh, politicheskikh sviazei IX-XII vekov* (Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2001); substantial discussion of his genealogy and the sources in A. F. Litvina and F. B. Uspenskii. *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*. (Moskva: Indrik, 2006).

⁴ This is not rare for Russian women, as there are few references, especially by name, to women in the Russian chronicles. Those mentions do increase over the course of the twelfth century, but women who marry out of Rus' are almost entirely absent. The rare cases where they are mentioned are often highlighted by some seminal occurrence. For example, see Christian Raffensperger, “Evpraksia Vsevo-

Sigurd “the Crusader” of Norway.⁵ V. T. Pashuto has dated this marriage to 1111, and added that she was in Schleswig at the time as a guest of Duke Welf.⁶ Malfrid’s location cannot be confirmed and seems odd for a Rusian princess, but the approximate time of the marriage is likely correct. Sigurd was on crusade in the eastern Mediterranean from 1107–1110,⁷ and at the time of his return was only twenty years old, thus it was reasonable that he would not have married before leaving. Why the marriage was arranged remains a mystery, though perhaps there is a simple explanation, such as increasing preexisting family ties⁸ or tying together Baltic powers such as Rus’ and Norway.⁹ A. F. Litvina and F. B. Uspenskii, however, have noted Orderic Vitalis’s conclusion that Sigurd returned from the crusades via Rus’, and met and married Malmfrid while there.¹⁰ Though this is not widely accepted, or known, it provides an interesting possibility, and another example of the many Scandinavian royal visitors to Rus’. Snorre Sturluson in his *Heimskringla* narrates the history of the Norse kings, but Sigurd’s marriage to Malfrid, or Malmfrid as she is referred to in the text, receives very little description, though her genealogy is extensively traced, especially her Scandinavian connections.¹¹ This may be because the marriage to Malfrid was slightly

Iodovna between East and West” *Russian History/Histoire Russe* 30:1/2 (2003), 23–34.

⁵ For example, Saxo Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia Books X–XVI: The Text of the First Edition with Translation and Commentary in Three Volumes*, trans. Eric Christiansen, vol. 1: Books X, XI, XII and XIII (Oxford: B.A.R., 1980) and Snorri Sturluson, *Heimskringla: History of Kings of Norway*, trans. Lee M. Hollander (Austin: University of Texas Press, 1964), 702.

⁶ V. T. Pashuto, *Vneshniaia politika Drevnei Rusi* (Moscow: Nauka, 1968), 146. Although if this is the case it would provide another subtle connection between the two marriages as Knud Lavard is later named Duke of Schleswig.

⁷ Sturluson, *Heimskringla*, 699.

⁸ *Ibid.*, 716. There were already multiple ties between these families. For example, Christina’s brother Rognvald’s daughter was married to Sigurd’s brother, Harald Gille. Thus, Sigurd was both Christina’s son-in-law and her nephew’s brother.

⁹ Witness the refounding of Lübeck slightly later where both Norway and Rus’ are mentioned as major Baltic traders. *The Chronicle of the Slavs by Helmold, Priest of Bosau*, trans. Francis J. Tschan (New York: Columbia University Press, 1935), 229 ch. 86 (85).

¹⁰ Litvina and Uspenskii. *Vybor imeni u russkikh kniazeei v X–XVI vv.*, 246n26.

¹¹ Sturluson, *Heimskringla*, 702.

fraught, as is apparent from Sigurd's demand that he be allowed to marry his mistress Cecilia, though the author prefaces this with such statements as "his mind wandered."¹² Malfrid is not mentioned at all in the episode, only Sigurd and multiple bishops who unsuccessfully attempted to dissuade the king from his goal. But even if he did marry Cecilia, who left him in 1130 when he was on his deathbed, he never set aside Malfrid, and may in fact have been married to both at the same time. The *Heimskringla* presents this as the whim of an older king, and no other reason is available to us, though the whole episode may also be a set piece designed to portray the negative foreign influence of German ecclesiastics in Scandinavia, which would make the whole episode suspect. The issue of inheritance, which might have motivated such a decision, was not in doubt as Malfrid had borne him a daughter, Christina,¹³ and a previous mistress, Borg-hild, had given him a son, Magnus,¹⁴ so he had a living male heir. Although Magnus was illegitimate, this was not a problem in early twelfth-century Scandinavia. Sigurd died in 1130, leaving Malfrid a widow.¹⁵ But unlike many women in dynastic marriages, she did not return home upon her husband's death,¹⁶ instead she stayed in the Norwegian royal court as stepmother to the new king, Magnus, which placed her in an effective position to aid her sister the next year.

Ingeborg's marriage occurred after Malfrid's marriage to Sigurd and thus it has been assumed that Ingeborg was younger. Ingeborg's marriage to Knud "La-

¹² Snorre Sturluson. *Heimskringla or The Lives of the Norse Kings*. Erling Monsen, ed. A. H. Smith, transl. (New York: Dover Publications, 1990), 630–32, 641–42. This episode does not appear in the Hollander translation of the *Heimskringla*. It is from a variant of the earliest *Kringla* manuscript, but does appear in the Morkinskinna. *Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157)*. Transl. Theodore M. Andersson and Kari Ellen Gade. (Ithaca and London: Cornell University Press, 2000), ch. 80.

¹³ Sturluson, *Heimskringla*, 751.

¹⁴ *Ibid.*, 701.

¹⁵ *Ibid.*, 714.

¹⁶ Oda of Stade, wife of Sviatoslav Iaroslavich, returns to the German empire after Sviatoslav's death. Martin Dimnik. *The Dynasty of Chernigov 1054–1146*. (Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1994), 129n292 (citing an unnamed German annalist); Additionally, the Byzantine princess who married Geza of Hungary returns home after his death. Cecily J. Hilsdale. «Diplomacy by Design: Rhetorical Strategies of the Byzantine Gift.» Vol. 1. (Ph.D. Dissertation, University of Chicago, 2003), 72.

vard” was most likely arranged by her father and grandfather in an attempt to bolster their familial alliances against the Iziaslavichi’s Polish ties.¹⁷ Knud was a son of the Danish king Eric “Ejegod,” but he had been displaced by his uncle Niels after his father died while on crusade.¹⁸ After Knud came of age he went to the court of Lothar, duke of Saxony,¹⁹ who appointed him to the vacant post of duke of Schleswig in 1115.²⁰ The date of Knud and Ingeborg’s marriage is unrecorded, but it most likely occurred at this time.²¹ Lothar was a major power in central Europe and a foe of the Poles, and Knud was one of his favorites. This alliance meant that, as was the case with the earlier marriage of Vsevolod Iaroslavich’s daughter Evpraksia to Henry III of Stade, the ruling power in Kiev had protection against the Iziaslavichi because the Poles were threatened from multiple sides.²² This was part of Monomakh’s overall plan to isolate Iaropolk Sviatopolchich in Vladimir-Volhynia and eventually drive him from power.

Saxo Grammaticus offers a different explanation for the marriage, one grounded in Scandinavian familial connections. He asserts that the marriage was arranged by Margaret, daughter of Inge Steinkilson of Sweden and sister to Mstislav Vladimirich’s wife, Christina. Margaret was married to Niels Ericsson, the king of Denmark, who had succeeded Knud’s father, Eric Ejegod. According to Saxo, in an attempt to draw the family closer together and build support for her son Magnus, she arranged a marriage between her niece Ingeborg and her nephew by marriage, Knud (and also arranged another marriage between kinsmen).²³ This is an important acknowledgment of medieval kinship ties and

¹⁷ Marriages were often arranged by the ruler of Kiev for his family members, and even, on occasion, for other members of the Riurikid line outside of his immediate kin group. Thus, though we have no specific information stating that this marriage was arranged by Monomakh, it is a relatively safe assumption to make when properly qualified.

¹⁸ *The Chronicle of the Slavs*, 152.

¹⁹ Lothar would become king of Germany in 1125 and German emperor in 1133.

²⁰ *The Chronicle of the Slavs*, 152. Knud later became king of the Abodrite Slavs, a position he also received from Lothar, probably in approximately 1128. *The Chronicle of the Slavs*, 153.

²¹ Wilhelm, «Wilhelmi abbatis genealogia regum Danorum,» in *Scriptores minores historiae danicae medii aevi*, ed. M. C. L. Getz (Kobenhaven: 1917), 180.

²² Pashuto, *Vneshniaia politika Drevnei Rusi*, 147.

²³ With the stated purpose that she “wanted to create a stronger family feeling towards him [her son Magnus] among his kin by means of marriage alliances.”

the power of marital ties, both of which are generally assumed and illustrated, but rarely stated outright in the sources. That said, this may be a rationalization of the marriage based on too little information and the author's reliance on genealogical explanations for causation, as is evident in other places in Saxo. The marriage of Ingeborg and Knud was made in the large-scale arena of interkingdom politics and while Saxo's explanation is reasonable, the larger picture of European politics should also be considered when looking at this marriage.

In Saxo's portrayal, Margaret seemed truly interested in building loyalty for Magnus, and once the two marriages she arranged had occurred, she divided her patrimony into three, keeping one piece for herself, and giving one piece each to her two nieces.²⁴ Although we are forced to guess at the material means that other Rusian queens had, we know in the case of Ingeborg that she owned land in Sweden that was deeded to her from her aunt. Eric Christiansen in his commentary on Saxo notes that Scandinavian royal women regularly inherited property, though usually patrimonial, not royal, lands.²⁵ This suggests that Christina, wife of Mstislav, would also have inherited patrimonial land in Sweden, which she could have kept to maintain herself in Novgorod or later deeded to her children.²⁶ This is a fascinating insight into the maintenance of medieval women abroad in general, and specifically the maintenance of Rusian women and women in Rus'.

The *Knytlinga Saga* offers up a third version of the marriage to contrast with the two already given. This later saga states that Knud Lavard knew of Ingeborg and her family and that he dispatched a friendly Baltic trader whom he had converted to Christianity, Vidgaut, as his emissary to "Harald" (Mstislav Vladimirovich) to negotiate a marriage agreement. Harald is clearly identified via his, his mother's, and his wife's genealogies. In the saga Vidgaut successfully impresses Harald with tales of Knud, about whom Harald has already heard, and with Ingeborg's consent the marriage is arranged. Vidgaut then returns to inform Knud, who prepares for the festivities while Ingeborg is dispatched from Rus' "with a splendid retinue."²⁷ This version of the story is particularly interest-

Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia*, bk. XIII, 110.

²⁴ *Ibid.*, bk. XIII, 110.

²⁵ *Ibid.*, bk. XIII, 110n8.

²⁶ *Ibid.* The land did pass down through multiple generations. Magnus Nielsson inherited his mother's land after her death and used it to declare himself king of Sweden.

²⁷ *Knytlinga Saga: The History of the Kings of Denmark*, trans. Hermann Pálsson and

ing as it contains many details that are not seen elsewhere that develop the ideas behind the importance of dynastic marriages—that is, an emissary is sent to arrange the marriage, the consent of the woman involved is received, and the bride brings a retinue with her to her new kingdom.²⁸ The details are very important in the dynastic marriage process, and the *Knytlinga Saga* becomes more convincing because of their inclusion. Whether Knud arranged the marriage himself via the embassy of Vidgaut, or whether it was arranged through the auspices of Queen Margaret is impossible to say with any certainty. Even if Margaret had arranged the marriage, an emissary to her sister Christina and her brother-in-law Mstislav would have been required, as would an accompanying retinue for the returning bride. While not always mentioned, these parts of the dynastic marriage tradition were still necessary.

Knud's relationship with his uncle and cousin was a complicated one. Niels was, most likely, the rightful heir to Knud's father Eric Ejegod, as the Danes practiced a system of lateral succession from brother to brother (similar to Rus'). Thus, Knud's loyalty to Lothar of Saxony and Knud's subsequent naming as king of the Abodrites²⁹ are viewed as evidence of animus between Knud and Niels, especially in light of later actions. This image is made more complex by evidence from the chronicle of Helmold, who notes a collegial relationship between Niels as king of Denmark and Knud as a powerful neighbor.³⁰ This relationship, while not necessarily friendly, was in Helmold's portrayal worrisome to Margaret, who was interested in the succession of her own son to the throne (a concern also made evident in Saxo). Her worries were, in all likelihood, well founded, as following a system of lateral succession, Knud would have precedence over her son Magnus, which is likely why she incited Magnus to kill Knud. Margaret's actions, while convincing, also fit into the medieval topos of the manipulative queen, and thus must be read with caution.³¹ Magnus's plotting roused Ingeborg to warn

Paul Edwards (Odense: Odense University Press, 1986), 128–30.

²⁸ These ideas are developed in recent works, but I have specifically dealt with the Russian situation in Christian Raffensperger, «Reexamining Rus': The Place of Kievan Rus' in Europe.» (PhD Dissertation: University of Chicago, 2006), ch. 4.

²⁹ *The Chronicle of the Slavs*, 153.

³⁰ *Ibid.*, 154.

³¹ For more on the complex view of Margaret in the many sources on Knud's death, see Thomas A. Dubois and Niels Ingwersen, «St Knud Lavard: A Saint for Denmark.» In *Sanctity in the North: Saints, Lives, and Cults in Medieval Scandinavia*, Ed. Thomas A. Dubois (Toronto: University of Toronto Press, 2008), 162–63.

her husband about Magnus, about whom she had misgivings because of a premonition in a dream.³² A dream foreshadowing the future is a tool of the narration of saint's lives (Knud is later sainted), as well as other medieval writings, but it does serve as another chance to discuss one of our two heroines. Knud disregarded his wife's advice, and in 1131 Magnus arranged for an ambush, killing Knud after giving him the kiss of peace.³³ Eight days after the death of her husband, Ingeborg gave birth to their fourth child, their first son.³⁴ The boy was named Valdemar, in honor of Ingeborg's grandfather and the patriarch of her family, Vladimir Monomakh.³⁵ The *Knytlinga Saga* records that Ingeborg was in Rus' at the time and thus gave the baby a Russian name.³⁶ This was probably an attempt to explain the foreign name of Valdemar, which could more easily be explained by maternal influence, as has been shown in other Russian cases,³⁷ particularly the case of the firstborn daughter of Ingeborg, Christina.³⁸ Further, if one accepts some truth in her premonition and warning, that would require her to be in some proximity to Knud soon before his death.

Following Knud's murder, there was a brief attempt at revenge, or retaliation, by Knud's patron, Lothar, ruler of the German empire. Lothar had given Knud his positions after Knud's flight from Denmark and his uncle's, Niels, succession to the throne in Denmark. However, Lothar had other matters more pressing in the south of his empire, and after a desultory attempt, he made peace with Niels in exchange for compensation.³⁹ In the wake of this, Ingeborg and Knud's children were in a poor situation, but soon Ingeborg was aided by her brother-in-law

³² *The Chronicle of the Slavs*, 155.

³³ *Ibid.*; Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia*, bk. XIII, 126–28. The kiss is an obvious biblical allusion and is repeated in most variants.

³⁴ *Ibid.*, bk. XIII, 130.

³⁵ Valdemar is the common Latin version of Vladimir. It appears in Latin chronicles in reference to Vladimir Sviatoslavich and Vladimir Vsevolodovich both.

³⁶ *Knytlinga Saga*, 135–36.

³⁷ Christian Raffensperger, «Russian Influence on European Onomastic Traditions.» In *Imenoslov: Istoricheskaia semantika imeni*. (Moscow: Indrik, 2007), 116–34.

³⁸ There is also no need to call such a name “outlandish,” as Eric Christiansen does in his notes to Saxo Grammaticus. Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia*, bk. XIII, 130n66. For Christina's name (rendered as Kristín), see Sturluson, *Heimskringla*, 716.

³⁹ Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia*, bk. XIII, 134.

Eric, who looked after her and her children and fought to avenge her husband, his brother, against Magnus and Niels.⁴⁰ It was at this point that Malfrid began to play a role in Danish politics. According to Saxo Grammaticus, King Magnus Sigurdsson of Norway, Malfrid's stepson, approached Eric about a marriage alliance between himself and Christina, Ingeborg and Knud's eldest daughter.⁴¹ This was agreeable to Eric, who proposed that in addition to this betrothal, Malfrid and Eric should marry, which would immediately strengthen Eric's position "through family ties," as Christina was still too young to marry.⁴² The main purpose of this alliance for Eric was that Magnus Sigurdsson, who had inherited the vast majority of his father's fleet and arms, would assist him in his battle against Magnus Nielsson. While waging his war against Magnus Nielsson, Eric operated from land in Scania (in Sweden), using the people and resources of that territory as his own. Where he came by this land is never explicitly mentioned, but it is possible that this was part of the territory given to Ingeborg or Malfrid (now Eric's wife) by their mother Christina, who had gotten the land from her father Inge Steinkelsson, king of Sweden.⁴³ This land may have been granted permanently or temporarily to Eric to aid him in his campaign against the murderer of Ingeborg's husband, and thus provide further impetus for the marriage to Malfrid. For Magnus Sigurdsson the reasoning behind the marriage is much less clear. He was engaged in a semi-cold war with his uncle Harald, and the support of an insurgent Danish prince and his brother's family would probably be incidental to that conflict, though it may have increased his diplomatic credentials to arrange such a marriage.⁴⁴

The alliance came in handy quite quickly as Eric, Malfrid, and Eric's son Svein had to flee the next year (1132) after losing a battle to Magnus Nielsson and his father. They were able to seek refuge in Norway with King Magnus Sigurdsson, who sheltered them for a time.⁴⁵ Unfortunately these marital ties were

⁴⁰ *The Chronicle of the Slavs*, 156.

⁴¹ Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia*, bk. XIII, 134.

⁴² *Ibid.*

⁴³ As discussed above in reference to land given to Ingeborg by Christina's sister Queen Margaret. Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia*, bk. XIII, 110.

⁴⁴ Magnus and Harald had split the country between them, with Magnus inheriting all of his father's weapons and treasury. Harald had a slight advantage in land. Sturluson, *Heimskringla*, 715.

⁴⁵ Grammaticus, *Danorum regum heroumque historia*, bk. XIII, 138.

not as strong as money and that winter Eric, Malfrid, and Svein were forced to flee in the night after having been warned by Magnus's wife Christina (Ingeborg's daughter and Malfrid's niece) that Magnus Sigurdsson had been bought off by King Niels of Denmark.⁴⁶ Christina valued her family ties more than her marital ties and destroyed her marriage (she was repudiated afterwards⁴⁷) to save her aunt and uncle.

The conflict between the two sides lasted only another year and in 1134, Eric defeated Magnus and Niels and assumed the throne of Denmark himself. His death, in 1139, is the last known appearance of Ingeborg. According to *Knýtlinga saga*, a source specifically written to honor this familial line, the people of Denmark asked Ingeborg for her son Valdemar as their king, but because of his age (eight), Ingeborg and other counselors advised that Eric "Lam" be made king until Valdemar reached the age of majority.⁴⁸ Adviser was a typical role for a mother to play, but it is atypical for it to be recorded, so this an important instance to keep in mind. Unfortunately, this is the last time either of the sisters appears in the extant sources.

What has been laid out here is the direct intervention in Scandinavian politics and royal succession by two Russian women. How this affected Norway and Denmark is clear—the marriages of Christina and Malfrid to Magnus Sigurdsson and Eric Emune, respectively, helped Eric avenge Knud Lavard's death and created the preconditions for Valdemar, the half-Russian Danish prince, to become Valdemar "the Great," king of Denmark. The effect these marriages had on Rus' is not as clear, but one can imagine that there were also consequences in Rus' or for Russians abroad. The one piece of information from a Russian chronicle that hints at this is from the Novgorod First Chronicle (hereafter, NPL), which records that in 1134, Novgorodians, presumably merchants, were arrested in Denmark.⁴⁹ 1134 is also the year of the climactic conflict between Eric and Magnus that saw Eric's victory and Magnus's death. It would not be unreasonable to assume that the arrest of Russians in Denmark may have been a preventative or punitive measure by Niels and/or Magnus during the conflict with Eric.

⁴⁶ Ibid., bk. XIII, 140.

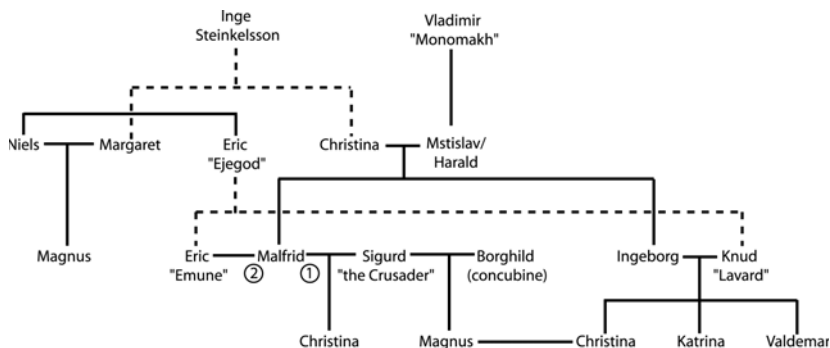
⁴⁷ Ibid., bk. XIII, 142.

⁴⁸ *Knýtlinga Saga*, 145.

⁴⁹ *Novgorodskaiia pervaiia letopis': Starshego i mladshhego izvodov*. Polnoe sobranie russkikh letopisei, tom III. (Moskva: Iazyki russkoi kul'tury, 2000), 23.

Understanding this would shed additional light on the ramifications of what has been looked at as largely a Danish or Scandinavian conflict. It would also change the interpretation of Rusian events—Janet Martin states that Rusian rulers did not protect mercantile interests and uses this incident as an example.⁵⁰ Perhaps Rusians were acting to protect Rusians, even if they were not the rulers of Kiev or Novgorod. Further, punitive, or other, action by Rus' may not have been needed because of the change in government in Denmark that same year, which could reasonably be assumed to favor Rus'.

This story weaves together a number of elements: Scandinavian sources, Rusian sources, secondary literature on dynastic marriage and the influence of women, and no little conjecture, all of which have gone into creating a complete picture out of fragmentary evidence. Ultimately, two Rusian women, sisters, left Rus' but managed to rearrange Scandinavian politics to suit their own interests. Valdemar, son of Ingeborg, namesake of Vladimir Monomakh, became one of Denmark's greatest medieval rulers, initiating primogeniture, solidifying control of Denmark itself and the Baltic more generally, and marrying a Rusian woman. These later events were made possible by the actions of Ingeborg and Malfrid, providing a powerful example of dynastic marriage in action.

⁵⁰ Janet Martin. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), 50–51.

BIBLIOGRAPHY

The Chronicle of the Slavs by Helmold, Priest of Bosau. Translated by Francis J. Tschan. New York: Columbia University Press, 1935.

Dimnik, Martin. *The Dynasty of Chernigov 1054–1146.* Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1994.

Dubois, Thomas A. and Niels Ingwersen. “St Knud Lavard: A Saint for Denmark.” In *Sanctity in the North: Saints, Lives, and Cults in Medieval Scandinavia.* Ed. Thomas A. Dubois Toronto: University of Toronto Press, 2008.

Hilsdale, Cecily J. “Diplomacy by Design: Rhetorical Strategies of the Byzantine Gift.” Vol. 1. Ph. D. Dissertation, University of Chicago, 2003.

Ivakin, I. M. *Kniaz' Vladimir' Monomakh' i ego pouchenie.* Moscow: Universitetskaiia tipografia, 1901.

Knytlinga Saga: The History of the Kings of Denmark. Translated by Hermann Pálsson and Paul Edwards. Odense: Odense University Press, 1986.

Litvina, A. F. and Uspenskii, F. B. *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki.* Moskva: Indrik, 2006.

Martin, Janet. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia.* Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157). Transl. Theodore M. Andersson and Kari Ellen Gade. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000.

Nazarenko, A. V. *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh sviazei IX–XII vekov.* Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2001.

Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov. Vol. 3, Polnoe sobranie russkikh letopisei. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2000.

Parsons, John Carmi. “Mothers, Daughters, Marriage, Power: Some Plantagenet Evidence, 1150–1500.” In *Medieval Queenship*, edited by John Carmi Parsons, 63–78. Gloucestershire: Sutton Publishing, 1994.

Pashuto, V. T. *Vneshniaia politika Drevnei Rusi.* Moscow: Nauka, 1968.

Raffensperger, Christian. “Evpraksia Vsevolodovna between East and West” *Russian History/Histoire Russe* 30:1/2 (2003).

———. “Reexamining Rus’: The Place of Kievan Rus’ in Europe.” PhD Dissertation: University of Chicago, 2006.

———. “Russian Influence on European Onomastic Traditions.” In *Imenoslov: Istoricheskaia semantika imeni.* Moscow: Indrik, 2007.

Saxo Grammaticus. *Danorum Regum Heroumque Historia Books X–XVI: The Text of the First Edition with Translation and Commentary in Three Volumes*. Translated by Eric Christiansen. 3 vols. Vol. 1: Books X, XI, XII and XIII. Oxford: B.A.R., 1980.

Schulenberg, Jane Tibbetts. *Forgetful of Their Sex: Female Sanctity and Society ca. 500–1100*. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Sturlason, Snorre. *Heimskringla or the Lives of the Norse Kings*. trans. A. H. Smith. Edited by Erling Monsen. New York: Dover Publications, 1990.

Sturluson, Snorri, *Heimskringla: History of Kings of Norway*, trans. Lee M. Hollander Austin: University of Texas Press, 1964.

Wilhelm. “Wilhelmi abbatis genealogia regum Danorum.” In *Scriptores minores historiae danicae medii aevi*, edited by M. C. L. Getz, 145–94. Kobenhaven, 1917.

МУЖЕСТВО КАК ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Заглавие настоящей работы отражает двоякую проблематичность мужества. С одной стороны, это проблематичность слова, история и предыстория которого не так прозрачны, как это могло бы показаться; значение которого находится в достаточно сложном, динамическом соотношении со своей внутренней формой; смысловые коннотации которого меняются от одного исторического периода к другому, от одного типа текста к другому. С другой стороны, это проблематичность понятия, неразрывно связанного с нормативным поведением индивида и эволюционирующего вместе со всей системой представлений о нормативном поведении.

Можно было бы представить себе историко-культурное исследование, которое целиком сосредоточилось бы на том, как эволюционировали стереотипные представления о похвальном поведении человека перед лицом испытаний. Однако подобные представления находят наиболее прямое выражение в тех или иных словесных средствах¹, выбор же этих средств сам по себе является ценнейшим историческим свидетельством. Изучение истории понятия в отрыве от конкретных языковых форм, в которых это понятие выступает, чревато тем, что исследователь не только навязывает чужой культуре свой язык описания, но и упускает из виду важные факторы культурной эволюции. Ведь именно словесное выражение понятия служит свидетельством того, что это понятие актуально для данной культуры.

Но само по себе употребление слова не означает непосредственного доступа, если можно так выразиться, к понятийному аппарату культуры. Упот-

¹ Можно было бы сказать, что подобные представления всегда находят выражения в тех или иных словесных средствах, однако существуют и невербальные способы показать, какое поведение представляется людям достойным похвалы, какое — порицания: живописные и пластические образы, воздание публичных почестей, различные ритуальные практики, наконец само по себе отношение окружающих. Тем не менее, кажется важным заметить, что именно в вербальной форме эти представления (как и любые другие этические, в широком смысле слова, стереотипы) выражены наиболее четко и внятно, находятся, так сказать, в сильной, «проясненной» позиции.

ребление того или иного слова или выражения может быть продиктовано не стремлением обозначить комплекс представлений, хорошо знакомый и адресанту, и адресату, а желанием использовать стандартную формулу, традиционное литературное клише, воспроизвести популярный и престижный образец. Специфика средневекового литературного наследия состоит как раз в том, что там преобладают книжные памятники, для которых память жанра зачастую важнее (или по крайней мере, не менее важна), чем непосредственное осмысление реальности. В особенности это верно для тех случаев, когда речь в тексте идет об оценке человеческого поведения — сфере темной, проблематичной, где шаблон не просто дань традиции, а средство нащупать опору в хаосе слов, поступков, жестикующая, поведенческих предпочтений и т. д. Поэтому можно сказать, что подлинное содержание понятия не являет себя в каждом словоупотреблении, а постепенно проступает как горизонт на фоне словесных формул, используемых для описания поступков, и поступков, воспринимаемых и совершаемых с оглядкой на словесные формулы.

Вот почему в настоящей статье, с одной стороны, именно словесное выражение понятия находится в центре внимания. Анализ исторической эволюции понятия мужества учитывает слова *мужество*, *мужественный*, *мужественно*, *по-мужски*². Именно такой отталкивающийся от конкретных языковых форм подход позволяет увидеть понятие в историческом становлении и увидеть в этом становлении проблематичность самого понятия. С другой стороны, здесь нет попытки написать исчерпывающую историю перечисленных слов; в словесном материале усматривается лишь средство для понимания важного для культуры комплекса представлений. В известной мере можно сравнить используемый подход с герменевтическим инструментом, известным как «круг понимания» [Гадамер 1991].

На первый взгляд, понятие мужества кажется очевидным и вполне вневременным — индивиду приписываются качества, присущие мужчине *par excellence*: бесстрашие, выдержка, стойкость. Однако в исторической пер-

² На самом деле необходимо учитывать большее количество слов: *мужествовать*, *мужаться*, *мужской/мужеский* в определенных контекстах и т. д. Объем и формат статьи побуждают ограничиться только перечисленными словами, принимая во внимание и существование других слов, относящихся к сфере того же понятия.

спективе возникает вопрос: какие именно качества подразумевает понятие мужества. Есть целый ряд добродетелей: честность, верность своему слову, благородство, — которые и сегодня воспринимаются обыденным сознанием как характеризующие «настоящего» мужчину, однако к мужеству не имеют прямого отношения; «Ты ведешь себя не по-мужски», говорят тому, кто явно пренебрегает этим, но в недостатке мужества его не упрекут. С другой стороны, «мужественно» может себя вести не только мужчина, юноша, мальчик, но и женщина, девушка, девочка, то есть те, кому никто не скажет, что они ведут себя как (или не как) «настоящий мужчина».

Таким образом, понятие мужества в его современной интерпретации отнюдь не включает в себя буквальным образом те качества, которые достойны мужчины. Скорее, речь идет о стойкости перед лицом различающихся по характеру испытаний: опасности («мужественно обороняли свои позиции»); мучений, страданий («с необычайным мужеством выносил боль»); трудностей («мужественно трудились без отдыха и сна»), значительных моральных потерь («имейте мужество сознаться в своей ошибке»). Разумеется, такими качествами может обладать любой человек — как взрослый, так и ребенок, как мужчина, так и женщина.

Понятие мужества соотносится с близкими к нему понятиями — доблести, храбрости, твердости духа. Однако, пожалуй, именно мужество играет роль того интегрального свойства, которое в зависимости от контекста меняет свое значение в широких пределах и в конце концов оказывается доминантой характера, обеспечивающей достойное поведение человека в сложных ситуациях. Вот почему представляется настолько важным понять природу этого свойства, этого мыслительного конструкта и выявить основные этапы его эволюции.

Понятие мужества может быть увидено как бы в двух планах — культурно-антропологическом и историко-лингвистическом. В культурно-антропологическом плане оно предстает как отражение универсальных представлений. Согласно этим представлениям именно взрослый мужчина является носителем бесстрашия и твердости духа; поэтому образное уподобление взрослому мужчине используется для того, чтобы приписать эти качества произвольному человеку.

Генезис универсальных представлений о духовном превосходстве мужчины, по всей вероятности, восходит к глубокой древности и тесно связан с культурными антиномиями, закладывающимися еще в архаическом социу-

ме. В значительной части обществ на определенном этапе чрезвычайно повышается социальная роль групп взрослых мужчин, участвующих в важных для социума видах деятельности: коллективной охоте, обороне от внешнего врага, грабительских набегах на другие поселения (племена, народности и т. д.). Это повышение социальной роли мужских коллективов, как отмечается этнографами, коррелирует с появлением мифологических сюжетов, обосновывающих власть мужчин³. Кажется естественным предположить, что приписывание мужчине большей выдержки, большего бесстрашия, по сравнению с женщиной, также является частью этой идеологии доминирования. Во всяком случае, обряд инициации мальчиков очень часто связан с ритуальными испытаниями выдержки, причем в некоторых культурах открыто артикулируется причина, по которой этим испытаниям не подвергаются девочки. Так, Дж. С. Лафонтен, изучившая обряды инициации в целом ряде социумов разных регионов мира, описывает практику инициаций у одной из угандийских народностей следующим образом: «Youths undergo a single initiation which has, as its focal act, the operation of circumcision, which is emphasized as a trial of courage. Girls, on the other hand, undergo ritual when they first menstruate, when they are married, and at each childbirth... Gisu consider that women are incapable of suffering the pain of the knife» [Лафонтен 1986: 119]. Боль, вызываемая операцией, сопоставляется с болью при деторождения; таким образом, мужчина способен в порядке культурно детерминированной процедуры добровольно переносить боль, которую женщина переживает стихийно, помимо своей воли — при дефлорации или родах. Исследовательница резюмирует: «The greater strength of men to sustain a single ordeal compares favourably with the weakness of women, whose step-by-step progress to womanhood is thought to be easier. Their endurance justifies male authority over women» [там же: 129]. Здесь уже виден сложившийся комплект стереотипов: твердость духа мужчины — носителя сильной воли, осознающего свою роль проводника культурных императивов, противопоставлена мягкости женской натуры, которая тесно связана с близостью к природным механизмам, к биологически естественным процессам.

³ Так, Ю. Е. Березкин анализирует мифы о свержении господства женщин у различных народностей Южной Америки и приходит к выводу, что зоны распространения этого сюжета если и не совпадают, то коррелируют с зонами распространения охоты на крупных животных — зонами, где группы мужчин-охотников имеют особый социальный вес [Березкин 1991].

Разумеется, обрядом инициации отнюдь не исчерпывается испытание твердости духа мужчины. Посвящение оказывается лишь символическим преддверием включения индивида в мужской союз, где от него потребуются проявлять те же самые «мужские» качества. Мужские объединения, на что уже указывалось выше, играют существенную роль в жизни социума, в его жизнеобеспечении; как следствие, их представители обладают высоким авторитетом и в той или иной степени доминируют при принятии ключевых решений. Эта ментальная конструкция, связывающая способность индивида выдерживать испытания с членством, актуальным или предполагаемым, в определенном объединении, решающем важные для социума задачи, и следовательно с высоким моральным и иным авторитетом индивида, — эта ментальная конструкция оказывается чрезвычайно устойчивой и переживает самые глубокие трансформации социального устройства. Преображается культурная природа обрядов посвящения, на месте архаического мужского союза оказывается воинский союз, феодальная дружина, отряд кондотьеров, армейское подразделение, меняются формы и степень доминирования «мужских» структур в обществе, — однако суть остается прежней. Это и делает возможным в обыденной речи, и не только, ссылаться на некий вневременной статус мужчины, связанный с его биологической судьбой, с одной стороны, и тем не менее требующий постоянного подтверждения, с другой⁴.

В историко-лингвистическом плане понятие мужества предстает как набор лексем, присутствующих уже в наиболее ранних памятниках славян-

⁴ Так, в различных славянских языках слово, обозначающее зрелого мужчину, наделено коннотациями, связанными с высокой оценкой: храбростью, сильным характером, зрелым умом и т. д.: в болгарском у слова *мъж* фиксируется переносное значение «храбрый сильный, мужественный человек», в сербохорватском у слова *муж* — устаревшее значение «известный, знаменитый, уважаемый человек, мужчина, герой», в чешском у слова *muž* — значение «смелый, отважный, мужественный мужчина, воин, боец», в польском у слова *maż* — значение «мужчина смелый, серьезный, гражданин» [по данным различных словарей; цит. ЭССЯ 20: 158–159]. В русском языке слово *муж* (устаревшее и стилистически окрашенное) также включает в себя подобный оценочный оттенок. Характерно, что указанные коннотации всегда присутствуют как потенция, но никогда не гарантированы самим по себе статусом «мужа». Речь идет не о привилегии, а об обязанности конкретного индивида соответствовать образцам.

ской письменности. Случай употребления слов *мужьскы* и *мужьство* встречаются в Супрасльской рукописи [Супрасълски сборник I–II]: *станѣте доблѣ ѿ братиѣ и мжжѣскы за хѣ на скврѣнаваго сего да вѣчьнымъ насладимъ сѧ славы* [62–63]; *тжженѣе вѣсе ѡтѣложьше мжжѣскы глаголемаа разоумѣитѣ* [85]; *предѣпоказавѣше вѣстѣмъ ѡкоже начрѣтани мжжѣ снхъ мжжѣства ѡко и доблѣства побраньскага* [83]; *дрѣжимъ сы похотнѣѣ влѣда по истинѣ събравъшъ* (правильно: съборъ вашъ) *безъ мжжѣства* [335]; *кѣ съ ѣсть раздроушнвыи нашъ неповѣдимжѣ дрѣжавѣ и мжжѣство* [466]; в Синайской псалтири (цит. по [SJS III: 270]): *Бѣтъ.. извода окованныа мжжѣствомъ* [67, 7]; в Синайском требнике [Euchologium Sinaiticum I–II]: *И егда тѧ видитѣ мжжѣскы вѣе трѣпѣща, пакы налагаеть тѣ оуныниѣ много* [142].

В Супрасльской рукописи встречается также случай употребления производного от *мужество* наречия *мужьствьно* (точнее *немужьствьно*): *а ѣже любоплакати то аки слабѣ и не мжжѣствьно исправѣаѣ* [316].

В основном *мужьскы* и *мужьство* и возникают в этих текстах, по происхождению переводных, как точный перевод слов *ἀνδρείως*, *ἀνδρεία* и становятся элементами книжного языка. Именно под воздействием переводов с греческого складывается область употребления этих слов, основной круг контекстов, в которых они встречаются в памятниках славянской, и в частности древнерусской книжности.

При этом представляется, что сама образность, лежащая в основе этих слов, была в целом понятна книжнику, поскольку более или менее универсальные представления о маскулинном характере воинской доблести характерны для любого общества. *Мужьскы*, *мужьство* входили в обиход под влиянием греческого оригинала и, возможно, под влиянием какого-то устного, докнижного узуса⁵; в дальнейшем, однако, они становились самостоятель

⁵ Строго говоря, неизвестно, использовались ли эти слова в устном обиходе для обозначения бесстрашия, силы духа и других подобных добродетелей. Нет сомнения, что в других значениях слово *мужьство* использовалось в некнижной речи, например, в качестве абстрактного им. сущ. от прил. *мужьскѣ*; ср. в русских диалектах специфическое диалектное использование слова для обозначения половых органов: «**Мутьво** ср. арх. мужскія части» [Даль II: 932]; «**Мужствѣ**, а, ср. Мужской половой орган. Арх., 1885» [СРНГ 18: 335]. Естественно также полагать, что *мужьство* в значении 'зрелый возраст мужчины' также существовало в устной некнижной речи. В ряде сла-

ными элементами славянской книжной культуры. Во всяком случае, уже в Супрасльской рукописи употребление слова *мужьство* не вполне определяется употреблением *ἀνδρεία*; *мужьство* употребляется также и в соответствии с греческим *ἀριστεία* (83), *θράσος* (466). Это показывает, что уже в X–XI в. в рамках славянской книжной культуры складывались свои представления об узусе слова *мужьство*, включающие, например, возможность употребить это слово, когда речь идет скорее о дерзости и самоуверенности (*θράσος*), приписываемых обитателям ада. Переводы с греческого лишь ставят и отчасти решают задачу выработки лексического арсенала для обслуживания значительного набора литературных контекстов. Необходимо подчеркнуть, что хотя речь идет прежде всего о церковных памятниках, диапазон контекстов для *мужьство* и *мужьскы* гораздо шире; сложившиеся в Византии жития и службы содержат эпизоды, как напрямую относящиеся к подвигам святых, так и элементы бытового, воинского, политического нарратива. Развитая литературная традиция, разработанная панегирическая и дидактическая топка ставят переводчика перед вызовом, побуждают его разрабатывать систему литературных средств, которая впоследствии трансформируется при создании оригинальных текстов.

Для древнерусской книжности византийские образцы обладали огромным авторитетом, сталкивались ли с ними русские книжники напрямую или через южнославянское посредство. Уже на раннем этапе истории древнерусской письменности слова *мужьство* (в специфическом значении; также и производные: *мужьствьн(ыи)*, *мужьствьно*), *мужьскыи* (в специфическом значении), *мужьскы* входят в книжный обиход. И опять-таки в распространении этих лексем ключевую роль играет влияние переводных агиографи

вянских языков зафиксировано собирательное значение этого слова; ср. сербохорв. *muštvo*; словен. *moštvo*; чеш. *mužstvo*. Что же касается *мужьство* в значении 'доблесть', ответить на заданный вопрос сложнее. В пользу утвердительного ответа говорит тот факт, что аналогичные слова в указанном значении имеются во всех славянских языках, включая и те, которые находились на глубокой периферии церковнославянской книжной культуры, например, польский [ЭССЯ 20: 162–166]. В пользу сомнения — то обстоятельство, что *мужьскы*, *мужьство* и т. д. в дальнейшем вошли в русский язык в формах *мужески*, *мужество* и т. д.; прояснение *ь* в слабой позиции является признаком их книжного происхождения [Успенский 1988: 137].

ческих и гимнографических текстов. В летописных статьях, относящихся к X–XI в., этих слов почти нет; зато в служебных минеях этого периода они довольно широко употребляются; ср в служебной минее за сентябрь [Ягич 1886] примеры употребления слова *мужьство* (всего 9): **Немошь кстьства женьскаго ѿтложша тавѣ, моужьство приаша и безаконна посрамиша, зако^{но} пострадавше** [010] **тѣмъ же тьрьпѣнню ти и моужьствоу диваше са** [0127]; **Гдѣи са на соудници моужьскоую (дшю) носашци, и врага же тако моужьствемъ побѣдила еси, прѣхвальнаа** [0139] слова *мужьскы* (всего 16): **Дивить са видѣвъ на судници моужьскы престоаше, моудре, мѣталь зѣлыи** [024]; **моужьскы противоу ста мѣтлемъ** [061]; **Оустрѣли тьрьпѣливною стрѣлоу гна врагы и крѣпыцѣ же меча нухъ съсѣкль еси воиньства, моужьскы побѣдныи вѣнць, созонте, въсприалъ еси, блаже** [066]; ср. многочисленные примеры из служебных миней за октябрь и ноябрь; в Синайском патерике [Синайский патерик 1967]: «видите ли мѣкы.видите ли постъники.како прѣтрьпѣша моужьствьно» [44]; «коликко прѣтрьпѣша.коликко подвизаша са.немоши тѣлесньи.дхвнымъ моужьствомъ одолѣвше» [44–44 об.]; ср. примеры в СДРЯ [V: 40–41].

Именно этим обширным набором контекстов определяется круг ассоциаций, с которыми были связаны перечисленные слова. *Мужьство*, *мужьскы* и прочие слова с этим корнем используются применительно к христианскому мученику, к его поведению перед мучителями. При этом достаточно трудно разделить случаи, когда эти слова характеризуют само по себе поведение мученика (**тѣмъ же тьрьпѣнню ти и моужьствоу диваше са**) или же являются элементом метафорической конструкции, в которой мученик сближается с воином, а его мучители (или грехи, соблазны) — с атакующими его врагами (**оустрѣли тьрьпѣливною стрѣлоу гна врагы и крѣпыцѣ же меча нухъ съсѣкль еси воиньства**). В любом случае именно эта метафора, присутствующая, скрыто или эксплицитно, в описании мученических страстей, делала словоупотребление, характерное для церковно-книжных памятников, образцовым для тех книжников, кто формировал язык летописания и искал подходящие выражения для оценки поведения воинов в бою.

Сближению непоколебимого святого мученика и бесстрашного воина способствовало многократно отмечавшееся исследователями характерное для древнерусского культурного сознания понимание ратного труда как своего рода духовного делания. Подобное понимание конкретизировано

в недавней работе, посвященной духовному аспекту древнерусской воинской культуры, — христианская духовность, по мысли автора, становится неотъемлемой частью сознания воина в процессе становления древнерусского этноса: «Знакомясь с христианством, Русь держит в руках меч и щит. Новая религия и культура, воспринятая в таких “военно-полевых условиях”, неминуемо приобретали черты, характерные для дружинного строя. Сочетание христианских и военных атрибутов в повседневной культуре и массовом сознании представляется неизбежным. Впоследствии оно дополнится противостоянием иноэтничному и инокультурному окружению, финно-угорскому лесу и печенежско-половецкой степи, что окончательно закрепит эту символику в культуре нового христианского народа» [Мусин 2005: 24–25].

В этой перспективе использование контекстов, первоначально сосредоточенных вокруг житийной тематики, в военном нарративе более чем органично. Первое по времени употребление в летописном нарративе слова *мужьскы* в этом смысле показательно — это широко известная речь Святослава к воинам: «и ре^ѣ Стославъ воемъ своимъ. оуже нам сде пасти. Потагнем моужскы братья и дружино» [Лавр. 69]. Характерно, что слово *мужьскы* употреблено для оценки жертвенного поведения в трудной ситуации (хотя Святослав был язычником и о прямом переносе на него атрибутов христианского мученика не может быть и речи).

В эпоху формирования языка древнерусской книжности складываются практики словоупотребления, характерные для различных тематических областей. В летописном нарративе, насколько можно судить, постепенно утверждается узус слов *мужьство*, *мужьскы* и др. Здесь можно выделить контексты двух видов — общепанегирические и конкретно-оценочные.

Общепанегирические контексты предполагают включение этих слов в общий арсенал панегирической топики. Несмотря на относительную немногочисленность контекстов, можно выделить стандартные формулы, например формулу *слути мужьствомъ*, наиболее раннее употребление которой (из известных нам) находим в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона: «великааго кагана наша земли володимера. <...> иже въ своа лѣта владычествующе мѣжьствомъ же и храборьствомъ прослѣша въ странахъ многахъ» [Молдован 1984: 91–92]; ср.: «пойдоша Половци. и послаша пре^а собою (в) сторожѣ. Алтунопу. иже словаше в ни^ѣ мужьство^ѣ» [Лавр.

278]; «Башеть бо оу нихъ воевода Титъ вездѣ словый моужьствомъ. на ратѣхъ и на ловѣхъ» [Ипат. 889]⁶.

Слово *мужьство* образует и другие устойчивые сочетания, характерные для панегирической топики; так, очень часто эта добродетель стоит в одном ряду с такими словами, как *умь, разумь, съмысль*; ср. в переводных богослужебных текстах: *правды бо гави са пищъникъ, моужьства ї съмысла чѣломоудрыа* [Ягич 1886: 031]; *моужьствъмъ твърдни и сильнии разоумъмъ гависте са посрѣде подвигъ достоухвальнии христови величии моученици* [Gottesdienstmenäum III: 617]. В «Слове о законе и благодати», дважды применительно к князю Владимиру: «паче же възмѣжавъ. крѣпостию и силою съверша гасѣ. мжьжествомъ же и съмыслоу прѣдъстѣа» [Молдован 1984: 92]; «и землю свою пасжщю правдою. мжьжествомъ же и съмыслоу» [там же]. В летописи об Андрее Боголюбском (а впоследствии также и о других князьях): «моужьство же и оумъ в немъ живаше. правда же и истинна с ни^н ходаста» [Ипат. 583; Лавр. 368].

Конкретно-оценочные контексты содержат описания поступков или поведения персонажей в конкретных ситуациях. Они чаще, чем слово *мужьство*, используют слова *мужьскы, мужьствън(ый)*, поскольку содержат оценку действий или образа действия. Здесь также складываются свои устойчивые формулы и сочетания слов; так, слово *мужьскы* тяготеет, по-видимому, к сочетанию со словами *търпѣти, умрети, пострадади*. Показательно, что эти сочетания, часто употребляемые (с небольшими вариациями) в житийных и богослужебных текстах (ср. выше в Синайском требнике: **ЕГДА ТА ВИДИТЬ МЖЖСЬСКИ ВСЕ ТРЪПАЩА**; в Синайском патерике: «видите ли постънныкы. како прѣтрѣпѣша моужьствъно»), становятся книжными клише⁷.

⁶ С формулой *слути мужьствомъ* в известной мере соотносятся и, например, такие высказывания, как: «Се же слышавъ король части Римьскы, от полунощныя страны, таковое мужество князя Александра, и помысли в себѣ: “и поиду, рече, плѣню землю Александрову”» [И Новг.: 291].

⁷ Так, в «Пчеле» находим три случая употребления подобных выражений: *а иже моужьскы терпѣтъ лютага, то варить къ блѣженствоу* [Пчела I: 382]; *и давы моужьскы терпѣлъ ѡсоуженик и ноужю бес печали* [там же: 496]; *Оүне славноу моужьскы оүмрети, нежели жити съ срамомъ* [там же: 519]. Только в первом случае в греческом оригинале слову *мужьскы* соответствует *ἀνδρείως*; во втором — так переведено слово *γενναίως*, в третьем — слово *мужьскы* привнесено переводчиком: *Оүне славноу моужьскы оүмрети* соответствует *Αἰροῦ καλῶς θεθνάαι μᾶλλον*.

В других случаях *мужьскы* употребляется при описании поступков и поведения людей в ситуации очень трудной, требующей жертвенности, готовности умереть. Выше уже отмечалось, что известная речь Святослава была сказана в подобных обстоятельствах. Другой пример можно найти в Галицко-Волынской летописи, где в весьма примечательных выражениях описывается эпизод, когда дружина обратилась в бегство кроме двоих воинов: «оустремишаса на бѣгъ вси со Блоусомъ. си же два не побѣгоста Рахъ. соу Проусиномъ. но створиста дѣло. достойно памати. и начаста са бити моужескы. Проусинъ стѣхаса. с Болеславомъ тоу оубить бы^ѣ ѿ многѣ^ѣ. а Рахъ оуби богарина добра Болеслава. тоу же и самъ приа конфъч. подобныи сии же оумроста моужестве^ѣмъ ср^ѣцмъ вставлеша по собѣ славоу. послѣднемоу вѣкоу» [Ипат. 887]. Здесь обращает на себя внимание то, как на военный эпизод накладывается шаблон, который скорее соответствует агиографическому дискурсу. И хотя описание содержит также упоминание о боевых действиях дружинников, акцент делается на их героической смерти. Заключительная же формула «оумроста моужестве^ѣмъ ср^ѣцмъ» напоминает житийные формулы (на книжный характер оборота *умрети мужественным сердцем* указывал еще А. И. Генсбюровский [1961: 203])⁸. Таким образом, за словом *мужьскы* закрепляется определенная «репутация», известный семантический ореол⁹.

⁸ Здесь нельзя не вспомнить широко известный оборот, употребленный в «Слове о полку Игореве»: «до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ» [Слово о полку Игореве: 50]; ср. в «Слове о Куликовской битве»: «истезавше ум свой крепостию и поостриша сердца своя мужествомъ» [Слово о Кулик. битве: 34].

⁹ Интересен случай употребления (в более позднем летописании) *мужьскы* для характеристики поведения женщины в трудных и опасных для нее обстоятельствах. Рассказывая о судьбе княгини Ульяны Вяземской, которую пытался взять силой смоленский князь Юрий (1406 г.), летописец сообщает: «И яко лещи въсхотѣ с нею, она же предобрая мужелюбица мужескы въспротивися ему, иземши ножь удари его в мышцу на ложи его» [Моск.: 330 об.]. Княгиня была умерщвлена Юрием, что дало возможность прославить ее как мученицу (св. блгв. княгиня Иулиания Вяземская, память 21 декабря/3 января и 2/15 июня), противопоставившую похоти мучителя свою духовную чистоту.

Довольно рано (никак не позднее XII в.) в летописи появляются контексты иного рода. Например, о молодом Андрее Боголюбском рассказывает, что он так рьяно бросился в гущу битвы, что оторвался от сопровождавших его воинов и едва не стал добычей врагов. Однако в глазах летописца и явная неразумность действия Андрея отступает на второй план рядом с проявленной им неустрашимостью: «и мужи ѡтѣни похвалу ему даша. велику. зане мужьскы. створи. паче бывшихъ вси^ѣ» [Ипат. 390–391].

Высокая оценка не слишком осмысленных, импульсивных, безрассудных действий вызывает недоумение. Тем более вызывает недоумение употребление в этом контексте слова *мужьскы*, ассоциирующегося с житийным терпением, жертвенностью, вообще с противостоянием злой, несправедливой силе.

Возможны два объяснения. Первое состоит в том, что отчаянно отважные действия воспринимались книжником как жертвенные, а его поведение — как вариант духовного делания. Второе — в том, что мы имеем дело с практикой, распространенной в архаических мужских объединениях, воинских союзах, когда недавно посвященного мужчину, воина проверяют в деле¹⁰. В этой ситуации, конечно, в первую очередь окружающих интересует его бесстрашие, а не осторожность. И вполне естественно, что оценку дают именно «мужи отѣни». *Мужьскы* в данном контексте означает «как подобает мужу», причем «мужем» является только воин; ср. в «Почуении» Владимира Мономаха: «с̄м̄рти бо са дѣти не боѣчи. ни рати ни ѡ звѣри. но мужьское дѣло творите. како вы Б̄ѣ подасть» [Лавр.: 251].

Демонстрация бесстрашия молодым воином перед лицом старших товарищей представляет собой достаточно универсальное явление¹¹. Другой пример, на который хочется обратить внимание, — эпизод, когда молодой Даниил Галицкий в пылу даже не почувствовал, что ранен: «а Данилѹ боденѹ бывшѹ в перси. младеньства ради и буести. не чюаше ранѣ бывшихъ на телеси его. бѣ бо възрастомъ. ӣ лѣтъ. бѣ бо силенъ <...> въ брані не познана еа <раны>. крѣпости ради мужества. възраста своего» [Лавр. 507–508;

¹⁰ Строго говоря, эти два объяснения не противоречат друг другу. Осознание бесстрашного поведения как жертвенного не мешает ставить вопрос о готовности человека к жертве.

¹¹ Ср. об аналогичной практике у народов Кавказа [Карпов 1996: 118 сл.], у нилотской народности нуеров [Эванс-Причард 1985: 220], у бамбара, Мали [Арсеньев 1991: 35] и т. д.

ср. Ипат. 744]. Молодой Даниил наделяется признаками бесстрашного воина, не замечаящего в боевой ярости ни опасности, ни ран¹².

Таких эпизодов не слишком много, но они позволяют говорить о другой системе оценок личности — системе, в которой ценится не столько твердость духа, стойкость, непоколебимость, сколько дерзость, импульсивность, самозабвение битвы. Сталкивающиеся системы оценок личности соответствуют двум «возрастам» мужчины — зрелому и юному. В первом случае образцом является твердый духом и сильный разумом муж, во втором — юноша, своими бесстрашными подвигами демонстрирующий свою принадлежность к кругу мужей¹³.

Это противостояние двух систем оценок накладывается на более широкое явление, относящееся в большей степени к эволюции нарративных техник, чем к трансформации культурного сознания, — но тем не менее весьма показательное. В летописном нарративе постепенно распространяется тема демонстративного мужества; входит в употребление формула *показати мужьство свое*¹⁴. Разумеется, описание подвигов и страстей свя-

¹² Молодой, на грани совершеннолетия, возраст, сила, боевая ярость (напоминающая о германских берсерках) — всё это опять-таки заставляет говорить об элементах сценария посвящения в воинский союз [Элиаде 1999: 214 сл.].

¹³ Следует учитывать, что универсальные представления о духовном превосходстве мужчины предполагают проекцию тех или иных психических свойств не только на гендерную (мужчина vs женщина), но и возрастную (мужчина vs мальчик) шкалу. В этой перспективе мужество ‘доблесть’ и мужество ‘зрелый возраст мужчины’ в древнерусской литературе постоянно обмениваются смыслами. Взросление того или иного летописного персонажа так или иначе представляет собой необходимое условие его ратных подвигов. При этом взросление, буквально — возмужание героя может иметь разные градации. Ср. в цитированном выше пассаже из «Слова о законе и благодати»: «паче же възмѣжавъ. крѣпостію и сиаю съвершашася. мѣжьствомъ же и съмысломъ прѣдъспѣа» (специально подчеркивается, что взросление Владимира сопровождалось соответствующим возрасту физическим возмужанием и опережающим возраст возмужанием духовным). В этой связи представляется интересным, что в старопольском языке у слова *męstwo* отмечается два возрастных значения — ‘зрелость’ и ‘юность’: “*Męstwo*. <...> 2. ‘wiek męski, też młodość, aetas virilis (sed etiam juvenus)” [Sl. starop. IV: 187].

¹⁴ А. А. Пичхадзе высказывает предположение, что употребление этой формулы в Галицко-Волынской летописи восходит к переводной «Истории Иудей-

тых мучеников также невысказаны без демонстрации их духовной мощи, мужества; ср. конструкции наподобие цитированной: **ГВН СЛ НА СОУДИЩИ МОУЖЬСКОЮ ДНЮ НОСАЩИ**. Однако там оно было завершением жизненного пути святого, его свидетельством (в религиозном смысле слова)¹⁵. В XIII в. появляются (в Галицко-Волынской летописи) контексты, где демонстрация мужества явно связана, хотя и косвенно, с доказательством личного превосходства; ср.: «Даниль бо младъ бѣ. и видѣвъ Глѣба Зеремиевича и Семьюна Кодыньиньского. моужескы ѣздаща. и приѣха к нима оукрѣплаа и. и ини же оустрьмилиса на бѣгъ. того же дни бишаса всь днь. шлнѣ до ноши. тое же ноши оуверноуша^с Даниль. и Глѣбъ Зеремѣвичъ. гаста Пѣньца. младъ съ показа моужество свое» [Ипат.: 734].

Здесь видно, как «мужество» из духовной добродетели превращается в демонстрируемую окружающим доблесть молодого воина; что наречие *моужескы* из характеризующего стойкость святого или воина превращается в элемент визуальной оценки. В дальнейшем выражение *моужескы* (*мужественно*) *пздити*, по-видимому, входит в литературный обиход; ср.: «Князь великий Юри Ингоревичъ, видя братию свою и боляръ своихъ и воеводъ храбро и мужественно ѣздяще, и воздѣ руцѣ на небо со слезами...» [Пов. о раз. Рязани: 11].

Не хотелось бы представлять дело слишком прямолинейно: будто благочестивое понимание мужества сменилось в более позднюю эпоху показным и поверхностным. Скорее, можно описать ситуацию в следующих выражениях: в трактовке понятия мужества сосуществуют два подхода: первое

ской войны» Иосифа Флавия [История Иудейской войны I: 9]. Не упуская из виду несомненное огромное влияние памятника на русский воинский нарратив, следует отметить, что в «Истории...» показное мужество подано с оттенком осуждения или, по крайней мере, подозрения в задней мысли, тогда как в летописи оно подается как похвала.

¹⁵ Мученик не показывает свою выдержку, а поступает так, как следует поступать, и только помощь Бога позволяет ему выдержать испытания и искушения. В житии Андрея Юродивого на этот счет есть недвусмысленное замечание: **Да сего дѣла посланъ ксть на ны змин. да выхомъ разумѣлѣ худость свою и тако ничтоже ксть сила наша противу сотонинѣ лукавству. но все то страшнаго бѣ ксть любо побѣда. любо мѣжество. кже на стрѣти. любо мѣтва. любо постѣ. любо ли ино что сѣ обращетъ въ насъ** [Молдован 2000: 393].

связано с непоколебимостью, твердостью, равенством самому себе, второе — с импульсивной отвагой, неустранимостью, боевой яростью; первое связано с образом зрелого мужа, второе — становящегося мужчиной юноши; в первом преобладают глубинные духовные аспекты, второе показательно, демонстративно. Другой вопрос, что перспектива книжного нарратива может существенным образом меняться; политизация летописного и примыкающего к летописному дискурса естественным образом приводит к тому, что демонстративный аспект выступает на передний план. Семантика инициации трансформируется в прагматику обоснования тех или иных притязаний (политически актуальное переосмысление архаических обрядов и конструкций мышления — явление хорошо известное). В результате мужество предстает как доминанта именно внешнего поведения персонажа; в поздних летописях, например, это может приводить к добавлению слов *мужество* и однокоренных; см. например в Московском летописном своде описание поведения юного Даниила Галицкого в бою: «но <Даниил> крѣпокъ бѣ на брань, избивающу же ему Татары мужественѣ. Видѣвъ же то Мъстиславъ» [Моск.: 148 об.]; ср.: «Данилови же крѣпко борющиса. избивающи Тотары. видивъ то Мъстиславъ» [Ипат.: 744].

Употребление слов *мужьство*, *мужьскы*, по-видимому, постепенно расширяется; известную роль здесь сыграли «История Иудейской войны» и «Александрия», доступные в составе русских хронографов, а впоследствии — другие переводные тексты на темы древней истории, сыгравшие роль в эволюции русской средневековой литературы. Надо заметить, что «История Иудейской войны» содержит большое количество батальных контекстов со словом *мужьство* (более 30), причем только в половине случаев оно соответствует в греческом тексте слову *ἀνδρεία* [История Иудейской войны II: 125]. Памятник, таким образом, и подготавливает процесс постепенного расширения употребления слова *мужьство*, и сам отражает этот процесс¹⁶. Процесс расширения узуса слов *мужьство/мужество*, *мужьскы/мужески* (несколько позднее — *мужественный*, *мужественно*, *мужественный*) происходит постепенно. Рамки настоящей работы не позволяют подробно проследить за его развертыванием; в качестве иллюстрации

¹⁶ Интересно, между тем, отметить, что в «Истории...» отсутствуют слова *мужьствын(ыи)* и *мужьствьно*; их распространение в батальных контекстах относится к более позднему времени.

можно обратить внимание на весьма широкое употребление слов *мужество* и *мужественно* в поздней (начало XVI в.) Повести о разорении Рязани Батыем: «И нападоша на нь и начаша битися крепко и мужественно <...> Царь Батый и видяше, что господство резанское крѣпко и мужественно бъяшеся, и возбоися. <...> Преседоша с коня на кони, и начаша битися прилѣжно, многиа сильныя полкы Батыевы проеждя, а храбро и мужественно бъяшеся, яко всѣм полкомъ татарьскимъ подивитися крѣпости и мужеству резанскому господству <...> И ездя полкомъ татарскимъ храбро и мужественно, яко и самому царю возбоитися. и начаша дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству <...> Тако крѣпко и мужественно ездя, бъяшеся един с тысящею, а два — с тмою <...> Мужествен умъ имѣяше, в правде-истине пребывава, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста» [Пов. о раз. Рязани]¹⁷.

Семантические сдвиги, происходящие в употреблении слов, связанных с понятием мужества, имеют глубокие историко-культурные корни. Исследователь отмечает серьезные изменения в русской средневековой воинской культуре, и особенно в ее духовных аспектах: в московскую эпоху осознание участия в военных походах как духовного делания уходит, на его смену приходят другие, более прагматичные и политически ориентированные дискурсивные построения [Мусин 2005: 312 сл.]. В этом смысле можно провести параллель между утратой практики освящения оружия посредством декорирования его христианскими символами, безразличием «в вопросах помещения христианских изображений и символов на доспехи и предметы вооружения» [там же: 312] — и отмеченным нами отходом от переживания религиозного измерения мужества.

Кажется важным, однако, обратить внимание на очень важный аспект происходящих изменений. Христианское понимание мужества персоналистично; более ранние контексты отсылают к личному выбору человека и к его способности быть верным своему выбору несмотря ни на что; по су-

¹⁷ Нельзя не признать, что одной из причин такого активного употребления слов *мужество*, *мужественно*, *мужественный* является литературная техника книжника, желающего украшать нарратив плеонастическими сочетаниями вроде *крепко и мужественно*, *храбро и мужественно* и т. д. Однако это «орнаментальное» употребление слов, относящихся к важному понятийному ряду, тем более показательно.

ществу, это приватная категория. Все обращаются в бегство, а два дружинника бьются насмерть — это их решение, и на нем сосредотачивает внимание летописец. Смещение акцентов приводит к тому, что мужество как понятие становится элементом публичного поведения, причем на этом поведении основываются определенные властные или политические притязания. Нельзя в буквальном смысле спроецировать это смещение акцентов на временную ось; скорее, следует говорить о противоположных стратегиях описания личности, из которых одна используется всё реже, а другая — всё чаще. Всё чаще мужество оказывается той понятийной категорией, которая характеризует манифестацию надличностных характеристик — этнических, религиозных.

Однако персоналистическое понимание мужества не уходит из культуры. Оно живет в житийных и гимнографических текстах, в значительной степени сохраняющих свою значимость для многих поколений. Послание, заключенное в этом понятии, актуализуется в тот момент, когда — в новых исторических условиях и на новых основаниях — возникает интерес к человеческой способности отвечать на жесткий жизненный вызов, подчинять свои рвущиеся наружу аффекты разумной воле, соотносить свое поведение не с сиюминутными порывами, а с главной целью. Этот интерес возникает в начале Нового времени, когда рациональное поведение человека начинает цениться особенно высоко, а спонтанные и импульсивные формы поведения, напротив, третируются как низшие. Агрессия в этой ситуации оказывается если и не вне закона, то, по меньшей мере, всё чаще расценивается как ненадлежащее, недостойное поведение. Для человека Нового времени агрессивные и деструктивные аспекты поведения могут быть узаконены только в очень жестких рамках. На войне теперь ценится не спонтанный героизм, а умение вести себя так, как нужно для пользы общего дела. Более того, такое поведение требует гораздо более серьезной духовной работы, поскольку, с одной стороны, гораздо в меньшей степени задействует для преодоления страха гнев, ярость, неистовство, — словом, аффективные формы поведения, а с другой стороны, предполагает действия в условиях очень серьезного психологического прессинга (вести фортификационные работы под огнем гораздо труднее, чем идти в атаку; стоять, ожидая приближения неприятеля и команды «пли», сложнее, чем бросаться в штыковую и т. д.). Иными словами, «даже во время войны цивилизованных стран нашего мира индивид

более не может непосредственно давать волю своим эмоциям, наслаждаясь видом поверженного врага. Он должен, независимо от своего настроения, подчиняться переданным ему приказам не видимого им командира и вести бой с зачастую не видимым им врагом» [Элиас I, 282].

В этих условиях мужеством получает право называться не обычная смелость, а умение вести себя как должно в обстоятельствах, кажущихся необоримыми. Это понимание мужества складывается сравнительно поздно. Еще в Петровскую эпоху мужественным может называться любой бесстрашный поступок, пусть даже и импульсивный: «И наши, видев что указу в закопывании исполнить невозможно, мужественным сердцем прорубя полисад, вломились к неприятелю и оного в бег обратили и равелин... шпагою взяли» [История Свейской войны I: 112]; «так мужественно шпагами назад на неприятеля бросились, которого удивительно (понеже уже наш вал им яко борствер, и сверх того свои пушки они имели себя обороняющия) отбили» [там же: 119]; «которая пехота... мужественно на оных напала и по жестоком бою... храбро с поля сбила» [там же: 143].

Во второй половине столетия такое импульсивное бесстрашие начинает цениться ниже, чем рациональное, подчиненное сильной воле поведение. Импульсивные же формы поведения вытесняются на периферию культуры — туда, где кочуют отважные полудикие народы. Знаменитый полководец П. А. Румянцев в письме Екатерине от 31 июля 1770 г., описывая сражение при Кагуле, признает, что турки храбры: «персонально нельзя быть храбрее воину, как их всадники и пешеходцы» [Румянцев 2001: 122]. Однако именно мужество — то, что отличает русскую армию: «...я прошел все пространство степей до берегов Дунайских пред неприятелем, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю их во всяком месте за непреоборимую стену» [там же: 124].

Понятие мужества завоевывает господствующие позиции в культуре: это не просто склонность к бесшабашному героизму, не умение ринуться очертя голову на врага — это качество зрелого, умного человека, способного к ответственному поведению. А. В. Суворов (в одном из своих писем) выстраивает иерархию воинских доблестей: «Солдату бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество» [Суворов 1986: 257]. Характеризуя своего знакомого, он пишет: «...храбрость его надлежала быть ограждена не одною смелостью, как часто в частных, но руководствуема искусством и мужеством» [там же: 186].

Этот процесс отражается и в лексикографии. В Словаре Академии Российской (как в первом, так и во втором издании) интересующее нас значение слова *мужество* определяется следующим образом: «Храбрость, доблесть. *Явить на брани мужество*» [САР¹ IV: 323; САР² III: 886]. Это же толкование копируется и в Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. [СЦРЯ II: 330]. Однако в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля уже помещено следующее определение: «Стойкость въ бѣдѣ, борьбѣ, духовная крѣпость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смѣлость въ бою и опасностяхъ; терпѣнье и постоянство» [Даль II: 932]. У Даля на передний план выступает стойкость, способность выносить несчастья и тяготы борьбы; весьма показательна формулировка «спокойная смѣлость въ бою и опасностяхъ»: Даль специально подчеркивает, что речь идет не просто о смелом порыве или отдельном поступке, а о смелости проявляемой постоянно, систематически, без надрыва и превышения сил.

Следует отметить, что в словарях редко обращают внимание на своеобразное расщепление смысла в понятии мужества в его современном варианте. Мужественным называют и того, кто демонстрирует высшую доблесть в схватке с неприятелем, и того, кто, не дрогнув, выносит физические и душевные страдания, тяжелый труд, неудачи. Представляется, что такое разделение задано самой историей понятия, относящегося как к воину, так и к мученику. В то же время не составляет сомнения, что и в том, и в другом случае речь идет о готовности претерпеть испытания, вести себя как подобает невзирая ни на что. Чрезвычайно важной, однако, представляется не только широта смыслового поля, но и его единство. Мужество в его современном понимании означает наличие (как минимум, в потенции) единого стандарта поведения человеческой личности. Человек Нового времени индивидуален, он в значительной степени сам выбирает свою судьбу — быть ему воином, политиком, религиозным деятелем. Именно понятие мужества обозначает ту доминанту, которая присутствует в поведении человека независимо от его социальной идентификации и рода занятий и которая определяет его самостояние.

Источники

Гистория Свейской войны I–II — Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1–2. М., 2004.

Даль I–IV — [В. И. Даль.] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1903–1909.

Ипат. — ПСРА. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

История Иудейской войны I–II — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Тт. I–II. М., 2004.

Казанская история — Казанская история. М.; Л., 1954.

Лавр. — ПСРА. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–28.

Молдован 1984 — А. М. Молдован. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.

Моск. — ПСРА. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

I Новг. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пов. о раз. Рязани — Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.

Пчела I–II — «Пчела». Древнерусский перевод. Т. I–II. М., 2008.

Румянцев 2001 — Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания М., 2001.

САР¹ I–VI — Словарь Академии Российской. Тт. I–VI. СПб., 1789–1794.

САР² I–VI — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Тт. I–VI. СПб., 1806–1822.

Синайский патерик 1967 — Синайский патерик. М, 1967.

Слово о полку Игореве — Слово о полку Игореве. М.; Л., 1954.

Слово о Кулик. битве — Слово о Куликовской битве Софрония рязанца (Задонщина) // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.

Супрасълски сборник I–II — Супрасълски или Ретков сборник. Т. I. София, 1982. Т. II. София, 1983.

Суворов I–IV — А. В. Суворов. Документы. Тт. I–IV. М., 1949–1953.

Суворов 1986 — А. В. Суворов. Письма. М., 1986.

СЦРЯ I–IV — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.

Ягич 1886 — И. В. Ягич. Служебные Миние за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886.

Euchologium Sinaiticum I–II — J. Frček. Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française // *Patrologia Orientalis*. T. 24. Fasc. 5. Paris, 1933. T. 25. Fasc. 3. Paris, 1943.

Gottesdienstmenäum I–IV — Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Teil 1. 1. bis 8. Dezember. Opladen, 1996. Teil 2: 9. bis 19. Dezember. Opladen, 1997. Teil 3: 20. bis 24. Dezember. Opladen; Wiesbaden, 1999. Teil 4: 25. bis 31. Dezember. Opladen; München; Wien; Zürich, 2006.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев 1991 — В. Р. *Арсеньев*. О воспроизводстве стереотипов полового поведения бамбара // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Березкин 1991 — Ю. Е. *Березкин*. Южноамериканский миф о свержении власти женщин: Условия формирования сюжета и его ареала // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Гадамер 1991 — Г.-Г. *Гадамер*. О круге понимания // Г.-Г. *Гадамер*. Актуальность прекрасного. М., 1991.

Генсьорский 1961 — А. И. *Генсьорский*. Галицько-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Київ, 1961.

Карпов 1996 — Ю. Ю. *Карпов*. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Лафонтен 1986 — *Jean Sybil La Fontaine*. Initiation: Ritual Drama and Secret Knowledge Across the World. Manchester University Press, 1986.

Мусин 2005 — А. Е. *Мусин*. *Milites Christi* Древней Руси: Военная культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

СДРЯ I–VIII — Словарь древнерусского языка. Тт. I–VIII (издание продолжается). М., 1988–2008.

СРНГ 1–41 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41 (издание продолжается). СПб., 1965–2009.

Успенский 1988 — Б. А. *Успенский*. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988.

Эванс-Причард 1985 — Э. Эванс-Причард. Нуэры. М., 1985.

Элиаде 1999 — М. Элиаде. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999.

Элиас I–II — Н. Элиас. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. I–II. М.; СПб., 2001.

ЭССЯ 1–33 — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–33 (издание продолжается). М., 1974—2009.

SJS I–IV — Slovník jazyka staroslověnského. Tt. I–IV. Praha, 1966–1997.

Sl. starop. I–XI — Słownik staropolski. Tt. I–XI. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1953–2004.

Рецензия на книгу: *Rübekeil L. Diachrone Studien zur Kontaktzone zwischen Kelten und Germanen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. 498 S.*

В своей работе 1928 г. «Сравнительный метод в историческом языкознании» А. Мейе писал: «... этимологии собственных имен, как правило, недостоверны вследствие того, что из двух решающих факторов — звуковых и смысловых соответствий с фактами других языков — можно использовать лишь один — звуковой. Языковеды, которые интересуются преимущественно этимологией собственных имен, часто становятся авантюристами от лингвистики и лишь немногие из них строго соблюдают требования метода» (Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 2004. С. 35). С точки зрения подобного подхода, масштабное исследование, предпринятое Л. Рюбекайлем в опубликованной в 2002 году монографии «Диакронические исследования контактной зоны между кельтами и германцами», выглядит как авантюризм, возведенный в куб: автор пытается реконструировать не просто языковые, но общеисторические процессы, протекавшие на территории Галлии и Германии в I столетии до н. э., опираясь в первую очередь на данные ономастики, а также на чрезвычайно скудные письменные источники и сведения, которые предоставляет археология.

Поставленные задачи требуют новых методов, и во вступительном разделе своей работы автор подвергает жесткой критике структуралистский подход в исследованиях архаических культур, который разрабатывают последователи Ж. Дюмезиля. Л. Рюбекайль указывает на склонность представителей этой школы рассматривать культуры как замкнутые системы, развивающиеся исключительно в соответствии с внутренними закономерностями и не допускающие внешних влияний. Этот подход не может, с точки зрения автора, объяснить всех наличных фактов и заставляет исследователей-пуристов (оказывающихся куда большими консерваторами, чем создатели структуралистской методологии — лингвисты) измышлять самые невероятные «структурные» интерпретации для явлений, которые могут быть объяснены путем заимствования.

Исходя из этих посылок, Л. Рюбекайль анализирует ряд упомянутых в сочинениях античных авторов (в первую очередь у Цезаря и Тацита) этнонимов, пытаясь показать, что Европу времен римского завоевания Галлии нельзя представлять как территорию, четко разделенную на кельтскую и германскую зоны, но что между ними на берегах Рейна существовал особая зона «смешанной культуры» (*Mischkultur*). В ней в рамках единой общественной структуры сосуществовали кельтские и германские группы, причем кельтские члены общности имели более высокий социальный статус и выступали донорами в процессах культурного обмена. В центре этой общности находилось племя хаттов, удостоившееся необычайно подробного описания в «Германии» Тацита. Рассматривая предпринимавшиеся попытки установить происхождение данного этнонима, исследователь указывает, что невозможно найти убедительный ответ, оставаясь в рамках германского языкознания. В конечном итоге Л. Рюбекайль приходит к выводу, что данный этноним по своему происхождению кельтский (а хатты были, на самом деле, кельтским народом), но в латинские источники попал через посредство носителей германских языков, переосмысливших его и, в соответствии с новым пониманием, видоизменивших его звучание. Подобному анализу подвергаются и некоторые другие этнонимы (батавы, каннинифаты, маттиаки), носители которых, с точки зрения автора, входили в состав хаттской общности и были, по сути, одним большим народом.

Археологические данные позволяют исследователю локализовать данную смешанную культуру и сделать предположение о времени и обстоятельствах ее гибели под двойным натиском римлян с одной стороны и свевов — с другой.

Выходя за рамки собственно ономастики, Л. Рюбекайль предпринимает попытку выявить элементы культуры, которыми германцы обязаны кельтам. По мнению автора, влияние было достаточно существенным: возможно, именно из контактной зоны, где главенствующую роль играл кельтский пантеон во главе с богом Лугом, германцы вынесли представление о едином верховном божестве и зачатки будущего культа Водана-Одина (интерпретация которого представляет большую проблему для структуралистов), а также традицию боевого неистовства берсерков, собственно кельтским отголоском которой является, в частности, образ ирландского героя Кухулина.

Дополнительно анализируются этнонимы с окончанием на *-uarii* (которые также признаются продуктом переосмысления и переделки старых пле-

менных названий) и получает всестороннее рассмотрение традиционный тезис о происхождении этнонима и топонима Гессен из названия народа хаттов (эта точка зрения опровергается, поскольку, по мнению Л. Рюбекайля, куда более вероятным с точки зрения исторической фонетики выглядит возведение названия народа гессенов к глаголу **hessen* 'сражаться, ненавидеть').

Смелость поставленной задачи и полученных выводов в условиях крайне скудного источникового материала не может не внушать опасений относительно строгого соблюдения требований метода. Л. Рюбекайль предлагает свое решение этой проблемы: если нет возможности привлекать исчерпывающий сравнительный материал и приходится строить исследование как цепочку гипотез, необходимо тщательнейшим образом выверять все промежуточные звенья. Характерным примером данного подхода является поиск этимологии этнонима *хатты*: уже проанализировав варианты, предложенные в научной традиции, и обосновав свою версию, автор тратит еще несколько страниц на рассмотрение других правомерных, но менее убедительных вариантов, стремясь полностью исчерпать имеющиеся возможности для анализа. В результате монография получается весьма объемной, чему также способствует большое количество комментариев и дополнительных гипотез исследователя, посвященных практически всем аспектам рассматриваемых явлений в области исторического языкознания, мифологии, строения обществ и т. д.

Комплексная оценка выводов, полученных в «Диахронических исследованиях», займет, по-видимому, немало времени, ведь фактически Л. Рюбекайль, основываясь на всей научной традиции от античности до наших дней и одновременно полемизируя с ней, предлагает свою версию истории тех столетий, которые решающим образом повлияли на формирование многих германских культур. Фактически, исследователь претендует на то, чтобы «закрыть тему».

Семинар Центра славяно-германских исследований за 2007–2008 годы

Доклад Ю. А. Клейнера «Гимн Кэдмона: Текст и контекст» (11 января 2007 г.).

Доклад Ф. Б. Успенского «Скрытые и явные смыслы одного прозвища в Норвегии XI–XIII вв.» (8 февраля 2007 г.).

Доклад А. Б. Ерёменко «Сюжет и мораль в викингских сагах» (1 марта 2007 г.).

Доклад А. С. Архиповой и А. В. Козьмина «“За тридевять земель” / “тридевять раз” в славяно-германском контексте: Семантика и прагматика» (15 марта 2007 г.).

Доклад С. М. Михеева «Имена “Ярислейв”, “Бурислав” и “Бурис” в скандинавской письменности и их происхождение» (29 марта 2007 г.).

Доклад Б. А. Успенского «Право и религия в Московской Руси» (12 апреля 2007 г.).

Доклад А. С. Данилова «О семантике древнеисландского цветообозначения blágr: Синий плащ в “Эдде” и саге» (26 апреля 2007 г.).

Доклад В. В. Рыбакова «Крещение датского короля Харальда Клака (826 г.): Правда и вымысел» (10 мая 2007 г.).

Доклад О. Е. Этингф «Эпизод новгородско-византийских связей: К истории 50-летнего юбилея реставрации Константином Мономахом храма Гроба Господня в Иерусалиме» (8 ноября 2007 г.).

Обсуждение рукописи монографии С. М. Михеева «Усобица 1015–1019 годов на Руси в древнерусских и скандинавских источниках» (29 января 2008 г., совместное заседание с Отделом типологии и сравнительного языкознания).

Доклад Ф. Б. Успенского «Неканоническое поведение святого в агиографии» (12 февраля 2008 г.).

Доклад А. Б. Ерёменко «Этическая категория “щедрость” в викингских сагах» (26 февраля 2008 г.).

Доклад Д. А. Голубовского «Невербальное поведение как маркер “чужого” в ПВЛ» (11 марта 2008 г.).

Доклад Д. Д. Пиотровского «Структурирование текста исландской саги» (24 марта 2008 г.).

Доклад А. В. Назаренко «Молитвенник польской княжны Гертруды и семейные дела киевского князя Изяслава Ярославича» (25 марта 2008 г.).

Доклад Н. А. Ганиной «Остров Рюген (лингво-культурная история: славяне и германцы)» (8 апреля 2008 г., совместное заседание с Отделом типологии и сравнительного языкознания).

Доклад С. Я. Васильевой «Традиции византийского и древнерусского искусства в художественной культуре острова Готланд XII — начала XIII в.» (7 октября 2008 г.).

Доклад В. Ю. Барышникова «К проблеме индивидуального переживания судьбы в раннесредневековой Исландии. (На материале некоторых вис Эгиля Скаллагримссона)» (13 ноября 2008 г.).

Доклад Л. К. Гаврюшиной «Святитель Савва в житиях XIII в.: прославление и оправдание» (18 ноября 2008 г.).

Доклад Е. Р. Сквайрс и Н. А. Ганиной «Средневековые немецкие рукописи и старопечатные фрагменты в собрании Научной библиотеки МГУ как источник сведений по региональной истории Германии: итоги исследования» (25 ноября 2008 г.).

Конференции и круглые столы

Центра славяно-германских исследований за 2006–2009 годы

Круглый стол «Мстислав Великий и его время» (Институт славяноведения РАН, 13 июня 2006 года).

Программа:

Т. В. Круглова. О времени новгородского княжения Мстислава Владимировича

А. В. Назаренко. Династический проект Мстислава Великого

П. В. Лукин. «Поточи Мъстиславъ Полотський князь». Об одной из форм наказания в Древней Руси

А. А. Турилов. Жития св. князя Федора-Мстислава в южнославянской традиции

А. А. Гиппиус. Мстислав Великий и раннее русское летописание

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Христос Пантократор на печати Мстиславовой грамоты

Материалы круглого стола опубликованы в журнале «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» (2007, № 1 (27)).

Конференция «“Призрачные авторы”: Великие произведения средневековья и Ренессанса в поисках авторов» (Институт славяноведения РАН, 20 марта 2007 года).

Программа:

Т. А. Михайлова. «Чудо Колума Киле» — проблема авторства

А. А. Королёв. Развитие агиографической легенды в Ирландии: Эпизод из жития св. Колмана Эло

З. Ю. Метлицкая. Споры об авторстве переводов Альфреда Великого

Н. Б. Пименова. Лингвистический анализ древневерхненемецкого аллитерационного отрывка «Муспилли»: К проблеме создания и единства текста

А. Н. Петрулевич. К вопросу об общем прототипе рунических песней

Т. М. Николаева. Автор «Слова о полку Игореве»: тысячный раз

Е. Н. Кириллова. К вопросу об изначальном составе и структуре «Книги ремесел» Этьена Буало

М. В. Кузьмина. Анонимность текста как способ повышения его статуса

Н. Ю. Чехонадская. Об авторстве De Excidio Britanniae

А. А. Евдокимова. В поисках автора двух греческих минускулов, начертанных на стене Софии Киевской

Первый круглый стол «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе» (Институт славяноведения РАН, 5 июня 2007 года).

Программа:

П. С. Стефанович. Древнерусские выражения верности дружинников и присяга в сравнительном контексте

А. В. Назаренко. Баварская восточная марка — древнейшая русско-немецкая контактная зона (по историческим и историко-лингвистическим данным)

Е. А. Мельникова. Укрощение неистовых: Договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах

В. Я. Петрухин. Русь и варяги в Прибалтике

А. А. Гишпиус. Как обедал Святослав

С. М. Михеев. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имён и исторический контекст

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Как князь Святослав принимал немецких послов:

(1) Князь и царь

(2) Зять и шурин

Материалы круглого стола опубликованы в журнале «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» (2008, № 2 (32)).

Второй круглый стол «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе» (Институт славяноведения РАН, 10 июня 2008 года).

Программа:

Ф. Б. Успенский. Кнут Великий и славянский мир

Г. В. Глазырина. Восточная Европа в древнескандинавской устной традиции

С. М. Михеев. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция

П. В. Лукин. «Сказание о варягах-мучениках» как источник по истории дохристианской Руси

А. А. Гиппиус. Ранний славянский фрагмент из немецкого собрания

Международная конференция «“Повесть временных лет” и начальное летописание: К 100-летию книги А. А. Шахматова “Разыскания о древнейших русских летописных сводах”» (Институт славяноведения РАН, ИВГИ РГГУ, журнал Древняя Русь: Вопросы медиевистики», 22–25 октября 2008 года).

С докладами на конференции выступили С. Н. Азбелев, Т. В. Анисимова, В. Ю. Аристов, Ю. А. Артамонов, А. Г. Бобров, А. М. Введенский, И. В. Ведюшкина, Т. Л. Викул, В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Г. Водолазкин, И. Гарсиа де ла Пуэнте, Т. В. Гимон, А. А. Гиппиус, И. Н. Данилевский, С. А. Денисов, Д. А. Добровольский, В. К. Зиборов, С. А. Иванов, Н. П. Иванова, Е. Л. Коянская, Н. Ф. Котляр, А. В. Лаушкин, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, П. В. Лукин, К. А. Максимович, Н. И. Милютенко, С. М. Михеев, А. В. Назаренко, В. Я. Петрухин, П. В. Петрухин, Е. В. Пчелов, А. Сато, А. В. Севальнев, П. С. Стефанович, О. Б. Страхова, А. Тимберлейк, А. П. Толочко, П. П. Толочко, С. Торрес Прието-Хей, С. Франклин, К. Цукерман, С. В. Цыб.

Материалы конференции опубликованы в журнале «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» (2008, № 3 (33)).

Круглый стол «Имя, речь и церемония: как создается образ правителя» (Институт славяноведения РАН, 17 сентября 2009 года).

Программа:

М. А. Бойцов. Образы власти как предмет исторического исследования (вступление)

Ф. Б. Успенский. Ономастические шарady средневековых государей

М. А. Бойцов. Зачем папе римскому императорский фригий?

О. И. Тогоева. *Virgo/Virago*. Образ женщины-правительницы на средневековом Западе

О. Дмитриева. Яков I — вождь краснокожих? Британский имперский проект и церемонии символического утверждения суверенитета англичан в Новом Свете

Е. Кирьянова. Образ монарха в инаугурационных проповедях в период правления Карла I Стюарта, 1625–1649

Издания Центра славяно-германских исследований за 2006–2009 годы

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: «Индрик», 2006. 904 с.

Именослов: Историческая семантика имени. М.: «Индрик», 2007. Вып. 2. 496 с.

Miscellanea Slavica. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М.: «Индрик», 2008. 472 с., илл.

Успенский Ф. Б. Три догадки о стихах Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2008. 112 с.

От имен к фактам. СПб.: Алетейя, 2008. (Славяно-германские исследования. Т. 3.) 496 с.

Факты и Знаки: Исследования по семиотике истории / Под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1. 272 с.

Михеев С. М. «Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. (Славяно-германские исследования. Т. 4. 292 с.).

Содержание

Вяч. Вс. Иванов СЛАВЯНО-БАЛТО-ГЕРМАНСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ОБЩНОСТЬ КАК СЕВЕРО-ЗАПАДНО-ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЗОНА В СООТНЕСЕНИИ С ДРУГИМИ ДИАЛЕКТАМИ.....	5
Н. А. Ганина ГОТСКИЕ ИМЕНА: ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	42
И. С. Филиппов ОТ РАБА К РАБОТНИКУ: ИСТОРИЯ СЛОВА MANCIRIUM И ИМЕНИ MANCIR В СРЕДНИЕ ВЕКА	64
А. С. Данилов SKÖR JARPR «ТЕМНЫЕ ВОЛОСЫ», JARPSKAMMR «ТЕМНЫЙ ЗАМОРЫШ»: ЦВЕТОВЫЕ АТТРИБУТЫ ИНОРОДЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ЭДДИЧЕСКИХ «РЕЧЕЙ ХАМДИРА»	99
О. И. Тогоева ЖАННА Д'АРК, АФИНА ПАЛЛАДА И ДЕВА МАРИЯ: ДЕВСТВЕННОЦА НА ЗАЩИТЕ ГОРОДА.....	110
А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский ХАРАЛЬД СУРОВЫЙ И НАПОЛЕОН БОНАПАРТ: РОСТ ПРАВИТЕЛЯ В ЖИЗНИ И НАРРАТИВЕ.....	140
А. М. Введенский ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА И ПРЕДАНИЯ О КИЕ.....	154
С. М. Михеев ЛЕГЕНДА О ВЛАДИМИРЕ И РОГНЕДЕ И СКАНДИНАВСКАЯ ТРАДИЦИЯ (К ПАРАЛЛЕЛИ С ЛЕГЕНДОЙ О СЫНОВЬЯХ ХЕЙДРЕКА)	169
С. Ю. Темчин О РЕАКЦИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ НА ПОСТАВЛЕНИЕ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА	180
Christian Raffensperger DYNASTIC MARRIAGE IN ACTION: HOW TWO RUSSIAN PRINCESSES CHANGED SCANDINAVIA.....	193

Ю. В. Кагарлицкий

МУЖЕСТВО КАК ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА206

Д. С. Николаев

Рецензия на книгу: RÜBEKEIL L. Diachrone Studien zur Kontaktzone zwischen
Kelten und Germanen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der
Wissenschaften, 2002. 498 S. 226

Семинар Центра славяно-германских исследований
за 2007–2008 годы231

Конференции и круглые столы Центра славяно-германских исследований
за 2006–2009 годы 232

Издания Центра славяно-германских исследований
за 2006–2009 годы 235

ИМЕНОСЛОВ
История языка
История культуры

Труды Центра славяно-германских исследований

Ответственный редактор *Ф. Б. Успенский*

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Корректор *И. Е. Иванцова*

Оригинал-макет *О. Ю. Марусова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел. / факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 11.02.2010. Формат 60x88 1/6

Усл. печ. л. 15. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №